

Н. А. Богомолов

**РАЗЫСКАНИЯ
В ОБЛАСТИ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА**

ОТ FIN DE SIÈCLE ДО ВОЗНЕСЕНСКОГО

ВРЕМЯ СИМВОЛИЗМА

I

Гуманитарное наследие

Николай Богомолов

**Разыскания в области русской
литературы XX века. От fin
de siècle до Вознесенского.
Том 1: Время символизма**

«НЛО»

Богомолов Н. А.

Разыскания в области русской литературы XX века. От fin de siècle до Вознесенского. Том 1: Время символизма / Н. А. Богомолов — «НЛО», — (Гуманитарное наследие)

ISBN 978-5-44-481468-0

Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Зинаида Гиппиус... В первый том посмертного собрания статей выдающегося филолога, крупнейшего специалиста по литературе серебряного века, стиховедению, текстологии и русской модернистской журналистике Николая Алексеевича Богомолова (1950–2020) вошли его работы, посвященные русским символистам, газете «Жизнь» и ее авторам, а также общим проблемам изучения русской литературы конца XIX — начала XX веков. Наряду с признанными классиками литературы русского модернизма, к изучению которых исследователь находит новые подходы, в центре внимания Богомолова — литераторы второго и третьего ряда, их неопубликованные и забытые произведения. Основанные на обширном архивном материале, доступно написанные, работы Н. А. Богомолова следуют лучшим образцам гуманитарной науки и открыты широкому кругу заинтересованных читателей.

ISBN 978-5-44-481468-0

© Богомолов Н. А.

© НЛО

Содержание

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЯМ	7
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ	9
ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ И ПОСЛЕДНИЙ СПУТНИК	9
ИЗ ЗАМЕТОК О СТИХАХ БРЮСОВА	18
ДВИЖУЩИЙСЯ РЕБУС	29
НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО БРЮСОВА К БАЛЬМОНТУ	41
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ	45
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ИТАЛИИ: 1892–1901	45
ФЛОРЕНЦИЯ В СУДЬБЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И ЕГО БЛИЗКИХ	53
К БИОГРАФИИ Л.Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ	60
ДВА АЛЬБОМНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯ ВЯЧ. ИВАНОВА	64
ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ НА СЛУЧАЙ	73
ЗИНАИДА ГИППИУС	77
ПИСЬМА ЗИНАИДЫ ГИППИУС К В.Д. КОМАРОВОЙ	77
ПИСЬМА ЗИНАИДЫ ГИППИУС К В.Ф. НУВЕЛЮ	102
ЦЕНзуРА, АВТОЦЕНзуРА И РЕДАКТуРА: ЗИНАИДА ГИППИУС В «СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСКАХ»	135
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Н. А. Богомолов
Разыскания в области русской
литературы XX века От fin de siècle до
Вознесенского Том 1 Время символизма

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЯМ

Зачем и кому нужны такие тома? Понятно, что они тешат самолюбие автора. А вот читателям, которые должны будут заплатить деньги за них? Да даже и тем, кто получит каким-либо способом бесплатно?

Несколько раз на протяжении двухтомника приходилось комментировать слова В.В. Розанова: «Я – бездарен; да тема-то моя талантливая». В данном случае вместо «темы» надо подставить слово «материал».

Так получилось, что в связи с разными переменами последнего десятилетия мне приходилось печататься по большей части в труднодостижимых изданиях по всему миру: в Италии, Франции, США, Канаде, Австрии, Германии, Нидерландах, Армении, Эстонии, даже в ЮАР, даже на Украине. Но и то, что было напечатано в России, часто оказывалось недоступным или почти недоступным. А среди напечатанного – стихи, проза, письма тех авторов, которые приносили и приносят славу русской литературе. Среди персонажей этой книги Лев Толстой и Иван Бунин, Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов, Зинаида Гиппиус и Федор Сологуб, Михаил Кузмин и Борис Пастернак, Алексей Крученых и Андрей Вознесенский, не говоря уже о менее знаменитых.

Но есть у этих двух томов, как я надеюсь, и другая сторона. Примерно 50 лет назад, когда я понял, что пушкинистом стать мне не по силам, и переключился на литературу более позднего времени, была иллюзия легкости этой специализации. Конечно, отвратительные советские конструкции многое загромождали, но жила надежда дойти до того времени, когда воссоединится насильственно разрубленная литература, издания из Парижа, Мюнхена, Вашингтона станут доступны, и вот тогда-то можно будет по-настоящему свободно писать о видных уже сейчас проблемах. Но как печально шутил Ильф: «Вот радио есть, а счастья нет». Выяснилось, что все не так просто. У нас до сих пор нет достойных собраний сочинений Блока, Брюсова, Мережковского, Сологуба, Бальмонта, Вяч. Иванова, Гумилева, Ахматовой, Ходасевича, Кузмина, Маяковского, даже Горький не закончен. А за этим маячит и другая задача: создать систему литературных хроник всякого рода и летописей жизни и творчества самых разных писателей, чтобы они давали нам панораму событий с точностью не до года, как мы привыкли, а до дней, иногда до часов.

Читатели моей книги столкнутся с тем, что в ряде случаев приходится признаваться, что ничего не знаешь о судьбе своего персонажа, чем-то очень характерного, или знаешь слишком мало, или знаешь с провалами. Но вместе с тем понимаешь, что дело не безнадежно. Первое издание «Трудов и дней Пушкина», составленное Н.О. Лернером, было несравненно выше всех предшествующих попыток; но через 7 лет он выпустил второе, фактически сделавшее первое ненужным. А доведи работу над третьим до конца, и второе было бы отменено. Лакуны заполняются: отыскиваются новые факты, по-иному, точнее читаются известные документы, интерпретаторы становятся все исхищеннее. Конечно, помогает интернет – но далеко не только он. Не случайно в заглавии двухтомника стоит слово «разыскания». Я и, разумеется, не только я, ищем то, что скрыто временем, обманчивой традицией, опасениями разного толка. Отыскиваются забытые бумаги, строчки газетной хроники, на которые прежде не обращали внимания, скучные официальные документы, да хоть счета из прачечной. Найденное сплетается в причудливую корневую систему, из которой прорастают новые представления о литературных отношениях. В моем представлении только так можно понять суть литературы, далеко не исчерпывающуюся давно известным.

Приращение нашего знания достигается и новыми фактами, и новыми прочтениями, и новыми концепциями, если только они не сводятся (если продолжить метафору) к превращению живого ветвящегося дерева в кучку иссохшего хвороста. Хочется надеяться, что совмест-

ные прогулки по зеленеющему, цветущему, плодоносящему саду русской литературы не будут скучными и бесполезными.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ И ПОСЛЕДНИЙ СПУТНИК

Сергея Ауслендера нельзя отнести к категории совсем забытых писателей, хотя переиздание его «взрослой» прозы¹ сенсацией не стало, и количество научных работ о нем невелико², причем в последнее время они более всего посвящены его творчеству сибирского периода. Едва ли не единственной концептуальной работой, помимо предисловия А.М. Грачевой к названному выше изданию, остается и по сей день статья З.Г. Минц «К изучению периода "кризиса символизма" (1907–1910)»³, где раннее творчество Ауслендера вписано в контекст зарождения постсимволизма. Однако, как нам представляется, его произведения заслуживают и специального изучения, дающего возможность несколько иначе оценить и перспективу, в которой они должны восприниматься.

Но сначала – несколько слов об авторе и его сочинениях, поскольку, видимо, далеко не всем читателям он в достаточной мере знаком.

Сергей Абрамович Ауслендер родился в 1886 году, то есть принадлежал к поколению Гумилева и Ходасевича, был их точным ровесником. Однако чаще всего он определялся как автор круга Михаила Кузмина, что в первую очередь было вызвано родственными связями: он был старшим сыном сестры Кузмина. Впрочем, дядя и племянник входили в литературу почти одновременно: первая публикация Кузмина состоялась в сборнике, на титульном листе которого стоял 1905 год, тогда же стал печататься в мелких студенческих и школьных журналах и Ауслендер. В 1906 году оба они дебютировали в «Весах», а в 1908 вышла первая книга стихов Кузмина «Сети» и первая книга рассказов Ауслендера «Золотые яблоки». В 1912 году у него появляется сборник «Рассказы. Книга II», в 1913 – тот роман, о котором у нас далее пойдет речь, в 1916 книга рассказов «Сердце воина». Однако литературная репутация Ауслендера была далеко не столь высокой, как у его дяди. Серьезные издания печатали его произведения несравненно реже, реже появлялись и книги, а рецензии были сдержанными, если не вовсе отрицательными. И хотя он был автором «Весов» и «Золотого руна», входил в молодую редакцию «Аполлона», был его обозревателем (преимущественно театральным), постоянным

¹ *Ауслендер Сергей*. Петербургские апокрифы: Роман, повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. А.М. Грачевой. СПб., 2005. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

² Основная библиография Ауслендера до 2005 г. включительно представлена в кн.: Русская литература конца XIX – начала XX века: Библиографический указатель. М., 2010. Т. I. С. 106–111. Из более поздних работ отметим содержательную, хотя излишне, как нам представляется, резкую по тону рецензию Алексея Бурлешина на названное в примеч. 1 издание (Критическая масса. 2006. № 3. С. 83–85), а также: *Евсина Н.А.* Проза С. А. Ауслендера 1918–1928 гг. в историко-литературном контексте первой трети XX века / Автореферат... кандидата филол. наук. Пермь, 2013 (тут же библиография предшествующих статей автора); *Журавлев В.В.* Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. научных статей. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 102–111; *Он же*. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137 (электронный журнал: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf>, дата обращения 10.05.2020); *Перхин В.В.* Семнадцатый год в оценке С.А. Ауслендера (Очерки о политических лидерах) // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М., 2017. С. 228–237. В нашем контексте особенно интересны работы: *Самарин Алексей*. Нина Петровская в романе Сергея Ауслендера «Последний спутник» (1913) // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. [Тарту, 2018]. [Вып.] 29. С. 161–175 и размещенная в сети Интернет его же магистерская работа: *Самарин Алексей*. «Записки Ганимеда» С. Ауслендера и петербургские гафизиты. Тарту 2016; ср.: *Он же*. Биографический подтекст «Рассказа в пути» (1916) С.А. Ауслендера // Текстология и историко-литературный процесс: VI международная конференция молодых ученых. М., 2018. С. 135–144.

³ *Минц З.Г.* Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 207–222. Впервые: Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1988. Вып. 881 (Блоковский сборник, 10). См. также нашу работу: «Сергей Ауслендер: стилизация или стиль?» (*Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: статьи и материалы. М., 2010. С. 435–442).

сотрудником почтенной газеты «Речь», популярным драматургом, – все же прославиться ему явно не удалось.

После октябрьской революции он перебирается сначала в Москву, а потом дальше на восток – в Екатеринбург и в Омск, где становится военным корреспондентом, близким к адмиралу Колчаку. В местных газетах он печатает многочисленные статьи и роман «Видения жизни», по всей видимости, не оконченный. После отступления белой армии он остается около Омска, какое-то время живет без документов (очевидно, пытаясь избежать преследований), работает воспитателем в детском доме в сибирской деревне и только в 1922 году, поверив в нэп, возвращается в Москву. Тут он довольно активно печатал прозу, преимущественно для детей и юношества, и работал в Театре юного зрителя, стал даже почетным пионером. В 1937 году был арестован и тогда же расстрелян, хотя долгие годы датой смерти значился 1943, как стояло в справке, выданной родственникам.

Традиционно Ауслендер считается искусным стилизатором, против чего нам уже приходилось выступать. Опорой для нашего суждения была статья родственника писателя, брата его жены, мемуариста и критика Е.А. Зноско-Боровского. Напомним его слова: «С первых же литературных опытов он попал на свою полочку, и на него был нацеплен ярлык, относивший его к числу “стилизаторов”, так что долго спустя на его долю приходились все выпады и насмешки, которые предназначались им. А этот “стилизатор” Франции XVIII в. и ее революции даже не владел французским языком: стилизация его оказывалась, таким образом, из вторых рук. Но за нею скрывалась та большая работа, которая производилась молодым писателем над русской прозой и которая позволила ему постепенно создать свой собственный язык, лишенный, правда, силы и мужественности, но очень четкий, с превосходно построенными фразами, находчивой расстановкой слов и необычайно выпуклыми зрительными образами. Приходится сознаться, что русская проза, отягощенная психологическими и религиозными проблемами, в значительной степени перестала интересовать многих наших писателей сама по себе, своими законами и свойствами. Чистота и живописность Пушкина и Лермонтова почти утрачены. И как поэты конца XIX и начала XX вв. вернули стиху его самоценность, то же самое должно быть сделано и в отношении прозы. Сергей Ауслендер был один из тех, кто сознал эту задачу и своим путем шел к ее разрешению. Приверженность к XVIII и первым десятилетиям XIX в. указала ему время, где искать образцов. Но по мере того, как он уходил от этой эпохи в своих произведениях, его слог терял архаическую жеманность и манерность, сохраняя, однако, все черты безупречного строения и отчетливой изобразительности. А эти черты были необходимы писателю по самому характеру его творчества»⁴. Тем более это касается его романа «Последний спутник», так как в нем наименее отчетливо представлена «стилизионная» линия творчества Ауслендера.

Сюжет романа прост. В Москву из провинции приезжает молодой художник Гаврилов, вызванный редактором большого модернистского журнала Полуярковым. Но их личная встреча оборачивается разочарованием: Полуярков отказывается покупать картину Гаврилова, и тот собирается уехать. В этот момент происходит роковое событие: на Гавриилова обращает внимание любовница Полуяркова Юлия Михайловна Агатова. Во время их встречи наедине с почти неизбежным последующим сближением Гаврилов теряет сознание, несколько дней проводит у Агатовой, но все же покидает ее и, навестив родительский дом в деревне, перебирается в Петербург, где оказывается в центре богемной жизни. Через некоторое время к нему приезжает Агатова, но лишь мешает ему в вихре различных дел. Однако они уславливаются о совместном путешествии в Италию, где и происходит наконец-то их сближение телесное, но душевно они расходятся все дальше и дальше. По возвращении в Петербург, узнав,

⁴ Зноско-Боровский Евг. Сергей Ауслендер // Последние новости (Париж). 1922. 13 августа. № 712.

что Гавриилов перебирается жить в дом профессора Ивякова, с дочерью которого у него явно начинается роман, Агатова кончает с собой.

Роман был бы крайне незатейлив, если бы не очевидная прототипичность его героев. С радостью посвященные современники и позднейшие исследователи узнавали в Полуяркове Валерия Брюсова, в Агатовой – его многолетнюю пассию Нину Петровскую, в профессоре Ивякове и его детях – Вячеслава Иванова, В.К. и С.К. Шварсалонов, в композиторе Юнонове – дядю автора, поэта и композитора Михаила Кузмина. А за Гаврииловым явственно просматривался сам Сергей Ауслендер, только переменивший род деятельности – вместо литератора ставший художником.

Не слишком затруднительно и приблизительное хронологическое отождествление московской и петербургской реальности с описаниями в романе: первая известность пришла к Ауслендеру в 1906 году, персонаж по имени Эдинька (в романе – тоже Эдинька или Эдуард Семенович) присутствует в дневнике М.А. Кузмина в конце 1906 и начале 1907 года.

Это делает яснее и сюжет. Ауслендер познакомился с Петровской во время визита в Москву летом 1907 года; ему была посвящена вышедшая в том же году книга рассказов Петровской «Sanctus Amor» (а он, в свою очередь, посвятил Петровской рассказ «Корабельщики, или Трогательная повесть о Феличе и Анжелике», впервые напечатанный в 11-м номере «Весов» за тот же 1907 год). Осенью 1907 года Петровская приезжала к Ауслендеру в Петербург, а весной 1908 они вместе уехали в Италию, где провели довольно долгое время, но после путешествия окончательно расстались.

Уже сразу по возвращении Ауслендер собрался писать роман. 7 мая 1908 года он сообщал Г.И. Чулкову: «Наконец весьма удачно и успешно закончил свое путешествие, о многих приключениях которого внешних и внутренних пришлось бы написать целую книгу, о чем помышляю». Конкретизировался этот замысел по-разному. Так, 10 мая Ауслендер рассказывал в письме своему другу В.Ф. Нувелю: «Умилительно, пропутешествовав два месяца, ничего ни о ком не зная, вернуться наконец домой и найти все старые вещи на старых местах. <...> Путешествие пошло мне в явный прок: я сильно помолодел, пободрил и соскучился о Петербурге и друзьях, что тоже нужно ценить. <...> Мое “Итальянское путешествие” будет полно трогательных, изысканных и веселых приключений, некоторые главы его, вероятно, останутся только для друзей, так: о бане Тиберия и мальчиках Круппа на Капри (они будут заменены благочестивыми рассуждениями о М.Горьком, его голубых глазах, белой вилле и т.п.), а также мысли, пришедшие в тайной комнате Casa del Vetti в Помпеи». Поначалу роман двигался споро, и 18 июля Кузмин (живший тогда у сестры, где был и Ауслендер) записал в дневнике: «Сережа в письме к Тастевену пустил уже удочку насчет романа»⁵. Однако впоследствии возникли какие-то сложности, и под окончательным текстом стоит дата «Март 1913 года».

И надо сказать, что для этой литературной эпохи, пять лет спустя после реальных событий, роман должен был казаться анахронизмом, если видеть в нем лишь roman à clef. Все-таки такие произведения бывают замечены публикой лишь в тот конкретный момент, с которым они связаны. Так было, скажем, с повестями М. Кузмина «Картонный домик», «Двойной наперсник», «Покойница в доме», его же романом «Плавающие путешественники», с комедией Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел», рассказом Андрея Белого «Куст», с некоторыми произведениями А. Ремизова и других авторов того времени.

Как нам представляется, резон появления романа Ауслендера состоял в создании особой повествовательной структуры, основанной не только на прототипичности, но и на других элементах, из которых главным является сложная игра с характерами, ситуациями и мифологемами брюсовского «Огненного Ангела». Попробуем показать это на ряде примеров.

⁵ Цитаты из писем и дневника даются по кн.: Кузмин М. Дневник 1908–1915. СПб., 2005. С. 595–596, 49.

Прежде всего это относится к соотносительности сюжетов двух романов и их наложению на реальную действительность. Как хорошо известно, «Огненный Ангел» сопрягает историческое повествование с прекрасно понятными современникам ситуациями из реальной жизни. Если представить себе сюжет романа в схематической форме, то он устроен как два сопрягающихся треугольника: Рената–Рупрехт–граф Генрих и Рупрехт–Рената–Агнесса, к чему добавляются две линии, не укладывающиеся в общий сюжет: Агриппы и Фауста. В жизни реальной второй треугольник и побочные линии отсутствовали, но первому треугольнику вполне соответствовал аналогичный – Петровская–Брюсов–Белый. Эту сюжетную общность дополняли и характеристики персонажей (о чем довольно написано С.С. Гречишкиным и А.В. Лавровым, а также З.Г. Минц⁶), открыто проецирующиеся на мифологизированную схему отношений между участниками жизненного треугольника: *femme fatale* Петровская, опытный, трудолюбивый и играющий роль великого мага Брюсов, солнечный организатор эзотерического общества аргонавтов, глубоко переживающий свое «падение с Ниной Ивановной», как сказано в его собственных дневниковых записях⁷, Андрей Белый, кающийся в этом падении.

Совершенно аналогичным образом построен и «Последний спутник». В нем также соединены два любовных треугольника: Агатова–Полуярков–Гавриилов и Агатова–Гавриилов–Тата Ивякова, и первому из них в реальном плане соответствовали отношения Петровской, Брюсова и самого Ауслендера, а второго треугольника, в точности как в «Огненном Ангеле», в действительности не существовало, равно как и побочных линий, о которых мы скажем позднее. Мало того, «Последний спутник» подхватывает и мифологические ходы «Огненного Ангела», хотя, естественно, несколько их трансформирует. Таков, например, диалог Агатовой с Полуярковым на бульваре: «Ты лжешь, когда говоришь, что уйдешь от меня. Куда? С кем?» – «С ним! С светлым избавителем!» – почти вскрикнула Агатова. – «С кем? С Гаврииловым?» (С. 67). Или творческая фантазия Полуяркова: «...он думал сквозь сон почему-то о вещи куртизанке, которую Симон-Волхв водил за собой по вертепам, храмам, городам, волям, проповедуя в ней вечную Елену. “Елена Енная”, – и почему-то, как-то странно соединенные в одно, и Юлия Михайловна Агатова, и Гавриилов представились ему» (С. 47). Тем самым он сам себя фактически называет магом. И, провожая Гавриилова, Юлия говорит ему: «Он (Полуярков. – Н.Б.) пишет поэму “Елена Енная, святая блудница”. Он хотел посвятить ее мне. Нет, нет, не он мой Симон, а ты. Ты уведешь меня к радостному спасению» (С. 70). Отметим в скобках, что странно звучащее «Енная» – по всей видимости, искажение малосведущим в истории мистики Ауслендером гностического термина «Энной», который значительно позже появится в стихах Михаила Кузмина (в близкой огласовке: «Енной»), а сюжет о Симоне-Маге станет основой его неоконченного романа «Римские чудеса».

Отказываясь от разработки мистических мотивов на переднем плане повествования, Ауслендер все-таки их воспринимает, уводя в подтекст и связывая с одним из героев. Но как раз внимательное отношение к героям повествования заставляет усомниться в том, что все в традиционной трактовке романа так уж правильно. Мы полагаем, что на деле роман далек от того, чтобы «представлять собой слегка закамуфлированную картину художественной жизни Москвы и Петербурга, данную в том освещении, в каком она предстала взору входившего в литературные круги Ауслендера» (С. 28–29). И дело даже не в том, что, как пишет А.М. Грачева, «все это составляет поверхностный слой художественной ткани романа» (С. 29). Суть, как нам представляется, состоит в принципиальной неоднозначности уже самой структуры соотношения хорошо известной многим читателям художественной жизни Москвы и Петербурга с текстом романа.

⁶ См.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 6–77; Минц З.Г. Поэтика русского символизма. С. 242–262.

⁷ Литературное наследство. М., 2016. Т. 105: Андрей Белый: Автобиографические своды. С. 98.

Пожалуй, только два главных героя «Последнего спутника», Гаврилов и Агатова, уверенно проецируются на самого Ауслендера и Нину Петровскую (с лишением обоих каких бы то ни было знаков литераторства). О других стоит поразмышлять особо.

Так, есть большой соблазн поверить, что постоянный любовник Агатовой Ксенофонт Алексеевич Полуярков – действительно Валерий Яковлевич Брюсов, как об этом свидетельствует и сам сюжет романа, и многие внешние черты сходства персонажа с реальным человеком. Однако стоит посмотреть внимательнее, и без труда можно увидеть, что с самого начала автор дает нам понять – не все здесь так просто.

Отец Полуяркова – купец первой гильдии, тогда как Яков Кузьмич Брюсов – «Московский 2-й гильдии купеческий сын»⁸. Живет Полуярков в родительском доме «с мезонином и каменными службами на дворе» (С. 41) в вымышленном Николо-Подкопаевском переулке. Достаточно взглянуть на фотографию дома Брюсовых 1890-х годов⁹, чтобы увидеть – ничего похожего. С утра герой романа молится: «...отдернул занавеску, скрывавшую в углу целый иконостас старого, прекрасного письма ликов, и стал молиться, шевеля богато расшитой лестовкой...» (С. 43). Уже этого описания довольно, чтобы понять: перед нами старообрядец, а не обычный православный, каким был Брюсов. У него светлые волосы (С. 51), тогда как Брюсов – определенно брюнет. Редакция журнала, в которой главенствует Полуярков, размещается в «небольшом чистеньком особнячке» (С. 51) «с видом на снежный бульвар» (С. 52), тогда как редакция «Весов», какой ее застал Ауслендер, находилась в роскошном и большом здании гостиницы «Метрополь» на пятом этаже. Описание ее, оставленное регулярным посетителем Б.А. Садовским¹⁰, конечно, имеет кое-что общее с неназванной редакцией из романа, но и различия достаточно велики.

Довольно легко понять, к чему мы клоним. Купцом первой гильдии был П.М. Рябушинский, живший в Малом Харитоньевском переулке, в доме, весьма внешне похожем на описанный в романе¹¹. Все семейство Рябушинских принадлежало к белокриницкому согласию старообрядцев. Сын П.М. Рябушинского, Николай Павлович, издатель журнала «Золотое руно», описан в мемуарах так: «Николай Павлович похож был на доброго, молодого, незлобливоего лесного бога Пана. Пышные, волнистые, русые волосы, голубые глаза...»¹². Уже упоминавшийся ранее Б.А. Садовской вспоминал о журнале: «Дело было задумано широко. Под редакцию наняли особняк на Новинском бульваре. <...> По четвергам на вечерних приемах...»¹³. Конечно, мы далеки от того, чтобы представлять дело так, будто Полуярков списан с Рябушинского. Однако нельзя не видеть, что автор нарочито делает образ персонажа двоящимся, проецирующимся сразу на двух людей.

Добавим и еще одно рассуждение. В произведениях подобного типа авторы прибегают к различным способам шифровки личных имен. Для Кузмина, например, как это уже давно показали авторы статьи «Ахматова и Кузмин», на первый план выдвигались способы, основанные на смысловых подменах: в «Картонном домике» Сомов становился Налимовым, Павлик Маслов – Павликом Сметаниным, Ольга Глебова (впоследствии Глебова-Судейкина) – Еленой Борисовой, и так далее¹⁴. Ауслендер пошел по другому пути. С одной стороны, он явно семан-

⁸ Аишукин Николай, Щербаков Рем. Брюсов. М., 2006. С. 24. («ЖЗЛ»).

⁹ Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 151. Ср. также описание дома в мемуарах: Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 258; Ходасевич Владислав. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 20–22.

¹⁰ Садовской Б.А. «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публ. Р.Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. [Т.] 13. С. 19–20.

¹¹ Фотографию см.: Династия Рябушинских / Автор текста и сост. Ю.А. Петров. М., 1997. С. 17.

¹² Виноградов С.А. О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах (Из моих записок) // Сегодня (Рига). 1935. 31 марта. № 90.

¹³ Садовской Борис. Записки (1881–1916) / Публ. С.В. Шумихина // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах. М., 1991. [Т.] I. С. 153–154. В «Весках» приемным днем были вторники.

¹⁴ Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. VI-3. С. 228–235.

тизирует большинство фамилий, но без прямой связи с этимологией фамилий прототипов: Гавриилов отчетливо связывается с именем архангела (еще один намек на брюсовский роман), Полуярко́в происходит от довольно редкого слова «полуярка» – молодая волчица, еще не приносившая щенков, Юнонов явно берет происхождение от «Юнониной птицы», павлина. Но существеннее, как кажется, ритмическое строение фамилий. В статье «Парижский альбом. V» Владислав Ходасевич писал: «Условные имена Делии, Хлои, Темиры, Лилеты и т.д. употреблялись только в стихах, как псевдонимы, заменяющие действительные имена возлюбленных. Эти псевдонимы обычно состояли из стольких же слогов, как и настоящие, скрытые имена, и несли ударение на том же слоге. Так, Темира могла заменять, например, Надежду, Хлоя – Анну и т.д.»¹⁵. Нечто подобное проделывает и Ауслендер. В подавляющем большинстве случаев фамилии, а нередко и имена героев состоят из такого числа слогов с ударениями на том же месте, что и в фамилиях прототипов: Гавриилов – Ауслендер, Агатова – Петровская, Александр Ивяков – Вячеслав Иванов, его дети Тата и Мика – Вера и Костя. Даже совершенно эпизодический персонаж, описанный так: «...молодой человек, одетый в лиловатый с полосками пиджак, изысканно причесанный по-английски пробормом, сморщенным, потасканным лицом напоминающий живой лимбургский сыр» (С. 48), назван Кикой, что вполне соответствует уменьшительному имени друга и конфидента Петровской Ходасевича – Владя. Единственный, кто наименован по другому принципу, – Юнонов-Кузмин. Но Ксенофонт Полуярко́в совсем не напоминает в этом отношении Валерия Брюсова, зато Николая Рябушинского – очень. Повторимся: мы вовсе не хотим сказать, что Полуярко́в списывался с Рябушинского, но некий отблеск ложится и от его выразительной фигуры.

Возьмем еще один пример. Во второй части романа появляется довольно загадочная фигура – художник С. Вначале его имя возникает в разговоре Гавриилова и художника Второва, потом так же почти случайно – в речи профессора Ивякова, потом два художника работают как ученики в его мастерской, затем он подает Гаврилову идею о путешествии в Италию, и последнее, что мы о нем узнаем – под его руководством Гавриилов расписывает «новое большое кафе» (С. 121), и во время обеда по поводу окончания работ он еще раз настаивает на том, чтобы Гавриилов ехал в Италию. Больше он на страницах романа не появляется. В комментарии А.М. Грачевой читаем: «...прототипом художника С. является Сергей Юрьевич Судейкин (1882–1946) – художник, автор росписей стен артистического кабаре “Бродячая собака”» (С. 672), и далее новое кафе еще раз напрямую отождествляется с «Бродячей собакой» (С. 674).

Кажется, не все здесь сходится.

Прежде всего, вызывает сомнения сама профессия С. Если автобиографического персонажа Ауслендер делает художником, то резонно было бы предположить, что художниками сделаны и другие литераторы. Это подтверждается прототипом еще одного из персонажей романа – художника Второва. Ему отданы черты характера и многие речи доброго знакомого Ауслендера, писателя Г.И. Чулкова. В романе разница между Гавриловым и Второвым описана так: «Дружба соединяла этих двух, столь противоположных молодых людей – тихого, меланхолического, вялого Гавриилова и Второва – быстрого, бодрого, шумного» (С. 91). И очень схожее определение (с довольно значительной разницей, о которой далее) содержится в книге воспоминаний Чулкова: «А.Н. Толстой забавно рассказывал, как Ауслендер, встретив его где-то, сказал назидательно: “Писатель должен быть бодрым”. При этом Толстой изображает интонации и позу своего собеседника, обличающие в этом проповеднике “писательской бодрости” самую откровенную склонность к ленивой прелесть *dolce far niente*»¹⁶. Можно было бы приводить и другие доводы, заставляющие видеть прототип, но, кажется, достаточно и одного. В довольно случайном разговоре Второв бросает фразу, которая явно ведет к Чулкову: «Откуда у вас такое

¹⁵ Дни. 1926. 4 июля. № 1045.

¹⁶ Чулков Георгий. Годы странствий. М., 1999. С. 188.

”непрятие мира”?» (С. 122). В 1906–1907 гг. понятие «непрятие мира» было крепко связано с личностью Чулкова, издавшего брошюру «О мистическом анархизме. Со вступительной статей Вячеслава Иванова о непрятии мира» (СПб., 1906). Несмотря на то, что статья была написана Вяч. Ивановым, непрятие мира как один из лозунгов «мистического анархизма» явно намекало на Чулкова.

Но дело даже не в этом. «С.» как шифр в системе образов романа должно было решительно выделяться, поскольку принадлежало единственному персонажу, названному не фамилией, а криптонимом. И этот криптоним не имеет сколько-нибудь явного прототипа: мы получаем слишком мало данных для того, чтобы отождествить С. с кем-либо из известных писателей либо художников того времени. Автора комментариев привлекла возможность отождествить фрески в «новом большом кафе» со знаменитой «Бродячей собакой», которой не только посвящаются книги, но она еще и восстановлена как памятник петербургской культуры. Однако оснований для такого отождествления на деле нет никаких. «Бродячая собака» была расположена в подвале с низкими потолками, лишена воздуха и простора. В противовес этому расписываемое С. и его учениками кафе выглядит по-иному: «Миша вместе с Второвым и еще несколькими молодыми художниками проводили целые дни в этих больших, отделанных белым с розовым мрамором залах» (С. 121), «... ярко горели сотни ламп в пустых белых залах, украшенных причудливыми фресками» (С. 122), а как итог и завершение работы устраивается прощальный вечер в ресторане «Пивато» (там же, где чествовали С.К. Маковского после появления первого номера журнала «Аполлон»), что трудно себе представить в случае делавшегося на живую нитку помещения «Бродячей собаки».

И вместе с тем не слишком трудно понять, что было образцом для этой ситуации. 27 сентября 1907 г., т.е. незадолго до реального отъезда С.А. Ауслендера в Италию, М. Кузмин записывал в дневнике: «Заходили в café, отделяемое Лансере, и в кафе Рейтер». «Кафе Рейтер» как уже существующее и ничем особенным не примечательное нас вряд ли может интересовать, а вот другое – может. Хроника сообщала о нем: «Вчера нам довелось осмотреть новое, еще не открытое “Café de France” в доме армянской церкви на Невском, на художественную отделку которого, по сообщениям газет, затрачено около 150.000 рублей. На этот раз газеты близки к истине. Роскошь, действительно, поразительная. Всей постройкой этого богатого Café заведует архитектор-художник А.И. Тименев. Все панно и фигуры выполнены художниками Е.Е. Лансере и В.М. Шуко. <...> Устраивается и “артистическая” комната для актеров, писателей, художников и проч.»¹⁷. Эта самая «артистическая» очень удачно проецируется на описанную в романе «небольшую заднюю комнату, которая, по замыслу заказчика, должна была иметь вид более интимный, чем главные залы» (С. 121). Эта работа была для художника не проходной. К.А. Сомов в письме к А.П. Остроумовой-Лебедевой рассказывал: «В конце июля совершенно неожиданно приехал в Петербург Женя Лансере, получивший заказ написать фреску для вновь открывающегося на Невском кафе. Заказ *tour de force* в две недели написать картину в несколько квадратных аршин. И он справился с этой задачей»¹⁸. И, видимо, не случайно словарь Брокгауза и Ефрона в статье о Лансере отмечал: «В Москве им исполнены панно в Большой Московской гостинице, плафон и фриз в доме Тарасовых, в Петербурге – фреска в Café de France»¹⁹.

Опять-таки это вовсе не значит, что в С. мы должны видеть именно Лансере. Если мы предпочтем видеть под этим инициалом художника, а не литератора, то на его роль годятся и Судейкин (бывший, вместе с Ауслендером, прототипом героя в повести М. Кузмина «Картонный домик»), и К.А. Сомов (С. из романа «рисовал что-то на крошечном кусочке картона»,

¹⁷ Обзорение театров. 1907. 2 августа. № 160.

¹⁸ Константин Андреевич Сомов. Мир художника: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 102.

¹⁹ Репродукцию эскиза этой фрески см.: Гофман Ида. «Золотое руно»: Журнал, выставки 1906–1909. М., 2007. С. 113.

с. 99, – что напоминает склонного к миниатюрам Сомова, тогда как Судейкин к ним вовсе не был расположен), и, видимо, Н.Н. Сапунов. Но в любом случае перед нами художник из круга «Мира искусства», но не прямо соотносящийся с реальным прототипом. В сфере же литературной такое отождествление было бы, кажется, вообще затруднительно.

Прямые параллели «Последнего спутника» с «Огненным Ангелом» при внимательном рассмотрении начинают тоже уступать место более сложным способам соотнесения героев и их мифологизированных ролей. Только Агатова и Рената (почти рифмующиеся между собой наименования героинь) практически едины по своим характеристикам. Но Гавриилов и граф Генрих, Полуярко́в и Рупрехт значительно отличаются не только внешними деталями, но и сущностными характеристиками. Начинается это уже в конце четвертой главки, когда мимо упоминавшегося выше Кики проходит Полуярко́в, который «сверкнул на прорвавшемся вдруг в цветное окно солнце золотом гладко причесанных светлых волос своих» (С. 51). На него сложно ложится не только солнечный луч, но и отблеск внешности графа Генриха: «...волосы, действительно, похожие на золотые нити, так как были они тонки, остры и сухи и до странности лежали каждый отдельно, возносились на его челом, словно нимб святых». Но в то же время и Гавриилов не меньше напоминает графа Генриха: «...стоило взглянуть на его лицо, тонкое, бледное, необычайное, почти детское, но таящее в улыбке нежного безбородого рта что-то, от чего страшно и сладко становилось...» (С. 47). Но настоящий граф Генрих остался в прошлом Агатовой – это репетитор ее брата, до предела похожий на героя брюсовского романа: «Нет, не студент-репетитор он, а рыцарь св. Грааля, призрак зовущий, и, послушная его зову, готова Юленька идти на смертный подвиг, на страшную гибель» (С. 101). У него золотой нимб шелковых кудрей, у него словно растут за плечами крылья, как у графа Генриха, только развязка этой истории – в измене Огненного Ангела, после которой и начинаются поиски его подобий.

В столкновении Полуярко́ва и Гавриилова, то есть в их встрече в редакции, победа остается не за графом Генрихом, как было в «Огненном Ангеле», а за Рупрехтом: «Нам не о чем больше говорить». И после этого он словно продолжает властвовать над Гаврииловым, посылая ему пятьдесят рублей и предложение сотрудничества. Но Агатова выбирает Гавриилова. Дуэль, таким образом, завершается вничью.

Наконец, еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание. Персонажем второго треугольника в «Огненном Ангеле» является Рупрехт, тогда как в «Последнем спутнике» – Гавриилов. Да и завершается он совсем по-другому: Рупрехт выбирает Ренату, Гавриилов – Тату Ивякову. Вместо темного и мучительного побеждает ясное и дающее облегчение. Все сказанное, как кажется, говорит о том, что в романе Ауслендера меняются сами брюсовские персонажи, они как будто перетекают друг в друга, порождая в итоге героев Ауслендера, вовсе не сводимых к исходным мифологемам.

В заключение отметим, что в «Последнем спутнике» оккультное начало хоть и отходит на задний план, но все же остается. Не случайно в воспоминании Агатовой звучит фраза ее будущего мужа: «Юлия Михайловна с господином Авизовым оккультными науками занимается...» (С. 101). Нечто инфернальное есть и в Полуярко́ве, и в Агатовой, и в мечтаниях самого Гавриилова, который ведь и нравится полуярко́вскому окружению двоением своих картин, в чем-то глубинном отвечающим устремлениям этого круга.

Наконец, скажем и о том, что в «Последнем спутнике» является побочной линией, заменившей брюсовских Агриппу и Фауста. Это, как нам представляется, вовсе не «обряд инициации», о котором говорит в своем предисловии к новейшему изданию произведений Ауслендера А.М. Грачева, а классический Bildungsroman, усвоенный в первую очередь через «Крылья» Кузмина. Только вместо открытия мира мужской любви Гавриилов знакомится со страстной и надрывной женской. Как Ваня Смуров в «Крыльях» встречает Штрупа и понимает, что это его судьба, так Гавриилов во Флоренции встречает Юнонова – и оказывается в упоении. «В первый раз открытыми глазами увидел Миша Италию, и у него захватило дух от радости перед

этими живыми, такими радостными чудесами» (С. 160). У него так же, как у Вани, «вырастают крылья», только это событие заставляет его понять несправедливость романа с Агатовой и перелить свою радость в совсем другие формы.

Таким образом, Сергей Ауслендер, используя мотивы, ситуации, сюжетные ходы, систему персонажей и даже словесные построения «Огненного Ангела» создает произведение совсем иного толка. Он опробует те приемы, которые впоследствии будут во многом определять прозу постсимволистского времени – романы Вагинова, «Сумасшедший корабль» и «Ворон» Ольги Форш и так далее, вплоть до «Золотого ключика» Алексея Толстого. Но это уже должно быть темой совсем иного исследования.

В п е р в ы е: Брюсовские чтения 2013 года. Ереван, 2014. С. 258–273.

ИЗ ЗАМЕТОК О СТИХАХ БРЮСОВА

Поэтическое наследие Валерия Брюсова велико, и все одновременно держать его в памяти невозможно, особенно если специально и постоянно его изучением не занимаешься. Но когда приходится по той или иной причине перечитывать большие фрагменты, вдруг всплывают параллели, аналогии и факты, которые так или иначе проясняют природу разных стихотворений.

Недавно нам пришлось перечитывать для выполнения одной задачи все его опубликованные как при жизни, так и посмертно произведения, и кое-что предстало в свете, о котором ни мы, ни наши предшественники не задумывались, а если задумывались, то не выносили это на суд читателей. Решаемся представить несколько таких размышлений и наблюдений.

1. ОТВЕТ АКМЕИСТАМ

Среди не опубликованных при жизни сочинений Брюсова сохранилось стихотворение, дважды перепечатанное и даже комментированное. Вот его текст:

* * *

Есть некий час всемирного молчанья.

Ф. Тютчев

День красочный, день ярко-пестрый,
Многоголосный шумный день;
Ты сердце ранишь болью острой,
Ступени взносишь на ступень.

Всходя по лестнице небесной,
Мы, страх и радость затая,
Взираем, из юдоли тесной,
На всю стоцветность бытия!

И, как Адамы, всем виденьям,
Всем звукам, всем лучам миров
Мы ищем, с нежным умилением,
Непобедимо-верных слов.

Но сходит ночь, и яркость тонет
В единой, безразличной мгле,
И Тень бестрепетно хоронит
Все разделения на земле.

Нет ничего, дела и вещи
Смешались, чтобы в бездну пасть,
И Хаос древний, Хаос вещей

Рукой оледеняет страсть.

Подходит страшный час незнания,
Единства и слиянья час...
О, час всемирного молчанья,
Ты с Тайной жизни близишь нас!

7 мая 1913²⁰

Кажется, помещение его в раздел «Пленная мысль» сборника «Неизданные стихотворения» имеет все основания. Квазифилософское размышление на тему, заданную эпиграфом²¹, слишком банально, чтобы претендовать на публикацию, хотя, конечно, у Брюсова бывали опусы и похуже. Но все-таки звание первого поэта, которое он сам себе усвоил²², налагало определенные обязательства. Однако нам представляется, что дело было не только в этом, а в достаточно откровенном полемическом характере стихотворения.

Напомним общеизвестное: в первом номере журнала «Аполлон» за 1913 год публикуются два манифеста нового течения – акмеизма. В третьем номере – стихи адептов этого направления, а в четвертом номере «Русской мысли» Брюсов напечатал статью «Акмеизм» из цикла «Новые течения в русской поэзии», где подверг и статьи, и стихи акмеистов резкой критике, отказав им в новаторстве. При этом он сделал единственную оговорку: «Изо всей проповеди акмеистов единственное место, представляющее некоторый намек на мысль, которая может быть плодотворна для поэзии, – это предложение г. Городецкого, чтобы “новый Адам” (т.е. поэт-адамист) не изменил своей задаче – “опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух”. Нельзя отрицать, что непосредственное творчество истинного поэта, который сумел бы освободиться от всего, сделанного в искусстве до него, сумел бы стать “новый Адамом”, могло бы быть значительным»²³.

На самом деле Городецкий говорил о другом. Вот цитаты из его манифеста: «Резко очерченные индивидуальности представляются Цеху большой ценностью, – в этом смысле традиция не прервана. Тем глубже кажется единство некоторых основных линий мироощущения. Эти линии приблизительно названы двумя словами: акмеизм и адамизм. Борьба между акмеизмом и символизмом, если это борьба, а не занятие покинутой крепости, есть, прежде всего, борьба за *этот* мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю. Символизм, в конце концов, заполнив мир “соответствиями”, обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самооценку. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще. Звезда Маир, если она есть, прекрасна на своем месте, а не как невесомая точка опоры невесомой мечты. Тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиком и конями, а не

²⁰ Брюсов Валерий. Собр. соч.: В 7 т. М., 1974. Т. III. С. 323. (В дальнейшем, ссылаясь на данное собрание сочинений, мы делаем это непосредственно в тексте, латинскими цифрами указывая том, арабскими страницу.) Впервые – под заглавием «День красочный» в кн.: Брюсов Валерий. Неизданные стихотворения. М., 1935. С. 190–191.

²¹ В том собрании сочинений Тютчева, где Брюсов принимал самое непосредственное участие (Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. СПб., 1913. С. 69), первая строка стихотворения «Видение» напечатана именно так, что оговорено в примечаниях к собранию сочинений Брюсова. Новейшие издания возвращаются к варианту первой публикации: «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья».

²² 20 января 1914, т.е. менее чем через год после написания стихотворения, он убеждал Вяч. Иванова: «О Москве не то что стараюсь, а решаюсь не думать. Что до Москвы поэтов, – и футуристов, – то надеюсь на тебя очень. За моим отсутствием ты, вероятно, принял по праву принадлежащую тебе державу в этом царстве, как то было в Петербурге. Вернувшись (если вернусь), я первым покорно признаю твою волю, ибо надо, чтобы и москвичи испытали ее благостное ярмо» (Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 539 / Публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева, А.В. Лаврова). В мае же 1913 г., когда Иванов был далеко, он должен был чувствовать себя неограниченным монархом.

²³ Брюсов Валерий. Среди стихов. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 398–399.

притянутой под ее покров политикой. И не только роза, звезда Маир, тройка – хороши, т. е. не только хорошо все уже давно прекрасное, но и уродство может быть прекрасно. После всяких “неприятный” мир бесповоротно принят акмеизмом, во всей совокупности красот и безобразий. Отныне безобразно только то, что безобразно, что недовоплощено, что завяло между бытием и небытием. <...> Но этот новый Адам пришел не на шестой день творения в нетронутый и девственный мир, а в русскую современность. Он и здесь огляделся тем же ясным, зорким оком, принял все, что увидел, и пропел жизни и миру аллилуйя. <...> Новый Адам не был бы самим собой и изменил бы своей задаче – опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух, – если бы он, после зверей Африки и образов русской провинции, не увидел и человека, рожденного современной русской культурой»²⁴.

Можно предположить, что Брюсов невнимательно или предвзято прочитал статью Городецкого (к которому вообще относился с неприязнью). Осознать это он был должен, прочитав те стихи, о которых его предупреждал в письме Гумилев, давая наставление: «...поэты акмеисты могут считаться таковыми только по своим последним стихам и выступлениям, прежде же они принадлежали к разным толкам. Действительно акмеистические стихи будут в № 3 “Аполлона”, который выйдет на этой неделе»²⁵. Письмо было написано 28 марта, когда, по всей видимости, Брюсов уже сдал свою статью в «Русскую мысль».

И тут вышел в свет тот номер «Аполлона», о котором ему написал Гумилев, и там Брюсов прочитал следующее стихотворение Городецкого:

АДАМ

Прости, пленительная влага
И первоздания туман!
В прозрачном ветре больше блага
Для сотворенных к жизни стран.

Просторен мир и многозвучен
И многоцветней радуг он,
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн и ветхой мглы –
Вот первый подвиг. Подвиг новый –
Живой земле пропеть хвалы²⁶.

Автор словно пересказывает манифест, чтобы сделать его положения более внятными. И Брюсов, как нам кажется, посчитал необходимым сказать свое слово и по этому поводу. Мы не знаем, почему оно не попало в печать: Брюсов мог посчитать его неудачным и отказаться от публикации, а мог и решить, что в данный момент литературного противостояния публиковать его не стоит, потом же оно и вообще потеряло актуальность. Но в любом случае мы

²⁴ Акмеизм в критике 1913–1917. СПб., 2014. С. 86–88. О месте Городецкого в акмеизме см. недавнюю публикацию: Енишерлов Владимир. «Акмеистов было шесть...» // Наше наследие. 2016. № 117.

²⁵ Литературное наследство. М., 1994. Т. 98, кн. 2: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 512 / Вступ. ст. и комм. Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова, публ. Р.Л. Щербакова.

²⁶ Аполлон. 1913. № 3. С. 32 первой пагинации.

должны констатировать, что общая идея стихотворения Брюсова такова: да, яркий солнечный день, когда мы чувствуем себя Адамами, существует, но не следует забывать, что вслед за ним наступает ночь, когда в свои права вступает час молчания, час господства предвечного Хаоса. Это своего рода предупреждение адамистам, о которых говорит и следующее стихотворение Городецкого:

ЗВЕЗДЫ

Не хочу читать я вечных,
Непонятных мне писем,
Что на тьме и в лентах млечных
Держит звездный небосклон.

Смутной вести в этих блесках
Не найду душой простой,
Как в восточных арабесках
С их приятной пестротой.

Но в сумятицу узоров
Линий радостный закон
Я с моих спокойных взоров
Вознесу на небосклон.

Не зеленый цвет Сатурна,
Алый Марса вижу я –
Дружбу смерти с жизнью бурной
На путинах бытия²⁷.

Впрочем, это предупреждение Городецкий мог отвергнуть, поскольку уже в своем манифесте, словно провидя упреки Брюсова, он заявлял, например: «Катастрофа символизма совершилась в тишине – хотя при поднятом занавесе. Ослепительные “венки сонетов” засыпали сцену. Одна за другой кончали самоубийством мечты о мифе, о трагедии, о великом эпосе, о великой в простоте своей лирике. Из “слепительного да” обратно выявлялось “непримиримое нет”. Символ стал талисманом, и обладающих им нашлось несметное количество. Смысл этой катастрофы был многозначителен. Значила она ни больше ни меньше как то, что символизм не был выразителем духа России – тот, по крайней мере, символизм, который был методом наших символистов. Ни “Дионис” Вячеслава Иванова, ни “телеграфист” Андрея Белого, ни пресловутая “тройка” Блока не оказались имеющими общую с Россией меру»²⁸. «Тишина» здесь – аналог «всемирного молчанья», а слепительное да и непримиримое нет – это отсылки к строкам Вяч. Иванова, когда Пифия произносит:

Из Ха́оса родимого
Гляди – Звезда, Звезда!...
Из *Нет* непримиримого –

²⁷ Там же. С. 32–33.

²⁸ Акмеизм в критике. С. 84–85.

Слепительное *Да!*...²⁹

Возможно, здесь надо иметь в виду и стихотворение 1912 года из книги Городецкого, которую Брюсов знал и цитировал:

ПОЭТ

Тут на углу, в кафэ нескромном,
Чуть седоватый, чуть хмельной,
Цилиндр надвинув, в позе томной,
Всю ночь сидит поэт земной.

Друзей меняют проститутки,
Вино меняется в стекле.
Он смотрит, неизменно чуткий
Ко всем явлениям на земле.

Старуха-жизнь, играя в жмурки,
Показывает вновь и вновь
В вине сверкающем окурки
И в твари проданной любовь.

Он смотрит с доброю усмешкой
На простенькие чудеса,
А там Медведица, тележкой
Гремя, ползет на небеса³⁰.

Земной поэт не отказывается от низкой повседневности не только потому, что в ней есть «простенькие чудеса», но еще и из-за звездного неба, тоже на первый взгляд простенького, но на самом деле осеняющего эту повседневность с проститутками, вином и окурками.

Может быть, будет не лишним сказать в заключение о судьбе того стихотворения Городецкого, на которое, по нашему мнению, реагировал Брюсова. В первой публикации это стихотворение об Адаме. Через год оно превратится в два – одно о себе, другое будет связано с Гумилевым, то есть с теми двумя авторами, которые не побоятся соотнести себя по крайней мере на какое-то время с адамизмом. Эти два стихотворения, кажется, никогда не перепечатывались.

I

Прости, пленительная влага
И первоздания туман!
В прозрачном ветре больше блага
Для сотворенных к жизни стран.

²⁹ Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 243. Тютчевские подтексты здесь очевидны.

³⁰ Городецкий Сергей. Ива: Пятая книга стихов. СПб., 1913. С. 91.

Иссякла свято кровь рожденья,
И мудро стынет пыл утроб,
И в стройной плоти воплощенья
Достиг косматый зверь чащоб³¹.

XXVIII

Н. Гумилеву

Просторен мир и многозвучен
И многоцветней радуг он.
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн и ветхой мглы –
Вот первый подвиг. Подвиг новый –
Всему живому петь хвалы³².

2. ЗАГАДКА ИЗ «РОКОВОГО РЯДА»

Венок сонетов Брюсова «Роковой ряд» не раз становится предметом внимания современных исследователей. При публикации в собрании сочинений комментатор А.А. Козловский сообщал: «Брюсов умышленно зашифровал в печати имена лиц, которым посвящены отдельные сонеты. Учитывая это, мы не считаем себя вправе раскрывать их подлинные имена» (II, 458). Однако соблазн был слишком велик, чтобы не испробовать свои силы в раскрытии этого стихотворного «Дон-Жуанского списка» Брюсова.

Впервые, кажется, сделал это В.Э. Молодяков: «1. Е.А. Маслова (Краскова). 2. Н.А. Дарузес. 3. М.П. Ширяева. 4. Е.В. Бурова. 5. И.М. Брюсова. 6. А.А. Шестеркина. 7. Л.Н. Вилькина. 8. Н.И. Петровская. 9. Адресат не установлен. 10. Е.И. Образцова. 11. В.Ф. Коммиссаржевская. 12. Н.Г. Львова. 13. Е.А. Сырейщикова. 14. Адресат не установлен. 15 (заключительный). Адресат отсутствует. 16 (кода). А.Е. Адалис»³³. В своей биографии Брюсова он назвал еще два имени – Л.Н. Столица и М.В. Вульфарт³⁴, добавив о второй: «Вне писем и мемуаров остались встречи с юной уроженкой Риги Марией Владимировной (Вульфовой) Вульфарт. Посвященный ей сонет “Рокового ряда” единственный не озаглавлен именем героини: “Пребудешь ты неназванной, безвестной”»³⁵. А.В. Лавров описал отношения Брюсова с тремя из героинь венка сонетов³⁶.

³¹ Городецкий Сергей. Цветущий посох: Вереница восьмиистиший. [СПб., 1914]. С. 31, седьмое стихотворение раздела «Себе».

³² Там же. С. 114.

³³ Брюсов Валерий. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994. С. 224.

³⁴ Молодяков Василий. Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. С. 78.

³⁵ Там же. С. 465. О ней см. также: Приедитис Артур. Курземские друзья Брюсова // Даугава. 1986. № 5. С. 112–114; Соболев А.Л. История Марии Вульфарт // Соболев А.Л. Страннолюбский перебарщивает; Сконапель истоар. М., 2013. С. 70–77 (Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. II); Лавров А.В. «Санаторная

Однако соотнесение стихотворных текстов с другими брюсовскими документами наводит на дальнейшие раздумья, которыми нам хотелось бы поделиться.

Четвертый сонет цикла звучит так:

ЮДИФЬ

Теперь, в тоске, я повторяю их,
Но губы тяготит еще признание.
Так! Я сменил стыдливые рыдания
На душный бред безвольностей ночных.

Познал я сладость беглого свиданья,
Поспешность ласк и равный пыл двоих,
Тот «тусклый огонь» во взорах роковых,
Что мучит наглым блеском ожиданья.

Ты мне явила женщину в себе,
Клеймену, как Пасифая в мифе,
И не забыть мне «пламенной Юдифи»!

Безлюбных больше нет в моей судьбе,
Спешу к любви от сумрачного чада,
Но боль былую память множить рада (II, 304–305).

Напомним, что В.Э. Молодяков считает героиней его Элю (Елену Владимировну) Бурову, с которой у Брюсова, согласно его позднейшим записям, был мимолетный роман в 1896–1897 гг. Однако на самом деле, если обратиться к брюсовскому дневнику, дело было совсем не так.

Кратко фиксируя события (наряду с развернутыми записями в брюсовском дневнике есть и такая форма) под 21 октября 1895 г. Брюсов записывает: «Маня. Е.В.», и несколько далее помечает: «Схожусь с Еленой Влад., нашей гувернанткой»³⁷. Это и есть та самая Эля Бурова, которая появляется в его записях, опубликованных В.Э. Молодяковым, и которую он полагает Юдифью из сонета. Однако все последующие события вовсе не похожи на стихотворные описания: 6 ноября у них состоялось свидание (видимо, в номерах или в отдельном кабинете ресторана), «но “роковая” черта не была перейдена»³⁸. В середине ноября она отказалась (или ей отказали) от места, 17 ноября было последнее свидание, с тем же результатом, что и первое. Общее резюме, в различных вариантах повторенное несколько раз: «Ни капли любви к Ел. Вл. (Эля)». Более они не встречались.

Примерим еще одну кандидатуру. Осенью 1896 г. в семье Брюсовых появляется новая гувернантка – Евгения Ильинична Павловская. Повторяется история Эли – через месяц ей отказывают от места, до апреля 1897 г. они с Брюсовым время от времени встречаются, потом

встреча» (Мария Вульфарт в жизни и стихах Валерия Брюсова) // Радость ждет сокровенного слова: Сб. научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. [Рига, 2013]. С. 151–157 (вошло также в кн.: *Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации.* М., 2015).

³⁶ См. раздел «Трое из “рокового ряда”» в кн.: *Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации.*

³⁷ РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 13/2. Л. 20 об.

³⁸ Там же. Л. 21 об.

она уезжает на Украину, где в 1898 г. умирает от чахотки³⁹. В.Э. Молодяков не угадал ее в «дон-жуанском списке». Он прочитал в разделе «Серьезное»: «1896. Евгения I (Истомина <?>)»⁴⁰. На самом деле в скобках написано: «Ильинишна». Но все равно обстоятельства не позволяют видеть в ней Юдифь – Брюсову она интересна как человек, понимающий поэзию, но не как женщина.

Зато сразу в двух разделах – «Случайные “связи”, приближения etc.» и «Mes amantes» находим кажущееся подходящим имя: Елена III (Коршунова).

Как Брюсов с нею познакомился, мы не знаем. 29 сентября 1896 г. в перечне событий он записывает: «С Леной всю ночь»⁴¹, а вскоре после этого, 6 октября: «Кончено! кончено!

Черт возьми, я слишком позорно начинаю подражать Верлену: – только недавно проповедовал обновление, и теперь, теперь *parallèlement* 29 и вчера я “наслаждался любовью” – о пошлое выражение! Смутно, горько, – в душе злорадия.

Леня – портниха. Этого нужно было ждать.

Леля – Таля – Маня – Леня.

Вот он, полный ряд! и какая насмешка, что оба его края – вершина, небо и позор, грязь носят оба имени Елены! – а другая насмешка: любя Лелю, я проповедовал разврат, проводя грязные ночи с Леной, я проповедую чистоту, На!»⁴².

Описывать весь этот роман, растянувшийся до мая 1897 года и плавно перетекший в ухаживание за будущей женой, которая стала Ладой следующего сонета «Рокового ряда», мы не станем, но кое-что отметим.

Надо признать, что далеко не все в «Юдифи» соответствует характеру отношений Брюсова с «Леной», как они описаны в дневнике, но главное здесь – неумолимость страсти, о чем говорится не раз. 26 ноября 1896: «Лена, покорная, томная, созданная для “восхитительных игр обессиленных страстей”»⁴³. 18 декабря: «Я еще первый раз в жизни предаюсь так безумно наслаждениям Киприды. Меня интересуют мои ощущения – истома, ломота в костях, боль в позвоночнике. Любопытно, как себя чувствовал Антоний в день Перузийской битвы?»⁴⁴, и непосредственно за этим, но уже под другой датой – 20 декабря: «И опять вчера я был с Леной, и опять дышал атмосферой самой низменной любви. Лена любит меня только в моменты наслаждения, когда все неразвитые натуры любят своего или свою дружку. Лена видит во мне выгодного покровителя, но за мгновение до “последних содроганий” (выражение Пушкина) она стонет и счастлива.

– Ах, Валька! что мне с тобой сделать! укушу тебя!

Это высший способ ласки и ласкательства по ее понятиям»⁴⁵.

Судя по набору всех обстоятельств, «Юдифь» обращена именно к памяти о Елене Коршуновой. Если мы не готовы этого признать, то, вероятно, следует считать, что сонет посвящен вымышленному роману (что на самом деле маловероятно), или какому-то мимолетному эпизоду со случайной встречной – скажем, во время поездки за границу в июне 1897 г.

В заключение приведем оставшийся в архиве Брюсова черновик письма к Елене – мы полагаем, что именно к этой самой Елене Коршуновой.

«Милая, хорошая Елена!

³⁹ Этот роман выразительно и точно описан в комментариях С.И. Гиндина к «Письмам из рабочих тетрадей» (Литературное наследство. Т. 98, кн. 1. С. 712 и далее).

⁴⁰ Брюсов Валерий. Из моей жизни. С. 222.

⁴¹ РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 14/1. Л. 28 об.

⁴² Там же. Запись сделана на следующий день, 7 октября.

⁴³ Там же. Ед. хр. 14/2. Л. 5 об.

⁴⁴ Там же. Л. 7 об.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 14/2. Л. 8.

Пишу тебе, т. к. говорить с тобою [о том, о чем] я хочу – очень трудно. Ты, вероятно, давно уже замечала, как трудно мне быть с тобой искренним. Попробую сделать это в письме.

Я убежден, что тебе не могла не броситься в глаза недоговоренность, неопределенность наших отношений. Не раз уже ты начинала говорить со мною об этом, но каждый раз я отговаривался или своими занятиями, или нездоров<ьем>, хотя прекрасно знал, что верить этому невозможно. И я думаю, ты этому не веришь и понимаешь истинную причину неловкости и неискренности наших встреч: это зависит от того, что в моей душе нет *любви*, которой ты, быть может, ждала когда-то. М<ожет> б<ыть>, я сам дал тебе повод ждать ее, но за это время ты могла убедиться, что это *не так*. Именно для того, чтобы не было никаких недоразумений, я должен, наконец, сказать тебе прямо, что если я так и думал, я ошибался. Любви в моей душе *нет* и не было, – это должно сказать прямо и откровенно. Не буду оправдываться, – может быть, я и виноват перед тобой, но если ты вспомнишь условия, при кот<орых> началась наша близость, ты согласишься, что [все делалось только пот<ому>] вина моя не так уже велика. [Ты знала все – и, мне кажется, упрекать (если есть за что) – ты можешь только себя]. Итак, повторяю еще раз: *я не люблю и не любил тебя*. И ты знаешь, что я люблю другую. И это прямое признание должно повести к тому, чтобы уничтожить ту фальшь наших отношений, кот<орая> установилась за последние месяцы. [Дать тебе то, чего нет в моей душе, – я] Не требуй от меня любви, которой я не могу дать. А лгать и притворяться, как это было последнее время, я больше не в силах, не могу. Да ты понимае<шь>, что требовать этого – невозможно. Пусть между нами установятся простые, хорошие отношения.

Что же сказать тебе еще? Повторить, что я надеюсь на

[Но то, что лежит за пределами любви – <какое?>-то участие – заботливость – все это, [пока оста] сможет остаться в наших от<ношениях>].

И я глубоко надеюсь, что они сделаются лучше и искрен<нее>, чем были до сих пор.

Я глубоко надеюсь, что после этого письма в наших отношениях уничтожится фальшивость и установится та искренность, кот<орой> давно уже нет»⁴⁶.

3. ВЕРЕЯ

В 1901 году Брюсов написал «Песенку», озаглавив ее «Девичья». Сама по себе эта стилизация нам не очень интересна, помимо несколько загадочной последней строфы:

Если с кем я целовалась, –
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю (I, 285).

Причем здесь Верея? Откуда она попала в стихотворение? Конечно, это могло быть чистой случайностью, для рифмы с легкой неточностью: Верею – люблю. Но, кажется, мы имеем все основания думать, что нет, не случайно. В том же самом году Брюсов пишет такое стихотворение:

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Мне снилось, я в городе дальнем,

⁴⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 70. Ед. хр. 14.

Где ты истомилась одна.
Твой мальчик прохожего встретил,
Сказал мне, что мама больна.
К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.
Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:
Бледны исхудалые щеки,
Бледна и прозрачна рука.
Твой муж, и сестра, и сиделка –
Все вдруг отошли к стороне,
И я целовал твои руки,
И ты улыбалась мне.
И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе», –
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.
В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.

1 июля 1901 (I, 312)

Лето 1901 г. для Брюсова было непростым. С одной стороны, он внешне спокойно проводил его на даче в Петровском-Разумовском, чуть не ежедневно отправляясь в Москву для занятий в «Русском архиве», где был тогда секретарем. С другой – его обуревали переживания. На даче с ним и с постоянно наезжавшими родственниками была его жена, находившаяся на последних месяцах беременности, а в удалении, также уехав на лето с мужем и двумя детьми (а потом еще и с матерью), жила его пассия того времени, А.А. Шестеркина⁴⁷. В конце мая она уже писала Брюсову: «Дорогой мой мальчик! Как много, – бесконечно много дней прошло с тех пор, как мы расстались! Мне это время кажется вечностью, и какая-то тоска и безнадежность охватывают, сжимают в тисках мою душу...»⁴⁸. Они обменивались письмами «официальными», рассчитанными на возможность прочтения другими, и теми, которые Шестеркина называла «такими», то есть предельно интимными. Ее письма того времени Брюсов сохранил, его письма почти совсем неизвестны: то ли Шестеркина их не вернула, как «официальные», то ли из ревности уничтожила И.М. Брюсова, то ли случилось что-то еще – мы не знаем. Но и то, что сохранилось, позволяет представить себе картину происшедшего. 24 июня, через месяц после страстного расставания, она сообщает Брюсову: «Со мной сегодня в ночь случилось несчастье, и теперь я лежу, истекая кровью. М. идет сейчас в поиски за доктором. Потеря крови – громадная, невероятная. Мальчик мой, сегодня ночью я упала с кровати – и от этого все и произошло... Я видела сон: Воля – на краю пропасти, – вот-вот упадет. Я вскрикнула, протянула к нему руки... и очнулась – на полу...»⁴⁹

⁴⁷ В «Канве автобиографии» Брюсова (правда, под 1900 годом) записано: «2-ой пер<иод> романа с Аней (Анна Александровна Шестеркина). Наша связь etc.», и затем, после пропуска: «Лето. Петр<овско>-Разум<овское>. Смерть моего ребенка. Разрыв с Аней» (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 30).

⁴⁸ Там же. Карт. 108. Ед. хр. 26. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 27. Л. 26. М. – художник М.И. Шестеркин, муж А.А., Воля – сын. Цитируемые в дальнейшем письма

И 27 июня следует отчаянное письмо, которое имеет смысл процитировать в большом объеме:

Получила твое письмо, мальчик мой. Почему-то мне кажется, что ты не понял моей записки, – иначе, – вопреки рассудку, разуму и всяким возможностям и невозможностям – ты был бы со мной. Чем мотивировалась моя уверенность в этом – не сумею тебе сказать, но мне казалось, что, прочтя письмо – ты тотчас же поедешь сюда. Было это безумием с моей стороны – думать так, после всего, о чем мы говорили на станции – о невозможности твоих приездов... Но – что поделать, – потеряв ребенка, я была в таком глубоком отчаянии, что ни о чем соображать не могла – я только страдала и жаждала утешения, – от тебя. И я ждала тебя...

Как будто все, – все – кончено, вся радость жизни – ушла, исчезла навсегда из моей жизни...

“Ну что же, Вы должны радоваться, что все так кончилось, сударыня, и Вы без особых страдания освободились от ребенка”, сказал доктор.

А я... Боже, ты себе представить не можешь, что я чувствовала, когда убедилась, что ребенок *был*, а теперь его нет... и не могу я выплакать своего горя на твоей груди...

И вот уже четвертые сутки лежу я в постели, бессильная, слабая, – бескровная... <...> Получив твое письмо – я плакала.

– Прости, я стала слишком нервная, прости мне, – и не считай, что я упрекаю тебя, требую невозможного... Когда человек находится в таком критическом положении, в каком была я, – быть может, на волосок от смерти (почем знать?), тогда для него – все возможно...

Сегодня мне гораздо хуже, чем прошлые дни. Боюсь осложнений. Снова появилось сильное кровотечение – опасный признак. Думаю, что ухудшение – на нервной почве, – уж очень я тоскую.

Прощай, мой желанный, пиши по-прежнему, – очень уж мне тяжело и я очень, очень больна... Быть может, уж мы не увидимся... прощай⁵⁰.

Собственно говоря, на этом можно закончить цитирование писем, потому что все, являющееся основной топижкой стихотворения, здесь уже есть. Сохранился черновик большого письма Брюсова, который мы опубликовали, где также есть эта же топка⁵¹, сохранилось его письмо от 1 июля, где на конверте Шестеркина приписала: «Стихи», что может относиться как к стихотворению, помеченному «Июль 1901», которое сохранилось среди писем в архиве и было нами опубликовано⁵², так и к «Подражанию Гейне».

А Верея в «Девичьей» теперь разгадывается просто: именно в Верее жили Шестеркины летом 1901 года⁵³.

В п е р в ы е: Брюсовские чтения 2018 года. Ереван, 2019. С. 30–47.

опубликованы нами ниже.

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 26. Л. 34–35 об.

⁵¹ См. следующую статью настоящего тома. Впервые: К интерпретации брюсовской переписки / Вст. ст., коммент. и примеч. Н.А. Богомолова // Брюсовские чтения 2010 года. Ереван, 2011. С. 378–394.

⁵² Там же. С. 384–385.

⁵³ Летом 1903 г. Брюсовы жили на даче в Можайском уезде, и В.Я. побывал в Верее. Свидетельство этого – стихотворение «Я этот город Верею...» в альбоме А.А. Шестеркиной (частное собрание; текст предоставлен нам покойным Е.Е. Степановым), а также запись в цитированной выше «Канве автобиографии»: «Посещение Ани в Верее» (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 33).

ДВИЖУЩИЙСЯ РЕБУС

Эпизод из переписки Валерия Брюсова ⁵⁴

Переписка В.Я. Брюсова не раз становилась предметом самого пристального внимания исследователей. Опубликованы большие ее комплексы, постоянно публикуются отдельные письма, еще неопубликованные регулярно используются в литературе как о Брюсове, так и о его литературном и бытовом окружении. В этой связи хочется поделиться некоторыми наблюдениями, которые никем, насколько мы знаем, не были сформулированы, но которые следует в той степени, в какой это окажется возможным, учитывать при публикации писем Брюсова и их интерпретации.

М.Л. Гаспаров, посвятивший специальную статью эпистолярному творчеству Брюсова, проницательно формулирует: «...письма Брюсова <...> в такой же мере раскрывают, в какой и скрывают его облик, его мысли и чувства. Поза Брюсова прочитывается в них однозначно и легко, но сложное и не прямое отношение высказанного к невысказанному, текста к “затексту” и “подтексту” остаются трудноуловимыми»⁵⁵. Немногим ранее исследователь обсуждает общий план переписки Брюсова с близкой ему женщиной, А.А. Шестеркиной, летом 1901 года, и вот как его характеризует: «...когда “внешние” дела не давят, личные отношения не дошли до необходимости объяснений, а поддерживать переписку почему-либо надо, тогда у Брюсова идет в ход еще один эпистолярный стиль – “болтовня”. <...> Бросается в глаза, что письма такого рода обращены преимущественно к женщинам. Самая большая серия опубликованного материала – это письма к Шестеркиной (лето 1901), почти беспредметные, писавшиеся только ради поддержания контакта: по-видимому, корреспонденты договорились описывать друг другу каждый свой день. Брюсов заполняет их потоком импрессионистических впечатлений, нарочито внешних и бессвязных»⁵⁶. Эта характеристика безусловно верна, если исходить только из материала опубликованных писем этого времени. Однако более широкое рассмотрение эпистолярного контекста, как опубликованного, так и оставшегося неизданным, заставляет нас внести решительные коррективы как в констатации, так и в выводы.

Лето 1901 года в дневнике Брюсова отразилось двумя большими (по масштабу всего дневника) ретроспективными записями, которые датированы «Конец июня» и «Август». В издании 1927 г. они опубликованы с небольшими купюрами, но вместе с тем вполне адекватно, поэтому процитируем только существенное для нас здесь. В первой записи это общая характеристика названного времени: «Сл<уч>айно я давно ничего не записывал. Переезд на дачу, дачная уединенная жизнь, постоянные разъезды – и в результате всего белые страницы»⁵⁷. Из следующей записи приведем только опущенные в печати три фразы, ее открывающие (все остальное опубликовано достаточно корректно, но никаких существенных событий не описывает): «Весь август прошел в болезни жены. У нас родилась мертвая девочка, и И.М. очень хворала. Я почти никого не видел и почти ничего не делал»⁵⁸.

⁵⁴ В работе использованы материалы, ранее ставшие основой публикации: К интерпретации брюсовской переписки / Вст. ст., коммент. и примеч. Н.А. Богомолова // Брюсовские чтения 2010 года. Ереван, 2011. С. 378–394. В ней, однако, была изменена модальность нашей первоначально представленной редакции статьи, направленной не на публикацию отдельных текстов, а на осмысление всей их совокупности. Полагаем, что восстановление первоначальных интенций делает настоящую работу вполне самостоятельной.

⁵⁵ Гаспаров М.Л. Эпистолярное творчество В.Я. Брюсова // Литературное наследство. М., 1991. Т. 98, кн. 1: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 29.

⁵⁶ Там же. С. 27–28.

⁵⁷ Брюсов Валерий. Дневники 1891–1910. М., 1927. С. 102–104. Исправления и дополнения – по оригиналу: РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 15/2. Л. 34–35 об.

⁵⁸ РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 15/2. Л. 36.

В двух недавно вышедших биографиях Брюсова об этом лете говорится достаточно скупо. В книге Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова мы вообще не находим никакой значимой для нас информации. В новейшей биографии, написанной В.Э. Молодяковым, читаем: «...лето 1901 года оказалось богато переживаниями личного характера <...> Фоном было семейное пребывание на даче в Петровском-Разумовском, откуда Валерий Яковлевич ездил в Москву для занятий в “Русском архиве”. Иоанна Матвеевна ждала первого ребенка, но в конце июля тот родился мертвым, и она долго болела. Младшая сестра Евгения вышла замуж за Б.В. Калюжного <...> С самой Анной Александровной <Шестеркиной> он не встречался: в “активную фазу” их отношения вошли осенью того же года <...> но постепенно охладились с рождением у Шестеркиной в июне 1902 года дочери Нины. Брюсов был ее отцом <...> Слова об “искушении” в письме к Бунину, видимо, относились к приезду в Петровское-Разумовское 24 июня младшей сестры Иоанны Матвеевны Марии Рунт, с которой Валерий Яковлевич “согрешил”»⁵⁹. К этому ряду событий автор справедливо добавляет гибель Ивана Коневского 8 июля, а как самооценку интересующего нас времени столь же справедливо цитирует письмо к Бунину: «Моя жизнь за последние месяцы – безумие. Я вырываюсь из рук сумасшедших, чтобы бежать к бесноватым. Я прошел над всеми безднами духа, достигая до крайних пределов любви и страдания. Каждое чувство, каждая мысль мне мучительны теперь, но моему пути еще не конец»⁶⁰.

Мы, однако, должны внести некоторые хронологические коррективы в эти рассуждения. В опубликованных тем же В.Э. Молодяковым записях Брюсова «Мой “Дон-Жуанский список”» и «Mes amantes»⁶¹ имя Шестеркиной значится под 1899–1902 (в первом списке) и под 1900–1903 (во втором) годами. Установить хронологические границы помогает обращение к автографу брюсовского дневника. В ноябре 1899 г. Брюсов записал: «Утешен на той среде был я лишь тем, что встретил г-жу Шестеркину, бывшую подругу Тали... Таля! да ведь это вся моя молодость, это 20 лет, это русские символисты»⁶². Близкие отношения Брюсова с Талей (Н.А. Дарузес) относятся ко второй половине 1893 и началу 1894 г., то есть впервые с Шестеркиной он встречался и заметил ее в то же самое время. К осени 1899 г. она уже была замужем за художником М.И. Шестеркиным и матерью двоих детей. В апреле 1900 г. Брюсов записывает и потом вычеркивает: «О Шестеркиной сюда не пишу, ибо эту тетрадь – несмотря на мои просьбы – читает Эда»⁶³, а в конце этого же года, подводя его итоги: «В частности, зима эта неудачна: она вся разделена между работой у Бартенева в “Русс<ком> Арх<иве>” и свиданиями с Шестеркиной»⁶⁴. Таким образом становится очевидно, что близкие отношения с А.А. Шестеркиной завязываются у Брюсова в 1900 году.

Летом 1901 года любовники разъехались: Брюсов с женой, находившейся на последних месяцах беременности, отправился на дачу в Петровско-Разумовское по Николаевской железной дороге, откуда почти каждый день приезжал в Москву для работы в редакции «Русского архива», Шестеркина же с мужем и детьми значительно дальше от Москвы – в Верею, куда надо

⁵⁹ Молодяков Василий. Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. С. 222–223. «Искушение» – из чернового варианта письма к И.А. Бунину, датированного публикатором, А.А. Ниновым, началом июля 1901: «Мне дано искушение, которого я не ожидал» (Там же. С. 222). Бунин отвечал на это письмо 12 июля. Относительно М.М. Рунт мы полагаем, что В.Э. Молодяков не вполне прав. По духу сохранившихся недатированных писем Брюсова к ней гораздо более вероятным представляется, что мимолетное сближение произошло весной, еще до начала дачного сезона. Летние письма к ней (часть из которых написана В.Я. и И.М. совместно) далеки от интимности майского письма.

⁶⁰ Там же. С. 222.

⁶¹ Брюсов Валерий. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994. С. 222–223. При сверке с рукописью обнаружили некоторые неточности, не касающиеся, однако, интересующего нас сюжета.

⁶² Эта фраза купирована в опубликованном тексте (Брюсов Валерий. Дневники 1891–1910. С. 77), мы восстанавливаем ее по оригиналу (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 15/2. Л. 7).

⁶³ Там же. Л. 14. Эда – домашнее имя жены Брюсова Иоанны Матвеевны.

⁶⁴ Брюсов Валерий. Дневники. С. 100 с исправлениями и восстановлением имени Шестеркиной по рукописи.

было долго ехать на поезде, а затем на лошадях. Судя по всему, между ними было условлено, что Брюсов пишет, что бы то ни было, через день; на протяжении довольно долгого времени он систематически исполняет это обещание.

Значительная часть его писем того времени (хотя и не все) уже давно опубликована⁶⁵, и именно на их основании М.Л. Гаспаров вынес свое суждение. Однако если мы сопоставим их с ответными письмами Шестеркиной, становится очевидно, что дело обстояло не так просто, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, письма эти явно делятся на два разряда: одни пишутся вполне официально, на «Вы» и, судя по всему, отправляются вместе с другими семейными письмами; другие же обращены к «Ты» и посылаются в Москву тайно (чаще всего их относит на почту сын). Особенный накал ситуация приобретает начиная с утреннего письма от 24 июня, когда она пишет карандашом, что подчеркивает спешность и сложность записки:

Со мной сегодня в ночь случилось несчастье, и теперь я лежу, истекая кровью. М. идет сейчас в поиски за доктором.

Потеря крови – громадная, невероятная. Мальчик мой, сегодня ночью я упала с кровати – и от этого все и произошло... Я видела сон: Воля – на краю пропасти, – вот-вот упадет. Я вскрикнула, протянула к нему руки... и очнулась – на полу...

Милый, не пиши мне пока «таких» писем, – я не знаю, что еще со мной будет, быть может, я буду без сознания. От меня тоже не жди писем, вряд ли мне позволят писать.

Люблю тебя, – помни, что бы не <так!> случилось, – я любила тебя до конца.

Прости, мой любимый⁶⁶.

Для нас выясняется, что ситуация Брюсова была еще более сложная, чем казалось: не только жена вот-вот должна была разрешиться от бремени, но и находившаяся в Верее Шестеркина тоже была беременна от него, но случился выкидыш. И именно на этом фоне мы должны читать письмо Брюсова от 25 июня, которое процитируем отрывочно, однако стараясь не исказить его духа:

Готов был послать Вам письмо, когда получил Вашу записочку, что Вы хвораете. Бросил свое письмо, пошлю его другой раз, когда все опять будет светло и весело. Теперь я могу четко представить себе Верею, и Ваши комнаты, и что у Вас перед глазами, мысленно почти быть там, для Вас «здесь». Пройдут дожди и холод, ведь еще июнь, ведь еще пора цветов и первых ягод! Пройдут и все Ваши нездоровья, ведь еще так много лет и дней впереди. <...>

Как только будет Вам лучше, напишите мне, хоть несколько слов. Это ведь непременно. О себе не пишу; все как всегда.

Ваш

Валерий Брюсов (С. 640).

Как видим, письмо очень закрытое: нейтральные «хвораете», «нездоровья» совсем не совпадают с ощущениями откровенно страдающей Шестеркиной. И в следующем, также карандашном письме она делается еще более требовательной:

Среда 27.

⁶⁵ Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 622–656 / Публ. В.Г. Дмитриева. Опубликованные здесь письма мы в дальнейшем цитируем с указанием страницы данного издания в тексте. Незначительные исправления по автографам мы не указываем.

⁶⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 108. Ед. хр. 27. Л. 26 и об. М. – муж Шестеркиной, Воля – сын.

Получила твое письмо, мальчик мой. Почему-то мне кажется, что ты не понял моей записки, – иначе, – вопреки рассудку, разуму и всяким возможностям и невозможностям – ты был бы со мной. Чем мотивировалась моя уверенность в этом – не сумею тебе сказать, но мне казалось, что, прочтя письмо – ты тотчас же поедешь сюда. Было это безумием с моей стороны – думать так, после всего, о чем мы говорили на станции – о невозможности твоих приездов... Но – что поделать, – потеряв ребенка, я была в таком глубоком отчаянии, что ни о чем соображать не могла – я только страдала и жаждала утешения, – от тебя. И я ждала тебя...

Как будто все, – все – кончено, вся радость жизни – ушла, исчезла навсегда из моей жизни...

«Ну что же, Вы должны радоваться, что все так кончилось, сударыня, и Вы без особых страдания освободились от ребенка», сказал доктор.

А я... Боже, ты себе представить не можешь, что я чувствовала, когда убедилась, что ребенок *был*, а теперь его нет... и не могу я выплакать своего горя на твоей груди...

И вот уже четвертые сутки лежу я в постели, бессильная, слабая, – бескровная... Я часто усылаю всех в лес и остаюсь по несколько часов – совсем одна. Так было и сегодня: в три часа все ушли, а я... но, нет, я знаю, ты рассердишься, если я скажу тебе, что... ждала тебя... – и я была одна – до семи часов...

Получив твое письмо – я плакала.

– Прости, я стала слишком нервная, прости мне, – и не считай, что я упрекаю тебя, требую невозможного... Когда человек находится в таком критическом положении, в каком была я, – быть может, на волосок от смерти (почем знать?), тогда для него – все возможно...

Сегодня мне гораздо хуже, чем прошлые дни. Боюсь осложнений. Снова появилось сильное кровотечение – опасный признак. Думаю, что ухудшение – на нервной почве, – уж очень я тоскую.

Прощай, мой желанный, пиши по-прежнему, – очень уж мне тяжело и я очень, очень больна... Быть может, уж мы не увидимся... прощай.

Четверг, утро.

Вчера был очень тяжелый вечер и ночь я провела дурно, – думала, что уж это – конец. Сейчас лучше, хотя трудно сказать, – не будет ли опять ухудшений⁶⁷.

Брюсов написал ей ответ 30 июня, причем письмо начиналось выделенным в отдельный абзац словом «Болтовня» (С. 641–642), а на следующий день – сразу два. Одно – напечатанное: «И опять праздник. И опять синее небо. Но вся энергия работы, которой я жил недавно, вдруг покинула меня. Я не могу писать ничего, ни стиха, ни строчки; слова не вяжутся, мысли не повинуются. Упасть бы на траву и плакать. Вот одно, чего я хочу. Я силой заставляю себя сесть за стол, раскрываю бумагу, беру перо. Все плоско, все глупо, все ничтожно, и что сейчас пишу, и что намерен был, и что написано. Или умереть? Теперь бы, навсегда» (С. 642). Второе – не опубликованное и не датированное (помета Шестеркиной на конверте: «1/VII. Стихи»⁶⁸):

⁶⁷ РГБ. Ф. 386. Карт. 108. Ед. хр. 26. Л. 34–35 об. От слов «Сегодня мне гораздо хуже...» написано «вверх ногами» по отношению к предыдущему тексту.

⁶⁸ Отметим, что датировка по почтовым штемпелям и пометам Шестеркиной (по большей части со штемпелями совпадающими) не всегда соответствует реальности написания писем, но в данном случае, как кажется, ничего в содержании письма

Бывают дни, когда ничего не удается. Такой день был сегодня. Еще ночью начались странности. Моя жена – немного лунатик, ей привиделось, что кто-то напал на птиц, которые под нашим окном, все это кончилось припадком, и с 2 час. ночи до 5 пришлось ее успокаивать. Утром оказалось, что из моих бумаг исчез листок, из рассказа; будь стихи, я вспомнил бы; но прозы дважды не напишешь. Сел за работу расстроенным и, конечно, все, что написал, пришлось разорвать: лучше бы проходить все утро по парку! Еду в Москву. Сообщают, что пустую квартиру обокрали (унесли разные металлические приборы), а из другой квартиры жильцы выехали; а две пустующие квартиры – убыток в 90 р. в месяц. Прихожу в Архив – письмо от Бартенева с упреками, и справедливыми, ибо, оказывается, я все напутал, отдал не то в набор и через это август Р<усского> А<рхива> запоздает...⁶⁹ Глупо и стыдно, что все это тревожит, но вот тревожит же! Да, стыдно.

Ваш

Валерий Брюсов.

Простите, что пишу о таких вещах, просто потому, что этим сейчас голова занята.

Отдавайся, упивайся
Этой черной темнотой.
Все бесстрастней улыбайся
На манящий образ – твой.

Сердце знало и забыло,
Это глубь иль это высь.
То люби, что сердцу мило,
Опрокинься, наклонись.

И скользнув ногой над бездной,
В паданьи закрыв глаза,
Верь, что прямо к тверди звездной
Мы стремимся в небеса.

Валерий Брюсов

Июль 1901⁷⁰

Однако, как кажется, ни одно из названных и процитированных писем не могло вызвать отчаянного ответа Шестеркиной (также карандашом), который был написан 2–3 июля:

не противоречит этой датировке.

⁶⁹ См. в письме П.И. Бартевева к Брюсову от 29 июня 1901: «Пожалуйста, отдайте сейчас же посланному моему один экз<емпляр> XI листа. Вы взяли оба, и мне нельзя устроить, чтобы книжка сегодня поступила в Цензурный Комитет. Я просил Вас только отнести к Семенковичу, а отнюдь не брать к себе обоих экземпляров. Боюсь, чтоб от этого не произошла расстройка, т. е. цензурный срок удлиннится на двое суток» (Валерий Брюсов – историк литературы: Переписка с П.И. Бартевевым и Н.О. Лернером / Изд. подготовили Н.А. Богомолов и А.В. Лавров. М., 2019. С. 47–48).

⁷⁰ РГБ. Ф. 218. Карт. 128. Ед. хр. 6. Л. 1–2. Приложенное стихотворение нам не удалось обнаружить среди опубликованных произведений Брюсова, потому понять, верна ли дата под ним, не удалось. Отметим в последней строфе явный параллелизм со знаменитым стихотворением Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...», что полностью соответствует психологическому состоянию Брюсова в эти дни.

О, мальчик мой, – любовь моя, – в какой ужас я пришла сейчас, читая твои письма... умереть, – именно – умереть хочется в такие минуты... Ты, – *ты* думаешь, что я, я тебе не верю, что я сомневаюсь в тебе! Боже мой, да разве же это возможно! Да разве – *ты* и я – не одно и то же? – Я была больна, я потерялась, мне так хотелось быть с тобой в те горькие минуты, – хотелось мучительно, тем более, что меня *никто* не приласкал так хорошо, как ты умеешь... Нет, теперь уж я окунулась в бездну отчаяния, – что я, я своей любящей рукой – могла причинить тебе такую боль, – такое горе...

О, милый, о любовь моя! умоляю: прости, прости меня! если ты не простишь, если ты не забудешь, – я не знаю, что будет со мною...

Что я сделала, что я сделала, безумная... ведь – одна минута твоего горя – целые дни – моего раскаяния... и тоски.

Нет, верь мне, верь мне, наконец! Одного *этого* хочу и одного *этого* требую! Ты можешь делать все, что хочешь, и знай всегда, всякую минуту, что я всегда и вся – твоя, – я твоя тень, – твоя жизнь, – твое – все.

Пришлось прервать письмо на два часа, – в это время – ужинали, ложились спать – и сейчас еще вокруг меня – не уснули, – копошатся, а я, делая вид, что читаю, пишу, стараясь не скрипнуть карандашом.

О, как трудно оправдываться заочно! – тогда как при свидании – один поцелуй, – одно объятие – и все простится, – все забудется, и от прежней горечи и обиды не будет и следа. А теперь – я не нахожу слов, мысли путаются.

Вторник, утро. И опять перерыв – в целую долгую ночь... Маму беспокоили мухи, и я должна была гасить огонь... Итак, дорогой мой, мы с тобой должны бояться – быть искренними, – раз правда – причиняет нам такие страдания... Мальчик мой, любовь моя, я уже не могу теперь, как прежде – писать все, что думается, что чувствуется, – раз на тебя это *так* действует. И то письмо – совсем не недостаток веры – в тебя, наоборот – только лишнее доказательство любви, которая ничего скрыть не может, ни малейшего настроения, ни малейшего движения души.

Ну, милый мой, утешь меня, успокой, скажи, – что *все* по-прежнему, что ты – любишь меня, что ты веришь, что я верю в тебя.

А я благословляю все свои страдания, все свое отчаяние – до ужаса, благословляю и молюсь восторженно тому Богу, который дал их мне, который дал мне эту любовь-жизнь, без которых я замерла бы как улитка. А теперь – я живу, страдаю, люблю, – трепещу каждое мгновение, и без этого трепета уже не сумею и жить. Ведь было бы все *слишком просто* (по твоему выражению), если бы мы с тобой сошлись беспрепятственно и мирно и жили бы без гроз и волнений.

Хотя я видеть тебя хочу каждое мгновение – но приезда твоего – не требую, и если нужно, то буду ждать до конца августа – смиренно и терпеливо... чего бы мне это ни стоило.

Ну, мальчик мой, поцелуй меня по-прежнему – доверчиво и крепко, – так, – как только *ты* умеешь меня целовать. Милый, прощай, сейчас опять помешают мне писать, опять придут сюда, в сад – люди.

Целую тебя, люблю тебя, дышу тобой – вся твоя⁷¹.

⁷¹ РГБ. Ф. 386. Карт. 108. Ед. хр. 27. Л. 4–6 об.

Ни в каких доселе известных письмах Брюсова нет слов о том, что он за эти дни усомнился в любви страдающей женщины, нет слов о «тех горьких минутах», да и вообще весь дух написанных в эти дни писем какой-то успокаивающий, направленный на то, чтобы заставить адресата поверить, что все происходящее не является катастрофой, что все наладится и образуется. Что же заставило Шестеркину впасть в отчаяние?

Здесь нам следует вспомнить фразу из первого опубликованного нами ее письма: «Милый, не пиши мне пока “таких” писем...» Нам остается заподозрить, что Брюсов, равно как и Шестеркина, вел двойную корреспонденцию: писал «болтливые» письма, обращаясь исключительно на «Вы» (это прописная буква в опубликованном варианте, к сожалению, не сохранена), одним словом, изображал достаточно близкого знакомого, но никак не более того; с другой стороны, несоответствие этих «официальных» писем ответам Шестеркиной заставляет нас думать о каких-то несравненно более интимных письмах, которые не сохранились в основном корпусе.

По счастью, у нас есть возможность ознакомиться с одним из таких писем, как раз относящимся к интересующему нас временному промежутку. Оно хранится среди черновиков писем Брюсова к Шестеркиной, и на самом деле представляет собой черновик, а не то письмо, которое было отправлено, но и по нему вполне можно себе представить, каков был окончательный вариант и каковы были другие письма, написанные в этом ряду. Еще раз сошлемся на статью М.Л. Гаспарова: «Многие письма Брюсова не сохранились в окончательном беловом виде и восстанавливаются по черновикам. Черновики (иногда по нескольку) предшествовали у него почти всем сколько-нибудь важным письмам: если он и пишет Курсинскому, “даже не подумав заранее, что буду писать” (14 июня 1895), то оказывается, что и этому письму предшествовал черновик. Как правило, это не черновики-конспекты, подлежащие беловому развертыванию, а готовые связные тексты, и при переработке в беловик их стилистические черты не сглаживались, а заострялись»⁷². Можно полагать, что такова же была и судьба длинного письма к Шестеркиной. Правоту суждений Гаспарова доказывают опубликованные С.И. Гиндиным письма из рабочих тетрадей Брюсова, т.е. черновики, которые иногда можно сопоставить с окончательным и отосланным адресату вариантом. Вряд ли в том случае, с которым столкнулись мы, появление окончательных редакций возможно: трудно поверить, что Шестеркина решила хранить их. Насколько мы можем себе представить, она время от времени перечитывала письма Брюсова, а в одной из единиц хранения, их содержащих, находятся два конверта, запечатанных сургучными печатами с надписью:

«Мои личные бумаги.

В случае моей смерти прошу переслать их Валерию Яковлевичу Брюсову, *не читая*. Москва, 1-я Мещанская д. Баева»⁷³.

О судьбе Шестеркиной у нас сведений нет, и мы не знаем, действительно ли письма вернулись к Брюсову после ее смерти (последние ее письма датированы 1922 годом), но в любом случае очевидно, что она сохранила то, что полагала нужным. Остальное, скорее всего, было уничтожено.

Мы публикуем черновик по автографу: РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 14. Л. 4–8. В той же единице хранения л. 1–2 заняты черновиком письма к К.Д. Бальмонту от 4 или 5 июля 1899 г.⁷⁴, на л. 3 – черновик письма к Шестеркиной от 2 июля 1900 г. (окончательный вариант – с. 625–626), на л. 9 – черновики писем того же периода, но явно более поздних. В ломаных скобках – редакторские дополнения, в квадратных – вычеркнутое. Более сложные случаи автор-

⁷² Гаспаров М.Л. Эпистолярное творчество В.Я. Брюсова С. 13.

⁷³ РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 3. Мы цитируем надпись на одном из конвертов, на втором она слегка изменена.

⁷⁴ См. публикацию этого письма в следующем разделе нашей книги.

ской работы над текстом (в частности, второй слой правки, сделанный синим карандашом) отражены в примечаниях.

Вот этот сложный текст, написанный скорописью, со множеством сокращений.

24 июня 901

Девочка, милая, ландыш моя! когда ты уехала, я как-то осиротел. Москва стала пустой. Одно сознание, что ты здесь, делало ее радостной. О, сколько раскаяний. Почему эти полтора дня я не отдал тебе все сполна! Что значит все иное: что бы ни было там, я [должен был быть с тобой] про<пустил?> возмож<ность> бы<ть> вмес<те>, ласк<ать> тебя, ласк<ать> всю! Боже мой! Боже мой! мы *могли* провести вместе вечер пятницы и лишний час в субботу⁷⁵. Я с ума теперь схожу от этой мысли. Сегодня ночью мне снилась ты. Мы были где-то. Ты ушла. Я ждал, что ты вернешься тотчас. Ты не вернулась. Я пошел искать тебя, нашел и [нежно]⁷⁶ выговаривал: «Мне каждая минута дорога с тобой, а ты уходишь». Да! да! каждая минута! Так было во сне. Но наяву ведь это я ухожу... Девочка, любимочка, стебелек мой весенний, прости меня. Ты больная, ты усталая. [Как я хочу целовать твои ноги⁷⁷]. Будем верить в будущее, во много-много дней, во много-много поцелуев и ласк. Люблю тебя! люблю! я твой!

25.

Твое письмо, писанное карандашом, что ты больна⁷⁸, я получил раньше, чем другое, посланное тотчас по приезде⁷⁹. Прихожу домой, радостно беру твое письмо, открываю [и читаю]. [Девочка] [Ж<изнь> моя, св<етлая> рад<ость>!] ведь подумай ты, что я должен был чувствовать. Я здесь, я отрезан от тебя верстами и многим более неодолимым, я должен сейчас идти хлопотать по дому, [должен работать в Архиве, должен ласкаться с женой, а главное] ехать, ехать домо<й>, где с ласк<о>в<ой> нежностью ждет м<еня> жена, и никому, никому не могу я *ни слова* сказать о тебе, ни слова! Я должен думать и молчать, и молчать, и молчать. [Этот день прошел, как бред] Я воображаю все, что с тобой, до всех подробностей, всю обст<ано>вку, все лица, все слова, и все, что будет. Перебираю тысячи мелочей. Мучит меня [особенно⁸⁰] и то, что я знал, что у вас сейчас нет денег. Предложить, послать, но как, но по какому праву, под каким предлогом... Вечером прихожу оп<ять> на Цвет<ной>: еще письмо,

⁷⁵ Т.е. 22 и 23 июня.

⁷⁶ Слово вычеркнуто синим карандашом.

⁷⁷ Вычеркнутая фраза взята в скобки, проставленные синим карандашом.

⁷⁸ См. его выше.

⁷⁹ Приводим его текст: Понедельник, ночь. Сегодня получила от тебя два письма, дорогой мой, – одно утром, когда отправляла тебе письмо, а другое принесли мне вечером. Оба письма мне ясно показали – насколько условности связывают человека, связывают незаметными, но крепкими путями. Перестаю надеяться на твой приезд сюда, – ведь чем дальше, тем невозможней он будет. Нездоровье жены, невозможность ее оставить... а там уж и август близко – стоит ли ехать? etc. etc... Прости мне, мальчик мой, – уж очень я измучилась, очень мне тоскливо здесь, страшно мне недостает тебя, твоих ласк любимых, твоей нежности, дитя мое... Если соберешься, то *непременно* заезжай к маме в Сокольники, она даст тебе посылку, необходимую для меня. В этом письме, как и в предыдущих, – не пишу особенных подробностей о себе и своей жизни. Причина тому – недостаток времени, – мне хочется отослать письмо завтра утром, вот я и спешу дописать эти немногие строки. По-прежнему тишину ночи нарушает тиканье часов, а в окно доносится кваканье лягушек и колотушка ночного сторожа.. Петухи пропели уж давно. Прощай, любимый мой, целую тебя, твоя – девочка (РГБ. Ф. 218. Карт. 128. Ед. хр. 6. Л. 32–33).

⁸⁰ Вычеркнуто синим карандашом и им же дальше вписано одно не разобранный нами слово.

твое! С безумной радостью хватаю его... Но это письмо предыдущее, более раннее. И затем опять молчание⁸¹.

27.

Молчание! проходят дни, ночи, часы и опять часы. Я ничего не знаю. Я пишу тебе письма, пишу письма как к больной. Может быть, этого не следовало, но не мог же я писать к тебе как к здоровой, зная все. И не мог не писать. Молчать, и ты не будешь знать, что я думаю о тебе кажд~~ый~~ день, кажд~~ый~~ час. И я пишу, но по обязанности «на В~~ы~~», но по обязанности не говор~~я~~ ни слова о том, о чем кричит моя душа. Я улыбаюсь, я болтаю, когда мне хочется упасть на колени, плакать и целовать твои ноги. Целовать твои ноги! Боже! но ведь я *ничего* не знаю. Ведь эти три дня молчания могут означать, что ты больна смертельно, могут означать, что т~~ы~~ умерла. Да, не хочу закрывать глаза, я слишком привык всему смотреть в лицо. Ты умерла, Воля и Лена⁸² испуганно присмирели, Миша⁸³, конечно, не подумает в этот час писать мне. Да и кто обо мне подумает. М~~ожет~~ б~~ыть~~, душа твоя, светлая, чистая, немного опечаленная новой жизнью. Но и <2 нрзб> в лице <1 нрзб> недоступном мне. Ехать, бежать, [лететь⁸⁴] к тебе. Но если ты тяжело больна, меня [и не впустят, а если тебе лучше, удивятся⁸⁵] на меня только удивятся⁸⁶, зачем я... Я не знал даже, с ведома ли других ты изв~~естила~~ меня о болезн~~и~~. М~~ожет~~ б~~ыть~~, я долж~~ен~~ делать вид, что ничего не знаю. А жена дом~~а~~ говорит: «У тебя что-то на душе, ты меня больше не любишь» и затем ночью рыдает. Бож~~е~~ мой! какой бред, какой безумный бред моя жизнь за эти дни!⁸⁷

29. *утро*

Когда подумаю, что ты писала мне свое письмо⁸⁸ больной, страдающей, в страхе пред наступающим неизвестным, м~~ожет~~ б~~ыть~~, в страхе перед смертью, меня охватывает такое умиление, такая любовь к тебе, что хочется упасть и целовать твоё платье. Милая, маленькая, глупенькая девочка. Еще минута, и я дам клятву отныне всю жизнь посвятить тебе и любви к тебе; но вспоминается «неприветный суровый» Баратынский, уже давно знавший, как мы часто в упоении страсти

Даем поспешные обеты
Смешные, мож~~ет~~ б~~ыть~~, всевидящей судьбе ⁸⁹.

⁸¹ «Официальное» письмо от этого дня – см. с. 640.

⁸² Дети Шестеркиной.

⁸³ Михаил Иванович Шестеркин (1866–1908), художник.

⁸⁴ Слово вычеркнуто синим карандашом.

⁸⁵ Вычеркнуто синим карандашом.

⁸⁶ Последнее слово вписано синим карандашом.

⁸⁷ «Официальные» письма за 26 и 27 июня см. с. 640–641.

⁸⁸ Судя по всему, о цитированной выше записке Шестеркиной от 24 июня, из которой Брюсов узнал о выкидыше.

⁸⁹ Из стихотворения Е.А. Баратынского «Признание» (1823, 1834).

Но все равно в душе одно желание

Следить твои шаги, молиться и любить⁹⁰.

Я снова плачу, как в детстве, как четыре года назад...

30-go

[Да, я получил твое письмо] Письмо от тебя⁹¹. Да, оно больно уязвило меня. Я в посланном тебе письмо отвечаю коротко⁹². Я боюсь тенью обидеть тебя. [Но эти строки ты прочтешь не скоро, и я скажу тебе все⁹³] Ты упрекаешь меня, что я не поехал к тебе тотчас. [В равной степени] [Ты равно могла бы упрекать меня⁹⁴] Почему не упрекаешь меня ты, что я пишу тебе пустые письма. Я не поехал к тебе! А что могло быть первым моим движением, когда я прочел твое письмо. И как это было просто. Бил<ет> [стоящий 1 р. 10 к.] до Кубинки и извозчик.[за 3 р.]. Сутки времени. Вот и все. А потом? Мне нельзя будет войти к тебе в комнату, меня встречают удивленно, я обличаю [себя и⁹⁵] тебя своим приездом, п<отому> ч<то> слишком ясно, что кроме столь близкого к тебе, как я, никто не мог приехать в такую минуту. А дома? Я знаю, что с тобой Миша, к<о>т<о>р<ый> любит тебя и сделает все, что возможно, для тебя. А моя жена остается одна с [глупой и трижды нелепой] неопытн<ой> <?> Машей. Останется одна на ночь, после того, как она в истерике умоляла меня не оставлять ее спать одну, и я дал ей в том клятву. Конечно, эта истерик<а> повторится, тем более, что у меня не может быть ни малейшего предлога, зачем я уезжаю. Кто знает, к чему приведет эта истерика, не к тому же ли самому, что с тобой, и притом опять-таки она будет одна, вполне неопытная и вполне во всем всегда неумелая. Боже мой! Неужели ты не понимаешь, что стоило мне остаться в Москве, оставаться, не получая от тебя никаких вестей, ходить, говорить, делать дело, отвечать на поцелуи жены. Со всех сторон меня осаждали: [я долж<ен> б<ыл> платить 180 р. в Страх<о>во<е> Общ<ество>, 250 в Думу, у меня не было этих денег, ко мне шли маляры, штукатурщики, кровельщики; жильцы с <1 нрзб> надо было сдавать квартиру⁹⁶] требования разны>х уплат, разн<ых> вопрос<ов>

⁹⁰ Первая строка стихотворения А.А. Фета без названия (1850).

⁹¹ Имеется в виду письмо от 27 июня (см. выше).

⁹² «Официальное» письмо от 30 июня см. с. 641–642. В нем Брюсов писал о завершении дня, когда, проводив гостей, «едва настал вечер, я очень любезно проводил их на поезд, усадил, пожелал доброго пути и пошел домой по темному парку. Я был один, как вольно дышала душа. Я наконец был один! Я думал о чем хотел, говорил, плакал. Звезды смотрели и шелестели липы. Сумрак темнел. А дома еще ждал меня самовар, малина и беседа о минувшем дне».

⁹³ Вычеркнуто синим карандашом.

⁹⁴ Оба раза вычеркнуто синим карандашом.

⁹⁵ Вычеркнуто синим карандашом.

⁹⁶ Вычеркнуто синим карандашом. Ср. также в письме Брюсова от 7 июля: «Дома у нас всякий ремонт, маляры, штукатуры, кровельщики; сначала меня занимало разнообразие людей, теперь мучит их страшное однообразие» (С. 644). О перипетиях отношений с жильцами см. в письме, на конверте которого Шестеркина написала «15.VII. 1901»: «Сегодня я был неумолимым домохозяином. У меня съезжают некие жильцы, а их жильцы (снимавшие комнату) просят позволение остаться, ибо они еще себе ничего не приискали и, видимо, денег у них нет. Я говорю, что это и неудобно, ибо квартира будет отделяться, и невыгодно очень, что раз снявшие уезжают, то пусть и они едут, что я их не знаю, с ними не уговаривался и т.д. Они же, конечно, убежденные, что всякий домохозяин есть кулак и зверь, начали меня умолять, стыдить и проклинать, говорили, что-де они бедные, а я богатый, что во всех, однако, должно уважать человеческое достоинство, что если я “выброшу их на улицу”, они сядут посреди мостовой на сундуке и будут всем прохожим рассказывать о жестокосердии моем. Я подумал, что

о ремонте дома, разн<ых> в<о>пр<о>с<ов> о <4 нрзб⁹⁷>. На дачу ехали гости, жена хлопотала о варенье. Мама писала из Кры<ма> письма с разными просьбами, «Ребус» требовал обещанной статьи⁹⁸, [в «Арх<иве>»⁹⁹ надо было читать корректуру¹⁰⁰]. Кругом был вихрь, а в голове одна ты, и неизвестность о тебе. Да, я оставался в Москве, но как капитан, остающийся на тонущем корабле; его ли винить, что он побоялся довериться шлюбке <так!>. Да, я писал пустые письма и продолжал обычную жизнь, но это была пляска клоуна, [у которого в груди уже была смертельная рана¹⁰¹] на горяч<их> угольях. Я улыбался и плясал [на красных угольях¹⁰²]. Приехать к тебе! Письмо пришло в понед<ельник> вечером. Я мог быть у тебя лишь во вторник. Ты захворал<а> в воскрес<енье>. Или бы я нашел тебя умершей, или бы мой приезд был нелеп. Быть *гостем* в эти дни без тебя, понимаешь ли ты это все?¹⁰³ Да, и в самом буйстве отчаяния я сохранял спокойное разумение. Я мыслю вс<ег>да, везде. Я сказал себе: ехать не должно. Вся душа моя восставала против этих слов, но я одолел ее, как зверя, я сковал ее, убил свою душу. И в ответ на это твое письмо с упреками¹⁰⁴.

Напрасно я думал, что так легко отделаюсь от твоего письма. «Нет, ты не права» – просто, но сердце мое ранено и кровь сочится. Все эти дни в муке, в отчаянии – у меня была светлая мысль, сознание, уверенность, что как бы ни было тебе трудно, как бы ни было мне тяжело, но мы любим друг друга, но ты веришь в мою любовь, как я в твою. Но это твое письмо вдруг отняло у меня [это последнее утешение] такую веру. Ты не веришь? Ты упрекаешь, что во мне не нашлось столько любви, чтобы поехать к тебе. Да что же могло быть для меня в мире более желанного, как быть с тобой, когда ты больная и страдаешь, проводить с тобой часы и ночи, целовать твои ноги и пальцы рук, заботиться о тебе, следить желания твоих глаз. Одна мысль об этом блаженстве сжимает меня за горло, и я падаю на колени, здесь, посреди комнаты, перед этим письмом. И в безумстве мне начинает казаться, что действительно я мог быть близ тебя, мог смотреть тебе в глаза, касаться твое<й> руки. [Но нет, ведь я бы<л> бы в ту минуту при тебе *гостем*.¹⁰⁵] Я не знаю, понимаешь ли ты все глубину этого [ужаса¹⁰⁶]. Я прихожу домой обезумевшим от отчаянья, а та,

если бы кстати среди прохожих оказался анти-декадентский критик, он мог бы смастерить славную статейку о “упрошенном понимании нашими юными поэтами идей Ницше”. Вообще я (до известного предела) играл свою роль мастерски, и мне было очень забавно говорить неумолимые слова, а вот тем меня слушать, вероятно, не очень. И как далеки они были от того, что действительно было в моей душе! Ваш Валерий Брюсов» (РГБ. Ф. 218. Карт. 128. Ед. хр. 6. Л. 25–26). Ср. также превосходную работу: «“Я люблю большие дома”: Брюсов как рантье» (Соболев А.Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 362–382).

⁹⁷ Вписано синим карандашом.

⁹⁸ Спиритический журнал. Речь идет о статье: *Брюсов Валерий*. Из прошлого // Ребус. 1901. № 35 (сентябрь). С. 310–311. См. в письме к Шестеркиной от 7 июля: «Дал я обещание к 1-му Июлю доставить 3 статьи: в “Ребус”, А. Лангу как предисловие к его книге и в “Еж<емесячные> Соч<инения>”; ни одного из обещаний не исполнил, целые утра все пишу и все неудачно» (С. 644).

⁹⁹ Журнал «Русский архив», где Брюсов в это время служил секретарем, о чем постоянно рассказывается в письмах к Шестеркиной.

¹⁰⁰ Вычеркнуто синим карандашом.

¹⁰¹ Вычеркнуто синим карандашом.

¹⁰² Вычеркнуто синим карандашом.

¹⁰³ Фраза вписана синим карандашом.

¹⁰⁴ Далее следует очень неразборчивая вставка, начинающаяся словами: «Девочка моя, ты не права……»

¹⁰⁵ Вычеркнуто синим карандашом.

¹⁰⁶ Вычеркнуто синим карандашом.

другая, которая не так дав<но> ночью в истерике умоляла не оставят<ь> ее одну ночью, спраш<и>вает меня, почему я грустен и не хочу разделить с ней своего горя. И в этой муке отчаянья мне оставал<ось> лишь одно: я думал, что утешением тебе сознание, что я мыслю о тебе кажд<ый> миг, что я понимаю твоё положение, как меня утеша<ет> во всех ужасах моего незнания мысль, что ты понимаешь моё состояние, сквозь свои слезы жалеешь меня. И это<го> нет. [Девочка, родная, близкая, я знаю, что ты больна, но ничем т<ы> не могла более жестоко ранить меня. Мне быть в эти дни у вас *гостем*, понимаешь] Я не стану говорить о том, что это бы<л> *наш* ребенок, это было бы лицемерием, я не знаю такой <?> любви, но ведь ты-то *моя*, ты-то мне родная, близкая.

И т<ы> была где-то так далеко, в смертной тоске, и не слыш<ала> моего голос<а>... Нет, все слова <2 нрзб>, прост<и> меня, если я вин<о>ват, люби меня, е<сли> можешь, приз<о>ви меня, вот я уже потерял все пути. Скажи, что я должен делать.

На этом черновик обрывается. Но достаточно очевидно, что он и является тем письмом (письмами), на которое Шестеркина отвечает приведенным выше письмом от 2–3 июля. 4 июля она впервые после несчастья выходит из дому и относит на почту свой ответ. На этом эпизод, который мы дешифровывали (или решали ребус), почти заканчивается. Для полного завершения следует напомнить, что с 31 июля по 2 августа, т.е. чуть больше, чем через месяц после случившегося с Шестеркиной, у И.М. Брюсовой пришлось извлекать мертвый плод – девочку, Брюсов ассистировал врачу, потом были всякие иные передраги – и обо всем этом он подробно рассказывает в письмах к Шестеркиной.

Но, как кажется, изучение эпизода дает исследователям в очередной раз почувствовать, что письма Брюсова, как и другие его тексты, невозможно читать однонаправлено, веря каждому слову. В данном случае перед нами оказывается крайний вариант: Брюсов ведет двойную переписку, причем для ее «потайной» части (или, по крайней мере, отдельных ее фрагментов) первоначально работает в черновиках. Это доводит необходимость в интерпретации до высочайшей степени. Исследователь оказывается в такой ситуации, когда уловления простого, открытого смысла становится явно недостаточно, он должен вовлекать в поле своего зрения максимально возможное количество доступных источников, учитывая всякого рода привходящие обстоятельства личной (а часто и интимной) жизни как самого поэта, так и окружающих его людей. Текстологические разыскания ведут к бесконечно уточняемой биографии, неразрывно связанной с творчеством.

В п е р в ы е: Текстологический временник: Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2018. Вып. 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. С. 64–76.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО БРЮСОВА К БАЛЬМОНТУ

Как хорошо известно, переписка В.Я. Брюсова с К.Д. Бальмонтом была опубликована А.А. Ниновым и Р.Л. Щербаковым в одном из брюсовских томов «Литературного наследства»¹⁰⁷. Вместе с тем во вступительной статье к данной публикации читаем: «Письма Брюсова к Бальмонту не сохранились, так как личный архив Бальмонта за рубежом оказался утерянным и, по-видимому, погиб безвозвратно. От этих писем, которых должно было быть не менее ста, в личном архиве Бальмонта осталась небольшая пачка черновиков. <...> Всего таких черновиков сохранилось более двадцати»¹⁰⁸.

В текстологической преамбуле читаем также: «В архиве Брюсова остались черновики его писем к Бальмонту – основная их часть на отдельных листах (наиболее законченные по тексту); некоторые письма были вписаны Брюсовым в его дневники 1890-х годов. <...> В черновиках брюсовских писем к Бальмонту, сохранившихся в ГБЛ, адресат иногда не указан; поэтому, кроме основной стопки черновиков, явно обращенных к Бальмонту (Ф. 386, 69.26), несколько писем без личного обращения и адреса оказались по ошибке среди писем Брюсова к Курсинскому и Самыгину»¹⁰⁹ ...

Из этого понятно, что разыскания среди черновиков брюсовских писем к разным людям могут привести к новым находкам. Одну из таких находок мы предлагаем вниманию читателей.

Отношения В.Я. Брюсова с А.А. Шестеркиной достаточно хорошо известны¹¹⁰. Вместе с тем их переписка таит немало количество загадок, поэтому следует несколько отвлечься и сказать несколько слов по ее поводу.

Познакомились они совсем молодыми. В ноябре 1899 года Брюсов записал в дневнике: «Утешен на той среде был я лишь тем, что встретил г-жу Шестеркину, бывшую подругу Тали... Таля! да ведь это вся моя молодость, это 20 лет, это русские символисты»¹¹¹.

Бликие отношения Брюсова с Талей (Н.А. Дарузес) относятся ко второй половине 1893-го и началу 1894 года, то есть впервые с Шестеркиной он встретился и запомнил ее с того самого времени. К осени 1899 года она уже была замужем за художником М.И. Шестеркиным и матерью двоих детей, тем не менее роман начался и развивался довольно быстро. Уже в апреле 1900 года Брюсов записывает и потом вычеркивает: «О Шестеркиной сюда не пишу, ибо эту тетрадь – несмотря на мои просьбы – читает Эда»¹¹². Летом 1900-го Брюсов писал ей обширные письма из Ревеля, где он проводил лето. Однако внимательному читателю сохранившихся писем следует учитывать, что Брюсов писал ей в двух вариантах: довольно хорошо сохранив-

¹⁰⁷ Переписка с К.Д. Бальмонтом 1894–1918 / Вступ. ст. и подгот. текстов А.А. Нинова; коммент. А.А. Нинова и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М., 1991. Т. 98, кн. 1: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 30–239. Впрочем, достаточно заметную часть этой публикации составляют отсылки к другому источнику: Письма <Брюсова> из рабочих тетрадей (1893–1899) / Вступ. ст., публ. и коммент. С.И. Гиндина // Там же.

¹⁰⁸ Переписка с К.Д. Бальмонтом 1894–1918. С. 31.

¹⁰⁹ Там же. С. 79–80.

¹¹⁰ Подробнее см.: Письма к А.А. Шестеркиной 1900–1913 / Пред. и публ. В.Г. Дмитриева // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 622–656. Имя Шестеркиной также регулярно возникает при разговоре о судьбе Н.Г. Львовой – она была confidentкой младшей женщины, а после ее смерти исполняла разные поручения Брюсова (см., напр.: Лавров А.В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 199–208).

¹¹¹ Вторая фраза купирована в опубликованном тексте (*Брюсов Валерий*. Дневники 1891–1910. М., 1927. С. 77), мы восстанавливаем ее по оригиналу дневника (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 15/2. Л. 7).

¹¹² РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 15/2. Л. 14. Эда – домашнее имя жены Брюсова Иоанны Матвеевны. Эта запись заставляет сделать хронологические поправки в новейшей биографии Брюсова, где находим: «... в “активную фазу” их отношения вошли осенью того же <1901> года <...> но постепенно охладели с рождением у Шестеркиной в июне 1902 года дочери Нины. Брюсов был ее отцом...» (*Молодяков Василий*. Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. С. 223). Уже в конце 1900 г., подводя его итоги, Брюсов записал в дневнике: «В частности, зима эта неудачна: она вся разделена между работой у Бартенева в “Русском Архиве” и свиданиями с Шестеркиной» (*Брюсов Валерий*. Дневники 1891–1910. С. 100, с исправлениями и восстановлением имени Шестеркиной по рукописи).

шемся «официальном», именуя ее исключительно на Вы и соблюдая все формы эпистолярной учтивости, и неофициальном – пылко-страстным и чрезвычайно откровенным. Однако этот «откровенный» вариант остается практически неизвестным. Единственное, что мы в настоящий момент знаем, – черновик большого письма от 24–30 июня 1901 года, тех дней, когда Шестеркина потеряла их общего ребенка, и еще два фрагмента недатированных черновиков¹¹³.

Разбирая оставшиеся после смерти Брюсова бумаги, его вдова не всегда была достаточно внимательна, и к этим сохранившимся черновым наброскам присоединила еще один листок, пометив на нем карандашом: «Шестеркиной. 1900». Ее атрибуции последовали и сотрудники архива: обрабатывая фонд, они присоединили этот листок к сохранившимся черновикам писем к Шестеркиной (или, возможно, все записи по воле вдовы лежали вместе)¹¹⁴. Между тем даже при первом рассмотрении понятно, что это письмо к названному адресату отношения не имеет. Упоминаемые в первой же строке «Баньки» – имение, где жил С.А. Поляков; с ним Шестеркина была знакома, однако трудно себе представить, чтобы она там у него гостила. Слова Г.Г. Бахмана «обострившаяся гениальность» и «это выше Лермонтова», упомянутые Брюсовым стихи адресата также никак не могут быть отнесены к Шестеркиной. Более внимательное чтение показывает, что этот адресат – несомненно К.Д. Бальмонт, а время написания письма – отнюдь не 1900 год, а 1899-й. Именно в этом году, под расплывчато обозначенной датой «Июль–август» Брюсов записывает:

Потом приехал Бальмонт и сразу выбил из колеи всю жизнь. Он явился ко мне втроем с неким Поляковым и с литовским поэтом Юргисом Балтрушайтицом. Пришел еще Бахман. Бальмонт читал стихи, все приходили в восторг, ибо все эти вещи действительно удивительные («Джен Вальмор», «Закатные цветы», «Я на смерть поражен своим сознанием...», «О да, я избранный...»). Вечер закончился в «Аквариуме».

Еще ни разу не видал я Бальмонта столь жалко пьяным. Встретившийся нам студент, который беседовал со мной о Лейбнице, горько порицал его, говоря, что никогда не поверил бы, до чего может дойти «К. Бальмонт». Впрочем, и студент был достаточно пьян. Когда мы вышли на улицу, Бальмонт обнимал извозчицьи лошади, а спросив у одного кучера, русский ли он, и получив в ответ: «Вестимо, барин», – пришел в восторг и кричал:

– Он русский! слышите ли! он – русский!

Я ушел домой, но Бальмонт в тот день домой не вернулся. На другой день вечером его жена заехала к нам узнать, где он. На следующий день она опять приехала, ибо он все еще не показывался. Я поехал с ней к Бахману. Но едва мы ушли, к нам пришел сам Бальмонт с Балтрушайтицом. Эда сказала, что К.А. только что была здесь.

– Хорошо, что я ее не застал, – проговорил Бальмонт мрачно, – а то бы я ее убил.

Вернувшись, я застал Балтрушайтица распростертым у меня на постели; он стонал, что умирает. Мы, однако, беседовали еще часа два, потом решили везти литовского поэта в больницу, но Бальмонт увлекся сначала каким-то «чудным стариком»-встречным, потом какой-то девицей. Балтрушайтица мы потеряли из виду. После того попали мы еще к Бахману, и лишь поздно вечером удалось мне убедить Бальмонта поехать домой.

¹¹³ Подробнее об этом см. предыдущую статью нашей книги.

¹¹⁴ РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 14. Л. 1.

На другой день Бальмонт уехал в Баньки, а Балтрушайтица, по словам Дурнова, отправили в сумасшедший дом. Верно ли это, не знаю¹¹⁵.

На основании этой записи и письма Полякова к Брюсову от 29 июня 1899 года публикуемое далее письмо следует отнести к 4–5 июля: 30 июня Бальмонт должен был зайти к Брюсову, затем следуют описанные дни, из которых понятно, что в Баньки Бальмонт уехал 3 июля. Письмо явно написано в самые первые дни после этого.

Отметим также, что весьма существенно в письме упоминание о том, что читавшиеся Бальмонтом стихи полны «истинного содержания, т.к. философии». Это делает более убедительными наши соображения относительно сборника «Книга раздумий» (СПб., 1899) как поворотного этапа развития русского символизма, когда на смену открытой эпатажности приходит философское углубление¹¹⁶.

К сожалению, как и многие черновики писем Брюсова, это письмо написано мучительно небрежно: начинаясь более или менее внятно, так что можно даже разобрать зачеркнутое, постепенно оно превращается почти в полную невнятицу. После фразы «Я пристыжен еще больше», вообще говоря, следовало бы поставить одно сплошное «<нрзб>», однако мы сохраняем то, что хоть как-то удалось разобрать – в надежде, что кому-либо придет в голову, что это может означать.

Вот этот текст:

Узнал, что Вы в Баньках, а Юргис Балтрушаец в сумасшедшем доме. Видел Бахмана. Он еще бредит Вами. Его выражения: «обострившаяся гениальность», «[немыслимая] [мучительная] дошел до предела нервозности <?>», «пью, я человек гетевс<кого> склада <?>», «а все-таки это выше Лермонтова» («Слушайте! Слушайте», как в парламентских отчетах). Его очень смущает, не показался ли он Вам таким, каким показался. [Я его у<спокаивал>] Он несколько раз спрашивал об этом, я его успокаива<л>. Подобно Бахману, и я тв<ер>жу Ваши стихи. Ибо я давно говори<л>, что Ва<м> недост<ава>л<о> одного – истинно<го> содержан<ия>, т.е. философии. Оно ест<ь>, и Вы соверше<н>с<т>во. Выше Лермон<то>в<а>, как говорит Бахма<н>. Сам я был пристыж<ен>, что В<ы> писали стольк<о>, и стал писать, но все, кому я читал свое многое новое, лишь молчали и даж<е> не [кивали] качали головой. Я пристыж<ен> еще больше. Пом<ни>те, в коррек<туре?> (по рук<описи> правила <?> мы) <1 нрзб>, что не знаю, или

Кораллы плету <1 нрзб> и
Полв. <2 нрзб>

Или

К<ораллы> ни U U с

¹¹⁵ РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 15/2. Л. 3 и об. В печатном издании (С. 74) запись очень сокращена. Необходимый комментарий: «некий Поляков» – Сергей Александрович (1874–1943), ставший многолетним другом Брюсова и меценатом издательства «Скорпион». О приезде Бальмонта он, еще незнакомый с Брюсовым, извещал последнего в письме от 29 июня (Переписка <Брюсова> с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и ком-мент. Н.В. Котрелева; публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // Литературное наследство. М., 1994. Т. 98, кн. 2: Валерий Брюсов и его корреспонденты. С. 29). Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944), впоследствии также близкий друг Брюсова, к этому времени тоже не был с ним знаком. Георг Георгиевич (Егор Егорович) Бахман (1852–1907) – немецкий поэт, преподаватель немецкого языка, постоянно жил в Москве. Все названные здесь стихи Бальмонта вошли в его книгу «Горящие здания» (М., 1900). «Аквариум» – городской сад с рестораном на Б. Садовой ул. Жена Бальмонта в это время – Екатерина Алексеевна Бальмонт (урожд. Андреева; 1867–1950). Модест Александрович Дурнов (1868–1928) – художник, пробовавший свои силы и в поэзии

¹¹⁶ Подробнее см.: Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 204–211.

Т¹¹⁷

Ваш

В.Б.

Р.С. Шуф Кове<н>ски<й> <переулок> 11, но его имя-от<че>ство <мне неизвестно>¹¹⁸.

В п е р в ы е: Россия и Запад: Сборник статей в честь К.М. Азадовского. М., 2011. С. 100–104.

¹¹⁷ Возможно, первая буква не «Т», а «П».

¹¹⁸ Довольно известного поэта, на самом деле жившего в Петербурге по указанному адресу, звали Владимир Александрович.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ИТАЛИИ: 1892–1901

При всей широте своих европейских странствий Вячеслав Иванов неизменно возвращался в Италию. Впервые он приехал туда весной 1892 года, чтобы прожить несколько лет, потом, после перерыва, бывал в 1910 и 1913, окончательно поселившись, уже до самого конца жизни, в 1924-м. О позднем его пребывании написано очень много¹¹⁹, хотя тема явно и не исчерпана. Гораздо менее известно о жизни в Италии раннего времени, обозначенного в заглавии.

Всего за 9 лет, описываемых нами, в разных уголках страны он пробыл около пяти лет. Приводим ранний итинерарий, насколько он восстанавливается по доступным ныне материалам. Весной 1892 г. Иванов с первой семьей через юг Франции приезжает в Италию, где проезжает Геную и Рим, потом направляется в Неаполь, на Сицилию, а к концу сентября возвращается в Рим. Там Ивановы (с кратковременными выездами в недалекие города) живут до лета 1894 г., когда через Ассизи, Перуджу, Сиену и Пизу перебираются во Флоренцию. В самом начале 1895 г., оставив во Флоренции семью, Иванов до начала апреля живет в Риме, потом ненадолго возвращается во Флоренцию, объясняется с женой относительно начавшегося романа с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (тогда еще Шварсалон) и вместе с первой семьей в начале мая 1895 г. на два с половиной года расстается с Италией. Сперва он через Мюнхен и Берлин отправляется в Россию, затем возвращается в Берлин и после долгих эпистолярных пререканий с Зиновьевой-Аннибал переезжает к ней в Париж. Оттуда еще раз – осенью и зимой 1896/1897 – он ездит в Берлин и в Россию. Весной 1896 г. в Париже рождается дочь, Лидия Вячеславовна. Летом 1896 г. все семейство живет в швейцарских Альпах, потом в разных городах Франции и Швейцарии.

Возвращается Иванов в Италию вместе во всей семьей в октябре 1897 г. и поселяется в Аренцано, недалеко от Генуи, где проводит больше года (с довольно длительным выездом летом 1898 г. в Россию). В самом конце 1898 или самом начале 1899 г. перебирается в Неаполь, но вскоре (в марте 1899) едет оттуда в Россию. В июле 1899 г. через Венецию и Ливорно Иванов с Зиновьевой-Аннибал (обвенчавшись в Ливорно) ненадолго возвращаются в Неаполь, ликвидируют там хозяйство и едут в Англию, потом в Швейцарию. В марте 1901 г. проезжают на поезде всю страну (с краткой остановкой в Риме), направляясь из Женевы в Бриндизи, а оттуда в Грецию.

Вот схема их путешествий и оседлой жизни. Однако, пожалуй, важнее было бы составить нечто вроде биографо-топографического очерка, где географические, исторические, культурные реалии итальянских странствий оказались бы связаны с событиями как внешней, так и духовной биографии поэта. Не случайно он так напряженно осмысляет в стихах, связанных с Колизеем¹²⁰, свою встречу с Лидией Дмитриевной; и такие примеры могут быть умножены¹²¹.

¹¹⁹ См., напр.: Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов в Италии // Archivio italo-russo / Русско-итальянский архив / A cura de Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Trento, 1997. P. 503–562.

¹²⁰ См.: Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I. С. 521, 621; То же. 1974. Т. II. С. 398. Эти стихотворения проанализированы в статье А.Б. Шишкина, указанной в примеч. 1.

¹²¹ Отчасти это сделано в двух недавних работах: Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год / Публ. Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Archivio russo-italiano. Vjaceslav Ivanov: Testi inediti / A cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Русско-итальянский архив. Salerno, 2001. Vol. III. С. 7–24; Иванов Вячеслав. <Волшебная страна ITALIA> / [Пред. и публ. Н.В. Котрелева] // История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М., 2006. С. 399–426 (в гораздо менее совершенном виде текст «Дневника путешествия

Однако для сколько-нибудь полного воссоздания этой картины необходимо сперва составить свод источников, из которых можно было бы почерпнуть сведения такого рода. Здесь мы предполагаем сделать первичный обзор подобных данных и представить некоторые новые документы, позволяющие в какой-то степени реконструировать его переживания.

Постепенное втягивание Иванова в итальянскую жизнь описано в дневниковых записях, постепенно переходящих в очерки, прагматику которых довольно трудно в точности определить. Эти тексты, описывающие впечатления 1892 года, с наибольшей полнотой были опубликованы в приложениях к переписке Иванова с И.М. Гревсом. В самих этих письмах есть несколько описаний итальянского Юга, Рима 1892 года, которые образцово откомментированы публикаторами. Встреча с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (точнее, еще Шварсалон) на фоне римского лета 1894 года описана в письмах Иванова к первой жене, опубликованных практически одновременно В.В. Саповым и (в несколько больших фрагментах) М. Вахтелем и автором данного сообщения в сопроводительных материалах к переписке Иванова и Зиновьевой-Аннибал¹²², а без нее этот фон воссоздает переписка с Гревсом более раннего времени¹²³. Пожалуй, здесь стоит отметить, что упомянутые ранее стихотворения, связанные с Колизеем, воспроизводят ситуацию не «объяснения, окончательного разговора» влюбленных¹²⁴, как то пояснялось ранее, а самый первый момент их грядущего сближения: 4/16 июля 1894 г. они были поздним вечером в Колизее, и Иванов возложил там на голову своей недавней знакомой венок из плюща. Почти ровно год спустя она напоминала Иванову: «Помнишь нашу прогулку между днем и вечером по Forum, помнишь нишу в Колизее, и твои стихи, и сумерки. Я помню, как в душе моей точно растворялся весь мир, и всё громадное прошлое человечество точно отражалось во мне, когда мы шли, прижавшись друг к другу, и ты говорил о своих античн<ых> трагедиях. Развалины оживали, сердце расширялось бесконечно, и всё существо вырывалось из одиночества, сливаясь в любви другого существа и в ощущении всего мира настоящего и прошлого»¹²⁵.

Новых свидетельств этого рода нам обнаружить не удалось, однако существует документ, который, возможно, будет небесполезным для реконструкции атмосферы, в которой существовали русские молодые ученые во время своих занятий в Италии. Текст относится к более раннему времени и к совсем другому человеку, но, кажется, вполне выразительно рисует одну из тех возможностей научного общения, которые возникали в Италии. 5 октября / 23 сентября 1890 г. из Венеции первый муж Зиновьевой-Аннибал К.С. Шварсалон писал тестю, Д.В. Зиновьеву:

Теперь я не один занимаюсь в здешнем архиве: приехал также бывший проф<ессор> Моск<овского> Универс<итета> Максим Ковалевский. Он работает по истории Итал<ьянских> городов. Встретились мы с ним в архиве и через несколько часов после архивной работы, за обедом и за чаем сошлись как давнишние хорошие знакомые, хотя он старше меня лет на 8, а по положению я гожусь ему только в ученики: он 10 лет занимал кафедру Государств<енного> Права в Моск<овском> Университ<ете> и имеет довольно громкое имя и в

по Италии» приведен в комментариях В.В. Сапова: *Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи* / Вст. ст., сост. и прим. В.В. Сапова. М., 2007. С 714–724). Обширные материалы к подобным анализам подобраны также в примечаниях к ряду писем Иванова к Гревсу. Ср. также: *Иванова Д.М. <Дневник путешествия по Сицилии>* (РГБ. Ф. 109. 45. 3) / Публ. Н.В. Котрелева // Шахматовский вестник. М., 2010. Вып. 10–11. С. 322–347.

¹²² См.: *Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи*. С. 724–728; Вячеслав Иванов и Лидия Шварсалон: первые письма / Вст. ст. Н.А. Богомолова, подг. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова, прим. Н.А. Богомолова, М. Вахтеля и Д.О. Солодкой // Новое литературное обозрение. 2008. № 88. С. 123–125; *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка 1894–1903: В 2 т. / Подг. текста Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. статьи М. Вахтеля и Н.А. Богомолова; коммент. Н.А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Д.О. Солодкой. М., 2009. Т. 1. С. 67–70.

¹²³ См.: *История и поэзия*. С. 67–73.

¹²⁴ См. об этом: *Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов в Италии*. Р. 505.

¹²⁵ *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка 1894–1903. Т. 1. С. 281.

Европ<ейских> ученых кружках. Но общее между нами прежде всего, что нас обоих удалил со службы одинаково «вежливо» и без всяких объяснений один и тот же г. Д<елянов>. Даже сходство и в том, что и с Ков<алевским> распорядились заочно, когда он был в путешествии с научной целью на Кавказе. Дело объясняется тем, что характер лекций его находили всегда слишком либеральным, а взгляды на Рус<ский> Госуд<арственный> строй слишком европейскими.

Раздражались особенно тем, что Ков<алевский> “мутил” в совете Универс<итета>, протестовал против разных распоряжений Инспектора, из-за которого были “бунты” студентов и который (т.е. инспектор-то) оказался действительно умственно-больным. Товарищей Ков<алевского> тоже удалили было, но они попросили их вернуть; а он, обеспеченный в материальном отношении и с именем, не пожелал объясняться и тотчас же принял предложение читать лекции сначала в Оксфорде, а затем в Стокгольме. Всюду, разумеется, не могут понять, как можно прогонять ученого после 10 лет его службы; а Ков<алевский>, не стесняясь, рассказывает, как у нас ценят и берегут действительно знающих людей, но не желающих поступаться своим убеждением и своей совестью. Владея всеми Европ<ейскими> языками, со средствами, он плюет на все прочее и работает со всем жаром и увлечением, как преданный человек любимому делу. Подумайте, как может быть опасен человек, который затрачивает годы, по 8 часов в день, на исследование вопроса об администрации итал<ьянских> городов XI–XIII века, или о происхождении того или другого обычая и закона о <так!> Кавказских племен, или о наших древних законодательствах... Но, конечно, такой человек не станет и не может говорить молодежи то, что ему предписывают чиновники Минист<ерства> Нар<одного> Просв<ещения> о происхождении власти, об отношении подданных и т.д. Лично для меня большое удовольствие постоянно беседовать с Ков<алевским>: широко образованный, много видевший, с большими связями в ученом мире – все это очень полезно¹²⁶.

Как хорошо известно, с Ковалевским Иванов довольно близко общался позднее – во время чтения лекций в Парижской Высшей школе общественных наук весной и летом 1903 года, так что подобная цитата из письма представляется вдвойне уместной.

Переезд Ивановых из Рима во Флоренцию и первые его флорентинские впечатления описаны в послании к Гревсу от 23 августа 1894 г., а встречи с Зиновьевой-Аннибал – в ее дневнике того времени, выдержки из которого опубликованы как приложение к переписке. Однако сейчас у нас есть возможность несколько расширить круг источников. В начале сентября 1894 г. Зиновьева-Аннибал приехала учиться пению в Пезаро, однако продлилось это недолго. Уже 30 сентября она перебирается во Флоренцию, где Иванов уже нашел ей жилье. Официальный предлог – все то же обучение пению, которое осложнилось в Пезаро, но, судя по всему, ее значительно больше привлекало общение с Ивановым. Однако дети оставались в Пезаро, и за ними следили две «девушки» Зиновьевой-Аннибал – Дуня и Анюта, то есть Евдокия Семёновна Строганова и Анна Николаевна Шустова.

Первое письмо Зиновьевой-Аннибал отправила им лишь 10 октября, и из всех оправданий по этому поводу очевидно, что главной причиной такой задержки был именно Иванов. Судите сами:

¹²⁶ РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 46. Л. 47–48.

...на прошлой неделе я перепела лишнее и очень испугалась, тотчас перестала петь дома и в Субботу не пошла на урок. Вместо урока пошла в музей с Ивановыми. Там мы провели часа три, осматривая чудные старинные картины, нарисованные на известке на стенах. Пообедали и тотчас поехали в монастырь <...> Этот монастырь за городом. Там тоже много красивых икон, и самое здание старинное и такое красивое, а природа вокруг: чистый рай. Вернулись мы только вечером. Я пила с ними чай, а придя домой, просто упала в постель. <...> На другой день, в Воскресенье, мы пошли вдвоем с Ивановым в галереи картинные, а если мы с ним туда попадем, то выберемся нескоро, потому что мы оба с ума по красоте сходим. Вечером надо было непременно кончить письмо Бордовским и приготовить пение к другому дню. В Понедельник так устала, что после обеда легла и до 5-ти пролежала, а потом пела, а потом пошла читать к Ивановым. А вчера ходила после обеда в Кашинэ. Был чудный день. Ходила вдвоем с Ивановым, так как его жена и Саша не могут ходить так далеко. Мы вышли в 3 часа, а вернулись в восьмом, и я ужасно устала. <...> Удивительно, как Саша Иванова ходит с нами по галереям, и не устает, и мало скучает. Бедная девочка такая одинокая. Она и Дария Михайл<овна> очень надеются, что вы все приедете, и я тоже страшно хотела бы. Через 10 дней всё решится. Хорошо пожили бы мы во Флоренции!

...¹²⁷

Следующее письмо было написано через день, 12 октября:

Успехи делаю с каждым днем и разучила уже почти совсем две оперы. А теперь принялась за третью, в которой у меня главная и очень красивая роль. Дела ужасно много, так что дни летят, как стрелы, и не видишь времени. <...> Настроение довольно бодрое. По вечерам я часто бываю у Ивановых, и Вячеслав Иванович громко читает мой роман, который они оба очень хвалят. Кажется, я когда-нибудь буду знаменитою, но если бы меня любил тот, кого люблю я, мне было бы гораздо лучше, чем высшая слава. <...> Прошу прислать мне заказным письмом портреты Констант<ина> Семен<овича Шварсалона>¹²⁸.

Последняя просьба имела под собой все те же основания – внимание Иванова. 16 октября Зиновьева-Аннибал писала в Пезаро:

Моя учительница здешняя дает мне в день по полтора часа, и я делаю такие успехи, о которых в Пезаро и во сне не видала. Это меня и навело на мысль потолковать с Бокабадата о том, что может ли она давать мне такие длинные уроки и ежедневно. Она на это сказала, что, быть может, она не успеет заниматься со мною более трех раз в неделю, но что окончательно решить ничего не может, пока не начнутся ее уроки в консерватории в Пезаро. Она может дать мне расширенный ответ лишь 10 Ноября, т.е. через 24 дня от сегодняшнего. <...> Милые, пошлите фотографии простым письмом: никто

¹²⁷ РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 33. Л. 5–6 об. Ныне о «девушках», и прежде всего о Д. Строгановой, см. превосходное исследование А.Л. Соболева, размещенное в Интернете: «Бедная Дуня» и другие (к описанию ближнего круга Вячеслава Иванова и Зиновьевой-Аннибал) // <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/209206.html#comments>; <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/209494.html#t7063638>; <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/209782.html#comments> (дата обращения 10.04.2020). Автор иногда цитирует те же письма, что и мы, но наша работа шла независимо друг от друга.

¹²⁸ Там же. Л. 1 об.–2.

не польстится. Он написал мне письмо с угрозами. <...> Фотографии хочет видеть Иванов¹²⁹.

И наконец, в последнем, недатированном письме находим еще одно существенное известие:

Читаем с Ивановыми по вечерам мой роман. Многие места в нем всем очень нравятся, и я так хочу писать, что даже по ночам не сплю, а утром вскакиваю и пишу. Боюсь, что не потолстею от этого, но ничего, зато во всех делах своих лечу вперед. Отдохну потом¹³⁰.

С Флоренцией связано и то, что в переписке супругов впоследствии именовалось «Фье-золе»: договоренность о том, чтобы, сохраняя внутреннюю близость, уметь жить в долгой разлуке, посвящая себя тому или иному труду (ученому для Иванова, пению – для Зиновьевой-Аннибал).

Во многом решающий для дальнейшей жизни Иванова этап – начало близких отношений с Зиновьевой-Аннибал, – относящийся к первым месяцам 1895 года, когда Иванов жил в Риме, а Зиновьева-Аннибал приехала туда на несколько дней, хорошо отразился как в переписке супругов, так и в письмах к Гревсу. Не известен в подробностях, но вполне ясен по сути и духу заключительный для периода пребывания в Италии в 1892–1895 эпизод, когда, вернувшись из Рима во Флоренцию, Иванов признается первой жене в том, что любит другую, разъезжается с нею, а потом, в мае, уезжает (все-таки вместе с женой и дочерью) из Италии, покидая эту страну на два с лишним года.

Поводом для переселения в Аренцано в 1897 г. послужили обстоятельства отношений Зиновьевой-Аннибал со своим первым мужем. Если Иванов очень быстро развелся с первой женой, то Зиновьева-Аннибал всего лишь получила отдельный от мужа вид на жительство, и только после начала совместной (конечно, с частыми расставаниями) жизни с Ивановым затеяла дело о разводе, при этом вовсе не собираясь признаваться в супружеской неверности, а желая возложить всю вину на мужа. С середины октября 1897 г. она писала отцу:

...я только третьего дня получила твое письмо с радостным известием с копией об удачном окончании дела в Консistorии. Теперь оно будет ждать дальнейшего хода в течение двух месяцев. Потом пойдет на утверждение в Синод и там еще пробудет некоторое время. В течение этих двух месяцев Шварсалон имеет право подавать жалобу в Синод на кассацию. Затем, когда дело окончится в Синоде, то мне предстоит еще специальный процесс в Канцелярии Прошений об утверждении Высочайшим Именем детей моих за мною. Итак, видишь, что дела еще порядочно и надолго хватит. Ты, дорогой Папа, хорошо советуешь мне осторожность! Конечно, теперь всё дело может рухнуть у самого уже окончания его из-за малейшей моей неосторожности. <...> Мне кажется, что лучше было бы вновь переменить место жительства на другое столь же разумное! и там сидеть смирно в ожидании конца процесса. Я и ездила вокруг поискать такого местечка, но пока ничего не нашла. Во всяком случае, мы совершенно проникнуты одною заботою: жить тихо и скрывать свои следы¹³¹.

¹²⁹ Там же. Л. 3 и об., 4об.

¹³⁰ Там же. Л. 7 и об.

¹³¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 3. Л. 15–16 об. Подробнее об этих обстоятельствах см. главу «История одного развода» в нашей книге: *Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче*. М., 2010. С. 120–142.

На самом деле к этому времени уже и место было найдено, и новая, еще официально не созданная семья уже там жила. Как мы уже говорили выше, это было небольшое местечко под Генуей – Аренцано. В первые дни после переселения Зиновьева-Аннибал так описывала его матери:

Где мы? Совершенно неожиданно и можно сказать *par un coup de génie* – на Ривьере, за час от Генуи, в еще никем не разысканном, но теплом, как *Nervi*, поросшем пальмами и апельсинами местечке – *Arenzano*. Всё здесь примитивно, тихо, дешево и упоительно прекрасно. Сiju в нашей комнатке с двумя окнами: одно на море с долгою линией берега до Генуи и далее, вплоть до Специи и *Portofino*, другое на городок с окружающими его светлыми виллами среди оливковых рощ по склонам мягких холмов. Солнце блистает горяче <так!>, окна все раскрыты. Живем мы в одной вилле на холме в 10 минутах над морем. Внизу живет хозяин, одинокий молодой офицер, наверху занимаем мы четыре просторных комнаты и кухню с хорошою барскою мебелью, совершенно одни, без соседей, со своим садиком и с большою террасою на крыше с блистательным видом. Попали мы сюда вот как: сидели и мерзли в горах, где стало очень неуютно и тесно, когда дети не могли гулять. <...> Вот и придумали, что недалеко, по ту сторону Альп есть теплая страна, где хорошо и телу больному, и душе, влюбленной в Италию. В.И. решил заниматься сам с детьми. Летом он Сережу подогнал через класс 8-й прямо к 7-ому, а в течение зимы думает его подогнать прямо к 5-ому, т.е. пройти и немного латынь. Будут и русские уроки. При способностях Сережи и прекрасных уроках это пустяки. Вера тоже только выиграет от домашних уроков, так как школа ее в Париже, как и все школы для девочек, плоха. Дети очень счастливы, а Сережа наслаждается красотой удивительно сознательно, он теперь с ума сходит по поэзии. Учит *Goethe* и Пушкина с наслаждением, читает *Hugo* и *Heredia* и, подражая последнему, написал свободного вымысла военную поэму ко дню моего рождения в стихах. Стих местами прямо очень хорош и хромает лишь ритм, так как он не знал правил, а сочинял стихи тайно от всех, пася коров в *Montées* и декламируя. Он очень талантлив. Я хотела прислать стихи, да он не успел переписать. Вера становится с каждым днем симпатичнее и красивее. Козел и Лидюшка *sont des bébés*. <...> Платим за квартиру 55 фр. в месяц! и вся провизия дешева¹³².

О пребывании Ивановых в Аренцано мы знаем очень мало, поскольку между собою они, естественно, не переписывались, а внешняя корреспонденция была затруднена. Чтобы не выдать своего убежища, они получали ее через женеvский адрес отца Зиновьевой-Аннибал, чем он был недоволен, почему количество писем и сократилось очень резко. Правда, в Римском архиве Иванова сохранился довольно большой дневник Зиновьевой-Аннибал этого времени, но он требует освоения и осмысления.

Столь же мало мы знаем о пребывании недалеко от Неаполя по адресу: *Villa Faraone, Resina, Napoli*. Но сам Иванов там находится сравнительно недолгое время, жили преимущественно дети – сперва с матерью, потом с «девушками», летом 1899 года туда приехала М.М. Замятина. К этому времени относится любопытное письмо Иванова к старшим детям, которое частично процитируем, поскольку оно в какой-то степени отражает практический опыт самого Иванова по знакомству с окрестностями Неаполя. Написано письмо на православную Пасху 1899 года:

¹³² ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 337. Л. 3–4 об. Козел, Козлик – домашнее прозвище младшего сына Кости.

Жаль, что вы не делаете экскурсий. Напоминаю, что четверг – бесплатный день для посещения Помпей, по-итальянски Pompei (выговаривается: (Pompé-ї), куда поезд железной дороги из Портичи довозит в короткое время. Вход в развалины прямо перед станцией. Повторяю еще, что прогулка в Сорренто очень красива. До Castellamare – железная дорога, в Castellamare можно побывать в королевском парке Квисисана (Quisisana), дальше до Сорренто пешком или на извозчике. Обо всем – и о ценах – Сережа, если не поленился, найдет указания в Бэдекере. За Сорренто идет все время по берегу чудно живописная дорога, по которой можно прийти или приехать в экипаже в восхитительный по красоте местоположения город Амальфи, откуда не далеко уже до Салерно, соединенного с Портичи железной дорогой; но прогулка в Амальфи, как я уже рассказывал, потребовала бы не один день <...> В Помпеях лучше всего нанять *из служащих* гида, говорящего по-французски, и можно его попридерживать и попросить показать и открыть запертые дома, если он будет тороплив и небрежен¹³³.

Любопытен может быть и детский взгляд на неаполитанскую жизнь, представленный в небольшом дневничке С.К. Шварсалона, который он вел летом 1899 года на французском языке, но это все-таки относится к тем подробностям, которые здесь можно обойти.

В марте этого же 1899 года успешно заканчивается процесс о разводе Зиновьевой-Аннибал и тут же начинается новая тревога: как официально заключить новый брак (Иванову он был официально запрещен) и как крестить младшую дочку Лидию, которой было уже почти три года. До этого она могла быть записана в метрике дочерью или К.С. Шварсалона, или же – дочерью Зиновьевой-Аннибал от неизвестного отца, что, понятно, никак Ивановых не устраивало.

Выполнение первой части задания было сопряжено с различными трудностями. Сперва нужно было получить заграничный паспорт, в котором бы не значилось, что Иванову запрещен новый брак. Обошлось это, судя по всему, в гигантскую сумму – 500 рублей. Потом они стали искать священника, который бы посмотрел сквозь пальцы на формальности. Сперва им обещал помощь греческий священник в Лейпциге, потом – и тут мы снова вместе с супругами возвращаемся в Италию – они планировали обвенчаться в греческой церкви в Венеции. 14 июля Зиновьева-Аннибал писала отцу:

...мы, наконец, пробрались в Венецию, где очень надеемся, что наш брак состоится здесь в греческой церкви. Церковь <так!> эта очень почтенная, старинная и имеющая все права. Все бумаги, как мои, так и Вячеслава, были найдены консулом в порядке, но священник *требует непременно еще одной бумаги*, а именно: *удостоверения в том, что между мною и Вячеславом Ивановичем нет никакого родства*. И священник, и консул говорят, что такое удостоверение мог бы выдать ты, дорогой папочка¹³⁴.

Но по более внимательном рассмотрении документов консул затребовал разрешение на венчание, которого у них, естественно, не было. Лишь 1 августа из Неаполя она могла сообщить:

Только теперь удалось нам покончить все горькие испытания и получить благословение церкви нашему браку! Я не могла решиться писать тебе до этой минуты, когда всё окончилось, потому что до сих пор мы терпели

¹³³ РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 40. Л. 7 об.–8 об.

¹³⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 3. Л. 26 и об.

одни разочарования! В Венеции, где получила твою бумагу и твою добрую приписку, ничего не устроилось. В последнюю минуту консул помешал священнику венчать нас. Нам пришлось бежать и оттуда ни с чем. Наконец в Livorno мы нашли доброго, простого старичка священника, который пожалел нас и обвенчал в тамошней греческой церкви. Мы справили после того все бумаги и едва успели на пароход в Неаполь, чтобы посетить детей, брошенных уже с Марта месяца. Правда, что, если бы я была здорова, то подождала бы ехать домой, а раньше мы с Вячеславом проехали бы к тебе, как того очень желали, но беда в том, что я теперь не могу путешествовать и измучена до последней возможности тем, что мне пришлось так мучаться и так утомляться, а я уже в последнем месяце беременности. Поэтому надеюсь повидать тебя уже после разрешения, когда оправлюсь от болезни¹³⁵.

А Лидию крестили еще через полтора года, в Мюнхене, о чем Иванов извещал Замятинину:

Лидия крещена сегодня в греческой церкви после обедни. Была очень весела и мила во время длинного обряда, радовалась на купанье... Все произошло очень светло и радостно! Священник такой серьезный и симпатичный и усердный; церковь большая, XV-го века, готическая, отданная здешним правительством греческому культу. Обедня была довольно торжественная, с русским пением Херувимской, «Достойно» и Отче наш. Сегодня же я получил на квартире у архимандрита метрическое свидетельство, где Лидия названа просто моей дочерью, с умолчанием о матери¹³⁶.

Завершить этот небольшой обзор мы бы хотели фрагментами писем, уже бывших в печати, но, тем не менее, очень выразительно рисующих отношения Ивановых ко всему тому, что связывало их в эти ранние годы с Италией. В марте 1901 г. они из Женевы отправились в Грецию, избрав маршрут не через Марсель с короткой остановкой в Неаполе, как впоследствии возвращались, а решили плыть наиболее коротким путем, из Бриндизи. И с дороги Зиновьева-Аннибал писала Замятниной: «Мы остановились не только в той же гостинице, но в той же комнате, что и 6 лет тому назад. Мы были бесконечно счастливы, но вчера Вяч. на концерте Палестрины (где мы стояли) сломился и громко разрыдался, потом весь вечер рыдал дома, отказываясь от Греции, настаивая на том, чтобы ехать домой, желая лишь отречения в жизни. <...> Пришлось отложить ночной выезд: он был совсем болен. Едем завтра утром прямо в Бриндизи, не заезжая в Пестум. <...> Рим занимал и душу и тело до такого утомления, что становилось абсолютно невозможно не то что *сесть* за письмо, но *связать* логично две мысли»¹³⁷.

Рим, Флоренция, Фьезоле, Италия вообще отныне надолго становятся для Ивановых символом их трагической и счастливой встречи, совместных замыслов и свершений, жизненных неудач и в конце концов единственно верно найденного пути.

В п е р в ы е: «Le Musi inquietanti»: Per una storia dei rapporti Russo-Italiani nel secolo XVIII-XX / «Беспокойные музы»: К истории русско-итальянских отношений XVIII-XIX вв. / Сост. Антонелла д'Амелия. Salerno, 2011 IX / Collana di Europa Orientalis. 14/1. P. 189–198.

¹³⁵ Там же. Л. 28–29 об. Напомним, что из Неаполя Ивановы всей семьей перебрались в Англию, где родилась и вскоре умерла дочь Елена.

¹³⁶ РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 32. Л. 33 и об. Письмо от 16/3 декабря 1900 г.

¹³⁷ Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка 1894–1903. Т. 1. С. 715–716. Мы позволили себе соединить фрагменты из писем от 12 и 13 марта.

ФЛОРЕНЦИЯ В СУДЬБЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА И ЕГО БЛИЗКИХ

Внешняя сторона итальянских пребываний В.И. Иванова в настоящее время изучена основательно, хотя и не исчерпывающе¹³⁸. Первое из них, с 1892 по 1901 г. (с большими перерывами), документировано довольно хорошо¹³⁹. Второе, летом и осенью 1910 г., известно фактически по одному, хотя и весьма развернутому, письму самого Иванова¹⁴⁰. Менее всего документировано пребывание третье, с конца 1912 по август 1913 г., когда все с семейство Ивановых жило в Риме. Зато последние 25 лет жизни, проведенные в Италии, хорошо известны. Хотя публикации из Римского архива все время приоткрывают какие-то новые обстоятельства этого пребывания, все же главные вехи жизни Иванова этого времени вполне ясны как по воспоминаниям детей, так и по опубликованным материалам.

Список итальянских городов, где поэт побывал, велик, однако каждый из этих городов по-разному повлиял на его судьбу. Первенство здесь, конечно, принадлежит Риму, где Иванов подолгу жил на протяжении всех лет, проведенных в Италии. Но по справедливости второе место должно быть отведено Флоренции, где он провел не так много времени, но роль которой как в его собственной судьбе, так и в судьбе близких ему людей оказалась чрезвычайно значимой.

Хронология его флорентийской жизни восстанавливается с достаточной полнотой. Он с первой семьей приезжает в город около 20 августа 1894 г.¹⁴¹ из Рима через Ассизи, Перуджу, Сиену и Пизу, где живет сначала по адресу Via dei Russi 13, впоследствии – via degli Alfani 49. 10 января 1895 г. Иванов один, без жены и дочери, перебирается в Рим и возвращается во Флоренцию в начале апреля нового стиля. Там происходит объяснение по поводу начавшейся в Риме близости с Л.Д. Шварсалон, и 5 мая он вместе с семьей уезжает, проведя, таким образом, во Флоренции общим счетом около пяти месяцев. Второй визит состоялся осенью 1898 г., когда Иванов со второй женой, оставив детей в Аренцано под Генуей, путешествовали по Италии и, как отмечено в неопубликованном дневнике Л.Д.¹⁴², заезжали во Флоренцию. Долгим этот визит быть не мог, равно как и третий, продлившийся несколько дней в августе 1910 года: приехал Иванов во вторник 13-го во второй половине дня, на следующий день вечером к нему присоединилась падчерица В.К. Шварсалон, а уже 17-го они вместе отправились в Рим.

Его вторая жена, Л.Д. Шварсалон (именно эту фамилию она тогда носила), была связана с Флоренцией более длительным пребыванием. Зимой 1889/1890 года она с первым мужем жила там довольно продолжительное время, однако мы почти ничего об этом не знаем. Около 22 августа 1894 г. она приезжает с тремя детьми и двумя «девушками», А.Н. Шустовой (Анютой) и Е.С. Строгановой (Дуней), в Пезаро, намереваясь учиться пению. Вскорости у нее завязывается интенсивная переписка с уже жившим во Флоренции Ивановым. В конце сентября ее учительница уезжает на месяц во Флоренцию, и Шварсалон, попросив Иванова найти ей комнату, следует за ней. 30 сентября она переезжает из Пезаро во Флоренцию, где живет по адресу Viale Margherita 36. Дети временно остаются в Пезаро и воссоединяются с матерью, видимо, только в середине ноября. 11 марта 1895 г. Л.Д. в полночь приезжает в Рим, где проходит их

¹³⁸ Самый общий очерк см.: *Шушкин А.Б.* Вячеслав Иванов в Италии // Archivio italo-russo. Русско-итальянский архив / A cura de Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Trento, 1997. P. 503–562.

¹³⁹ Сводку материалов и библиографических сведений см. в нашей предыдущей главе.

¹⁴⁰ См.: *Богомолов Н.А.* Сопражение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 83–89.

¹⁴¹ Даты всюду даются по новому стилю.

¹⁴² Хранится в Римском архиве Вяч. Иванова.

с Ивановым «трехдневный брак»¹⁴³. 15 марта она возвращается во Флоренцию, где уже безвыездно, насколько мы знаем, живет до 18 мая. Вечером этого числа происходит землетрясение, и на следующий день Л.Д. с детьми и матерью уезжает из города.

По первой видимости, наше утверждение о высокой значимости Флоренции в жизни Иванова не подтверждается его собственным главным свидетельством: в «Автобиографическом письме» имя города ни разу не упоминается. Однако тому есть достаточно очевидное объяснение. Сам же Иванов в конце письма говорил: «...я не упоминаю некоторых важнейших для меня и дорогих имен <...> потому, что они связаны с внутренними событиями, говорить о которых здесь не место...»¹⁴⁴. Речь, конечно, должна идти не только об именах, но и о тех подробностях, которые казались Иванову неуместными для оглашения. Флоренция отсутствует в «Автобиографическом письме» именно потому, что разговор о ней увел бы весь текст в ту сторону, которая Иванову в тот момент и для той цели была не нужна.

Прежде всего, это связано с тем, что Флоренция представляла для Иванова в первую очередь эпоху Возрождения, а не античность, главную сферу его научных интересов. Если в Риме он прежде всего «посещал германский Археологический институт, участвовал вместе с его питомцами (“ragazzi Capitolini”) в обходах древностей, думал только о филологии и археологии и медленно перерабатывал заново, углублял и расширял свою диссертацию...»¹⁴⁵, то Флоренция для него – «город, который снова в такой сильной степени возбудил мою историческую фантазию и мое художественное чувство»¹⁴⁶, город Данте и Микеланджело.

Однако не менее, а то и более существенным для него было то нарастающее чувство, которое постепенно завладевало его душой. Собственных его свидетельств того времени мы не знаем. В письме к И.М. Гревсу от 6 ноября читаем: «О себе не могу сказать ничего определенного»¹⁴⁷. Потому приходится реконструировать его душевный строй того времени на основании свидетельств Л.Д. Шварсалон, свидетельств часто ненадежных, но единственных.

Уже по летней встрече в Риме она поняла, что они с Ивановым чрезвычайно друг другу понравились, а общее ее душевное состояние требовало немедленной и сильной любви, которая заставила бы забыть расставание с мужем, выматывающие посещения казенных инстанций, общение с юристами, неуверенность в собственном положении и пр.¹⁴⁸ Упования на творчество, видимо, сами по себе, вне одобрения от других, не оправдывались. И сохранившийся дневник, и письма показывают это состояние с предельной отчетливостью.

Еще 19 марта 1894 г. Л.Д. писала своей приятельнице А.Д. Четверухиной: «Что же касается меня, то все, что Вы писали о моей силе, о моем умении довольствоваться идеальной любовью, Боже, какою насмешкою казались мне эти речи при теперешнем моем настроении. Любви хочу я, ласки, тепла. Хочу быть первою для другого, который будет первым мне. Всё, всё брошу ради этой ласки и любви. Хочу прижаться к человеку и сказать: сними с меня тоску, эту безумную, гложущую тоску, которая терзает меня день и ночь. Хочу защиты его, хочу умереть, положив голову ему на плечо и заглянув в его глаза. Хочу отдать свободу, музыку, свой роман, всякое поползновение к тщеславию. Хочу быть невидной, тихой, глупой, скромной, хочу носить и кормить маленьких, глупеньких деток, хочу быть любимой, быть любимой. Всё, всё за одно слово любви, за один взгляд»¹⁴⁹.

¹⁴³ Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. 163. Далее ссылки на это издание даются в тексте с обозначением: Переписка (римскими цифрами обозначается том, арабскими – страницы).

¹⁴⁴ Иванов Вячеслав. Собр. соч. Брюссель, 1972. Т. II. С. 22.

¹⁴⁵ Там же. С. 19.

¹⁴⁶ История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова. М., 2006. С. 73. Письмо от 11/23 августа 1894 г.

¹⁴⁷ Там же, стр. 109.

¹⁴⁸ Подробнее об этом см. в нашей работе «История одного развода» – Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых. С. 120–142.

¹⁴⁹ РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 35. Л. 1 и об.

В первой же флорентийской дневниковой записи читаем: «Красота, искусство, спокойствие души в настоящем; слава, быть может, жизнь и опять-таки красота и искусство в близком будущем. Чего мне надо еще?» (Переписка. I, 93), но чуть далее: «Чего мне надо? Чего мне надо? Любви, ласки. Мне надо человека сильного, прекрасного душой, умного, доброго; мне надо, чтобы он любил меня, чтобы я могла быть ему первой и единственной, и тогда я желала бы только хоть изредка в тяжелую минуту прийти к нему и положить голову на его плечо, прижаться к нему и спрятаться от жизни и... отдохнуть тихо, молча и с любовью. Безумная, ненасытная душа человеческая. Не надо мне славы, не надо свободы. Любви хочу я, любви» (Переписка, I, 94). Стоит обратить внимание на почти буквальное повторение тех же формул, которые мы слышали ранее. Пребывание во Флоренции оживляет мечтания, уже долгое время владевшие душой. 26 сентября следует запись о переживаемом приступе отчаяния, потом следующие одна за другой записи от 6–8 октября фиксируют явную влюбленность Иванова, создающееся у Л.Д. ощущение власти над ним, которую она не решается пустить в ход, поскольку чувствует не полную уверенность в своих силах.

Очень характерно, что уже так рано в жизненные обстоятельства вмешивается искусство. В свой день рождения, 6 октября, Л.Д. встречается с Ивановым у себя дома и на следующий день записывает: «Мы читали роман. Сцены были хороши, я это чувствовала, и он тоже» (Переписка, I, 99). Мы не знаем, тот ли это роман, который потом долго, до самой смерти Л.Д. фигурирует под названием «Пламенники», но некоторые образцы претворения реальной действительности в квази-художественную форму также находим в дневнике. Судя по записям в том же дневнике и в публикуемых далее письмах, Иванову роман очень нравился, что придавало новые силы молодой женщине. Ее настроение того времени выразительно рисуют несколько писем, отправленных в Пезаро оставленным там «девушкам». Частично эти письма уже публиковались, однако имеет смысл привести их полностью.

31 <сентября> / 10 Окт<ября> <18>94 г.

Дорогие девочки, представьте, что с трудом нахожу возможность писать вам: вы удивитесь, но я расскажу вам, как провела эти дни, и вы увидите сами, что я не лжива и не забываю детей и вас ни одной минуты. Да и как бы это было возможно? Вот что: на прошлой неделе я перепела лишнее и очень испугалась, тотчас перестала петь дома и в Субботу не пошла на урок. Вместо урока пошла в музей с Ивановыми. Там мы провели часа три, осматривая чудные старинные картины, нарисованные на известке на стенах. Пообедали и тотчас поехали в монастырь, откуда я привезла ликер Нечаеву. Этот монастырь за городом. Там тоже много красивых икон, и самое здание старинное и такое красивое, а природа вокруг: чистый рай. Вернулись мы только вечером. Я пила с ними чай, а придя домой, просто упала в постель. Но беда в том, что я плохо сплю: очень плохо. Всё волнуюсь, и чтобы не исхудать и не ослабеть, я должна лежать каждый день часа два, хотя тоже не могу спать. На другой день, в Воскресенье, мы пошли вдвоем с Ивановым в галереи картинные, а если мы с ним туда попадем, то выберемся нескоро, потому что мы оба с ума по красоте сходим. Вечером надо было непременно кончить письмо Бордовским и приготовить пение к другому дню. В Понедельник так устала, что после обеда легла и до 5-ти пролежала, а потом пела, а потом пошла читать к Ивановым. А вчера ходила после обеда в Кашинэ. Был чудный день. Ходила вдвоем с Ивановым, так как его жена и Саша не могут ходить так далеко. Мы вышли в 3 часа, а вернулись в восьмом, и я ужасно устала. Спешила приготовить урок и лечь спать. Но спала плохо, потому что моя англичанка рядом всю ночь во сне громко пела. Утром я всегда встаю в 7 часов и тотчас пою до

самого урока почти. Сегодня после обеда пришла ко мне моя учительница и просидела долго. Она годами старше той, но на вид моложе, а глаза так и блестят. Меня очень беспокоит, что Влад<имир> Эдуард<ович>¹⁵⁰ ничего не отвечает, уж пора бы. С одной стороны боюсь, что он нездоров, с другой – не знаю, как поступать с отцом-патроном. Удивительно, как Саша Иванова ходит с нами по галереям, и не устает, и мало скучает. Бедная девочка такая одинокая. Она и Дария Михайл<овна> очень надеются, что вы все приедете, и я тоже страшно хотела бы. Через 10 дней всё решится. Хорошо пожили бы мы во Флоренции! Посылаю деньги. Кланяюсь хозяевам. Целую нежно. Саша очень благодарит Веру за вышивание, а я так рада была видеть, что моя дорогая девочка терпелива. Целую сто раз.

*Ваша Л.Ш.*¹⁵¹

12 Окт<ября> <18>94

Дорогие девочки и детки!

Как поживаете? Получаете ли мои письма? Не скучаете? Вы такие молодцы, все пишете, что не скучаете, но я не верю. Читаете ли? Нравится ли Гаршин? Работает ли Сережа новое ремесло? Надо очень беречь это занятие, так как оно очень дорого. Вышивание полезно для Верочки. Как она поживает? Не успела ли Дуня или Анюта сшить ее кукле платье и одеяла и простыни? Хорошо ли детки играют вместе? Дорого дала бы, чтобы взглянуть на них и на вас. Не очень пристают хозяева? Я пишу и им письмо, чтобы они не обижались. О себе все хорошее сообщить <так!>. Успехи делаю с каждым днем и разучила уже почти совсем две оперы. А теперь принялась за третью, в которой у меня главная и очень красивая роль¹⁵². Дела ужасно много, так что дни летят, как стрелы, и не видишь времени. Ем я плохо здесь и часто вспоминаю, как весело было у нас в кухне обедать с вами. Сплю я тоже очень мало, но вместе с тем, кажется, не хую и не слабую. Настроение довольно бодрое. По вечерам я часто бываю у Ивановых, и Вячеслав Иванович громко читает мой роман, который они оба очень хвалят. Кажется, я когда-нибудь буду знаменитой, но если бы меня любил тот, кого люблю я, мне было бы гораздо лучше, чем высшая слава. Спасибо вам, мои милые и дорогие и родные за вашу ласку в прошлом письме. Очень, очень благодарю вас за ту неоплатную услугу, которую вы оказываете мне.

Целую вас нежно, сестрички мои, поцелуйте деток, а я остаюсь всегда благодарной и сердечно преданной вам

Лидией Шварсалон.

Посылаю письмо Ольге Алекс. Только что получила письмо от Влад. Влад.: квартира сдана за 800 р.

Прошу прислать мне заказным письмом портреты Констант. Семен.¹⁵³

¹⁵⁰ В.Э. Гаген-Торн – чиновник Министерства народного просвещения, крестный по крайней мере одного из сыновей Шварсалонов. После разрыва супругов стал на сторону Л.Д. и по мере сил старался ей помочь.

¹⁵¹ РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 33. Л. 5–6. В счете дней при переводе старого стиля на новый Л.Д. постоянно допускала ошибки.

¹⁵² Из дневника мы знаем, что Л.Д. разучила дуэт Амнерис и Аиды из оперы Дж. Верди «Аида» и взялась за разучивание партии Кармен из оперы Ж. Бизе.

¹⁵³ Там же. Л. 1–2. Ольга Александровна и Владимир Владимирович – видимо, супруги Яковлевы, которым Л.Д. поручала

На следующий день после этого письма Иванов с Л.Д. отправляются (уже не в первый раз) в парк Кашине, где происходит очередная любовная сцена, выразительно описанная в дневнике. Вообще настроения дневника и публикуемых писем оказываются чрезвычайно близки, что явственно демонстрирует подлинность фиксируемых чувств, хотя подробности бывают и различны. Так, в письме говорится о том, что Иванов читает роман Л.Д., а в дневнике – о чтении Пушкина и связанных с этим беседах.

Понятно, что после таких событий Л.Д. должна была продлить пребывание во Флоренции рядом с Ивановыми. Из этого исходит третье сохранившееся письмо в Пезаро, написанное в волнении и после размышлений.

16/4 Окт<ября> <18>94 г.

Дорогие девочки, вот я пишу вам второе письмо, потому что первое я разорвала. Дело вот в чем, мои дорогие. Будьте умны и выслушайте меня спокойно. Моя учительница здешняя дает мне в день по полтора часа, и я делаю такие успехи, о которых в Пезаро и во сне не видала. Это меня и навело на мысль потолковать с Бокабадата¹⁵⁴ о том, что может ли она давать мне такие длинные уроки и ежедневно. Она на это сказала, что, быть может, она не успеет заниматься со мною более трех раз в неделю, но что окончательно решить ничего не может, пока не начнутся ее уроки в консерватории в Пезаро. Она может дать мне расширенный ответ лишь 10 Ноября, т.е. через 24 дня от сегодняшнего. Значит, еще 4 недели мне во всяком случае суждено прожить здесь. Затем не знаю, что будет: или я тотчас вернусь в Пезаро или останусь здесь еще месяца два или три, чтобы разучить все оперы по нотам, а потом вернусь в Пезаро уже после Рождества, чтобы повторять их с жестами и движениями, как на сцене. Для жестов и движений Боккабадата лучшая учительница, чем ее сестра. Не знаю, стоит ли тащить сюда вас всех на три месяца? Подумайте и вы об этом и посоветуйте мне. А я думала поступить вот как: если 10-ого окажется, что мне придется месяца три оставаться во Флоренции, то тебе, Аня, привезти Сережу ко мне и самой прожить здесь дня 3 или 4, чтобы повидать Флоренцию. Будем ходить повсюду. Потом ты вернешься, а Сергея я оставлю у себя. На Рождество же здешнее, т.е. около 1 Декабря, я приеду к Вам на несколько дней и возьму с собой Дуню во Флоренцию, чтобы осмотреть город. А затем через месяца 1 ½ вернусь к вам насовсем уже до театров. Если так Вам невмоготу тоскливо или если вы найдете какие-нибудь важные иные возражения, то напишите, и мы сговоримся и переедем после 10-го все во Флоренцию. Впрочем, помните, что еще не вполне решено, что я остаюсь здесь после 10-го. Девочки, не скучайте, помните, что теперь эта одна зима решает всю судьбу моей жизни. Или я заработаю себе славу, или меня ждет еще горькое разочарование, которое, быть может, не хватит сил моих пережить. Думайте и помогайте добрым советом, мои дорогие друзья. Я так соскучилась по вас, что размечталась было выписать тотчас Сережу с Аней, но разорвала письмо. Очень уж это неразумно было бы до 10-го. Милые, пошлите фотографии простым письмом: никто не польстится. Он написал мне письмо с угрозами. Пишу сегодня Влад. Эдуард., чтобы узнать, в чем дело. Прошу, если вы не распечатали «Русск<ое> Богатство», переписать адрес и без марки прислать их всех сюда. Если же

различные хозяйственные дела на время своего отсутствия в Петербурге. Константин Семенович – Шварсалон, ее муж (они официально развелись только в 1898 или 1899 г.).

¹⁵⁴ Вирджиния Боккабадати (1828–1922) – певица, у которой Л.Д. училась в Пезаро и Флоренции.

распечатали, то наклеить новую бандероль и попросить хозяев написать мой адрес. Фотографии хочет видеть Иванов. Ах, сколько я пою, если бы вы знали, и горло окрепло и почти не устает. Всё сделаю, что могу, чтобы устроить вашу жизнь как могу лучше, мои бесценные друзья. Я теперь стала какая-то счастливая! Целую вас нежно, крепко, сестрички и детки. Не плачьте. Не читайте слишком залпом. Я думаю нашить Сереже русск. костюмов больше.
Л. Шварсалон.

Адрес Гревса: *Rue Lauriston 104*. Попросите хозяев написать¹⁵⁵.

Видимо, в ближайшие дни после этого письма последовало и следующее, не датированное.

Дорогие девочки, спешу порадовать вас хорошими вестями. Ваши советы заставили меня задуматься, и я согласна с вашим мнением, и решусь привезти вас всех после 10-ого, если только придется остаться здесь более 2 месяцев. Очень вы меня радуете своими добрыми и умными письмами. Я как прочитаю ваше письмо, так несколько времени всё улыбаюсь. Вообще я много стала улыбаться, и у меня на душе бывает так хорошо, как никогда. Читаем с Ивановыми по вечерам мой роман. Многие места в нем всем очень нравятся, и я так хочу писать, что даже по ночам не сплю, а утром вскакиваю и пишу. Боюсь, что не потолстею от этого, но ничего, зато во всех делах своих лечу вперед. Отдохну потом.

Анюту могу порадовать. Васюня уже за 3 дня до начала занятий приехала. Комната девочек заново отделана. Очень уютно. У Васюне <так! > место у стены, есть шкапик и сундук у постеле <так!>.

Состав девочек хороший. Васюню все любят, и она развеселая.

У них нынче новый учитель вместо учительницы. Говорят, очень хороший. Девочки, напишите скорее Оле. Вы ее обижаете.

Целую вас нежно и дорогих деток. Молодцы, что работаете. Пусть непременно Сережа пошлет Оле лучшую раскрашенную картинку, а Вера – вышитую.

Вас любящий друг Л. Шварсалон.

Налейте уксусу в чернила. *Надо деньги?*¹⁵⁶

Нам трудно сказать, когда именно произошло воссоединение семьи под флорентийской крышей, – видимо, в первых числах ноября: краткий отчет об этом дан Л.Д. в письме к отцу от 24 октября / 6 ноября. Тогда же к ней присоединилась и мать. Но, судя по записям середины ноября, семейственные интересы оставались у Л.Д. явно на втором плане. Особенно, конечно, существен рассказ о признании Иванова в любви к ней и своем ответе: «Я отказалась от его чувства, я не хотела взять его, потому что оно недостаточно широко, сильно, величественно, лучезарно» (Переписка, I, 111).

После этого наступает некоторый перерыв в наших знаниях о жизни Иванова и Шварсалон: с середины ноября 1894 и до начала 1895 года ни писем, ни дневниковых записей не сохранилось. Но, как кажется, интонация, да и в известном смысле содержание, первого из известных нам римских писем Иванова заставляет предполагать, что его одиночный побег из Флоренции был попыткой все же сохранить семью. Начинает он его в тоне несколько ирони-

¹⁵⁵ Там же. Л. 3–4.

¹⁵⁶ Там же. Л. 7 и об. Васюня и Оля – также «девушки» Л.Д.

ческом, но в постскрипуме говорит: «...я напишу Вам, если совершится во мне или со мною что-нибудь важное и решительное...» (Переписка, I, 118).

Это «важное и решительное», несомненно, относится к сфере личных переживаний, и дожидаться разрешения пришлось почти две недели, после чего судьба их определилась. Несмотря на то, что произошло это в Риме, именно Флоренция воспринималась как неизбежная и необходимая прелюдия к совершившемуся. Это ощущение осталось у Ивановых на всю совместную жизнь. «Идеал Фьезоле», то есть «работать и любить издали» (Переписка, I, 480), существовал у них всю жизнь, проходившую раздельно. Флорентийский сон Л.Д. про судьбу Труда и Творчества также вспоминается в письмах, а места города, где они «ходили в Боболи, в Кашине, ссорились по Lungarno, трусили кошек на Independenza, сидели на скамеечке у Бастионов» (Переписка, I, 299), не просто остались в памяти, но и сделались символическими.

С предельной ясностью это подтверждается итальянским пребыванием Иванова и В.К. Шварсалон летом и осенью 1910 года. Они практически все сравнительно долгое время проводят в Риме, но встреча происходит во Флоренции. Вот как Иванов вспоминает ее главные моменты: «Сначала пошли в капеллу Медичи, где скульптуры М. Анджело, его “Ночь”. Потом в palazzo Riccardi, где она еще не была: я показал ей фрески Беноццо Гоццолли, и она была ими счастлива. Потом мы завтракали, ели мороженое, пошли на Ponte Vecchio и выбрали ожерелье из маленьких жемчужинок. Потом взяли веттуру и поехали на Viale dei Colli, а оттуда в Cascine. На нашем историческом местечке в конце Кашин было хорошо при луне, которая светила ясно через большие деревья над памятной скамеечкой и далеко серебрила Арно; было тепло, и таинственно-живо, и тосковало сердце. Наконец мы приехали в одну trattoria у Maria Novella и весело ужинали. В пятницу мы были в S. Miniato (см. “Кормчие Звезды” – “То был не сон...”)) и во Фьезоле (ibid., “Тризна Диониса”), в руинах театра»¹⁵⁷. Капелла Медичи, Кашине, Фьезоле уже встречались нам в цитированных документах, Viale dei Colli находится совсем рядом с садами Боболи и Бастионами, упоминаемыми Л.Д. Таким образом, краткое флорентийское пребывание 1910 года было своеобразным посвящением в новую жизнь двух людей, которой суждено было начаться после римского пребывания.

В п е р в ы е : Venok: Studia Slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / Ed. by Guido Carpi, Lazar Fleishman, Bianca Sulpasso. Stanford, 2012. Part 1. P. 279–289 / Stanford Slavic Studies, Vol. 40.

¹⁵⁷ Цит. по: Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых. С. 87, с исправлением неверного чтения. Сводку материалов и библиографических сведений см. в нашей предыдущей главе.

К БИОГРАФИИ Л.Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ

17 октября 1907 года в имении Загорье неподалеку от знаменитого местечка Любавичи скончалась Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал. Болезнь была внезапной и очень скоротечной. Еще 9 октября она пешком ходила в Любавичи, что было не так уж близко, на следующий день «себя чувствовала хорошо, настроенье было, если не ошибаюсь, светлое, веселое»¹⁵⁸, но в ночь с 10 на 11 октября началась болезнь. 11 октября был приглашен доктор из Любавичей, который и пользовал ее до самой кончины.

Документ, который мы публикуем, был составлен этим самым доктором, о котором мы имеем только самые общие данные, – Шур Григорий Исидорович, вольнопрактикующий врач¹⁵⁹. Вот как описывала его Вера Шварсалон: «Я ожидала любавического типа еврея с большой окладистой бородой, но он очень напомнил мне женеvского типа студента-еврея, но чистого, опрятного» (С. 251). Судя по ее записям, он имел хорошую репутацию, отчасти основанную на полученном за границей образовании. Она писала: «...отвезла доктора, кот<орый> мне рассказывал, где учился (в Берлине), и проекты на будущее поехать “pour Paris”» (С. 252). Следует отметить, что для него это были тяжелые дни, так как в округе распространилась эпидемия дифтерита, с которой ему приходилось бороться почти в одиночестве. «В извиненье ему можно сказать, что он был так измучен эпидемией в Любавичах, кот<орая> все расширялась, и где он был один, т.к. о земском докторе даже не говорили, такую он имел дурную репутацию» (С. 255). Возможно, ему следовало бы попросить помощи, к которой прибегли только в самую последнюю минуту, когда уже вряд ли можно было чем-либо помочь: «Маме все было хуже и хуже, и опять поднялся вопрос, поднятый уже несколько раз, о том, чтобы вызвать доктора из города. Но теперь сам Шур настаивал на этом и на спешке. Стали обсуждать, кого быстрее в эту глушь вызвать. Ш<ур> сильно предлагал известного доктора, живущего в Витебске. Он <был> изнурен и, приходя от Мамы, растягивался на постели, притом и он, и Вячеслав были как бы почти лишены возможности соображать и должны были каждую фразу повторить несколько раз, чтобы понять сами, что говорят, так они были истощены. Я соображала яснее всего. Решили вызвать доктора из Витебска. Составили ему телеграмму (говоря о “писательнице” или “жене литератора”, не помню). На следующий день должен был выехать за ним Парфен со своей тройкой» (С. 255–256). Да и приехал этот врач уже после кончины Зиновьевой-Аннибал.

Судя по всему, документ был составлен в самые первые дни после смерти, о которых Шварсалон вспоминала: «Тут дни у меня совершенно путаются, ряд дней прошел в таких хлопотах. Я была в Любавичах. Еврей лавочник, через которого нужно было посылать телеграммы,

¹⁵⁸ Наиболее подробным документом, рассказывающим о последних днях, болезни и смерти Зиновьевой-Аннибал, являются записи ее дочери Веры Константиновны Шварсалон (*Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009), на которые мы далее будем ссылаться только с указанием страниц непосредственно в тексте. В данном случае – с. 250.

¹⁵⁹ См.: <https://smolbattle.ru/threads.66160/> (дата обращения 10.04.2020; подписано: «Викторович»), со ссылкой на «Памятную книжку Могилевской губернии на 1907 год». Воспользуемся случаем привести из той же записи некоторые сведения о других людях, связанных со смертью Зиновьевой-Аннибал. Священник каменной церкви в Любавичах, отец которого приобщал перед смертью Зиновьеву-Аннибал, – Александр Иоаннович Бочковский, настоятель Любавичской Успенской православной церкви, окончил духовную семинарию (см.: *Памятные книжки Могилевской губернии на 1906–1916 гг.*). Другой священник, к которому обращались В.К. и С.К. Шварсалоны, – Иоанн Стратанович, настоятель Любавичской Николаевской православной церкви (благочинный 4 округа), окончил духовную семинарию (Там же). «Другой доктор», который был у Ивановых, тот самый земский врач, имевший дурную репутацию, упоминаемый ниже, – Александр-Игнатий Карлович Ростовский, коллежский советник, католик, сельский врач 2-го участка сельско-врачебной части Оршанского уезда, окончил университет, м. Любавичи (см.: *Памятные книжки Могилевской губернии на 1906–1911 гг.*). О дальнейшей судьбе доктора Шура мы знаем только то, что в ноябре 1914 г. он был доставлен в киевский лазарет из действующей армии (*Русское слово*. 1914. 12 ноября. № 261).

начал говорить, когда я хотела известить Сережу в условленном городе: “Что вы делаете? Он бросится под поезд!” Но я все-таки послала телеграмму, как мы решили с Вячеславом. Потом я была у доктора, сидела дожидаясь его, говорила со мной старушка кухарка. Я была в доктора чуть-чуть влюблена, и мне было отдохновительно сидеть у него. Хотя я страшно мучалась, особенно потом, что у меня могли быть такие чувства в такое время и что, м<ожет> б<ыть>, я из-за этого не уехала, когда Маме было бы гораздо спокойнее, если бы я уехала, т.к. она за меня очень беспокоилась и говорила: “Если Вера заболит, я этого не переживу”. У доктора лежала “Речь”, я помню, я подумала, что он трус, если не решается выписывать “Товарища”, сам же называет себя с.д. (впрочем, это все я думала, м<ожет> б<ыть>, в другой раз – раньше или позже). Доктор пришел, я просила его составить письмо Вячеславу, прося его быть осторожным и т.д., он целовал Маму, а меня мучило, что это очень опасно, т.к. в некоторых местах лицо и руки были как бы прожжены и ранки сочились. Он стал составлять письмо, но упомянул о “трупном яде”. Я стала его просить заменить каким-нибудь словом другим, и он не знал, как это сделать. В конце концов он, кажется, написал другое письмо, но я его, кажется, все-таки Вячеславу не показала» (С. 260).

В общем, насколько можно судить по записям, он произвел хорошее впечатление и на Иванова, и на его падчерицу, и даже на приехавшую для помощи Н.Г. Чулкову¹⁶⁰. Вот итоговая запись Шварсалон: «Мы поехали накануне с Сережей в Любавичи и зашли попрощаться с доктором, я его очень благодарила, и мне было жалко с ним расставаться. Он же, первое время говоривший (в первые легкие дни болезни) Вячеславу, что я “совершенный тип русской красоты”, теперь мне изменил в пользу Н.Г. и, кажется, говорил, что она “совершенный тип русской красоты”. Так что он не заметил мое прощанье и на следующий день жаловался, что мы с Н.Г. не прощаясь уехали» (С. 263).

На этом история взаимоотношений Ивановых с доктором Шуром закончилась, но документ, оставшийся в архиве, является небесполезным для биографов как Зиновьевой-Аннибал, так и Иванова. Так, он позволяет уточнить диагноз и отвергнуть иногда встречающиеся указания на то, что помимо скарлатинозной инфекции была еще и дифтеритная. К сожалению, мы не узнаем из него, действительно ли Зиновьева-Аннибал помогала крестьянам соседней деревни ухаживать за больными во время эпидемии, как об этом обычно пишут.

Очерк болезни Лидии Дмитриевны Ивановой (урожденной Зиновьевой-Аннибал)

1907 года Октября 17 дня в 10 ч. 17 м. вечера скончалась от скарлатины на восьмой день болезни в Имении «Загорье» при м. Любавичах Лидия Дмитриевна Иванова в возрасте 42-х лет.

Заболела Л.Д. в ночь с 10 на 11 октября тяжелой головной болью, высоким жаром, сильной повторной рвотой с поносом и чувствительностью при глотании.

На следующий день утром при наличии упомянутых симптомов можно было обнаружить на груди и на третий день уже на животе мелкую точечную красную сыпь на общем бледно-розовом фоне.

В следующие дни болезни сыпь, делаясь ярче, высыпала на конечности и, занимая постепенно все тело, приняла геморрагический характер с оттенком синеватости. Высыпание сопровождалось небольшим зудом, который по мере появления шелушения на лице и груди (4-ый день болезни) усиливался.

¹⁶⁰ Чулкова имела опыт медицинской работы. См. в записях В. Шварсалон: «Н.Г. вышколивала доктора, научила его надеть передник...» (С. 254).

Вместе с появлением сыпи усилилась лихорадка. Температура с 38,5 ° начала повышаться до 40,9 °, делая по временам незначительные ремиссии. Самая низкая наблюдаемая за все время болезни температура достигала 39,3°.

При осмотре зева можно было обнаружить разлитую красноту на мягком небе и миндалинах, а также и легкую припухлость их (скарлатинозная жаба) и мелкоточечную сыпь на языке. —

Больная при этом жаловалась на невыносимые боли в глотке, в особенности при глотании.

Интенсивность и характер жабы усиливались, переходя из катаральной формы в дифтерическую и в последние дни болезни до степени дифтерического некроза. Процесс этот не ограничивался локализацией на миндалинах и мягком небе и, распространяясь вверх по носоглоточному пространству, занял носовую полость, приняв форму нагноения, на что указывала гнойная течь из носа. —

Одновременно с развитием тяжелого процесса в зеве и носовой полости обнаружилась припухлость шейных лимфатических желез (Инфильтрация). —

Язык, в первые дни болезни сухой и густо обложенный, начал на 4-ый день очищаться с кончика и краев, приняв интенсивно красный цвет.

Общее состояние больной, в начале более удовлетворительное, с 3-его дня стало заметно ухудшаться. Лихорадочное состояние, длившееся все время болезни, сопровождалось сильным бредом и бурными явлениями со стороны нервной системы. Больная проводила день и ночь беспокойно, сделалась раздражительной, бредила (по временам, однако, находилась при сознании), металась, принимая всевозможные позы в кровати.

Пульс в течение почти всего периода болезни скорый, но равномерный, за два дня до смерти вследствие утомления сердечной деятельности сделался малым и редким, а за несколько часов до смерти аритмическим.

Быстро последовало похолодание конечностей и, наконец, смерть. —

Лечение было начато со слабительной дозы каломеля по (0,25) через 3 часа по 1 порошку в течение всего второго дня (показанием к тому служили гастрические явления: рвота, понос и чувствительность в области желудка и слепой кишки). Для понижения температуры и прямого влияния на нервную систему больная принимала жаропонижающие средства (antipirin, phenacetin, antifebrin, pyramidon), а позднее в течение последних дней болезни были сделаны завертывания в мокрые простыни из комнатной воды. —

На третий день болезни при появлении грязновато-сероватого налета на миндалинах больной была привита противодифтеритная сыворотка (в видах предохранительного лечения), так как в м. Любавичах и его окрестностях еще до заболевания, как равно и во время болезни Л.Д. свирепствовала кроме скарлатинозной и дифтеритная эпидемия.

При наступлении бурных нервных явлений больная получала как успокаивающие средства Chloralhydrat с Morphin, вызывавшие легкий сон. —

Впоследствии при ослаблении сердечной деятельности и слабом пульсе были ей даны возбуждающие средства внутрь: Tinctura Valerianae с Tinctura Camphorae. Coffein и вино и под кожу Camphora. Вследствие сильного воспаления зева и появления дифтеритического налета кроме полосканий и шприцеваний <так!> в носовую полость раствором борной кислоты были применены паровые ингаляции растворами соды и известковой воды.

Смазывания зева 3% раствором ляписа и наружные втирания шеи в области миндалин ихтиоловой мазью предпринимались 2 раза в день.

Диета: преимущественно молочная. Больная получала молоко, слабый кофе и какао. —

Антонелле д'Amelia / A cura di Christiano Diddi e Daniela Rizzi. Salerno, 2014 /
Collana di Europa Orientalis. С. 341–435.

ДВА АЛЬБОМНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯ ВЯЧ. ИВАНОВА

Певица Ольга Николаевна Бутомо-Назанова (1888–1960) известна своими контактами с литературой 1910–1920-х. Самое знаменитое стихотворение, вдохновленное ее пением и личностью, – «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» О.Э. Мандельштама. «Среди общих музыкальных воспоминаний, связывавших Ахматову с Мандельштамом, одно прямо отразилось в мандельштамовском стихотворении. В “Листках из дневника” Ахматова пишет: “Был со мной Осип Эмильевич и на концерте Бутомо-Назановой в консерватории, когда она пела Шуберта”. Вскоре Мандельштам написал стихотворение, где ситуация концерта прямо введена в лирический сюжет (в предшествующих «музыкальных» стихах Мандельштама о Бахе и Бетховене она только подразумевается):

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа,
Нам пели Шуберта – родная колыбель,
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель...»¹⁶¹

Те же авторы добавляют и второе известное стихотворение – Федора Сологуба: «С О.Н. Бутомо-Назановой Ахматова неоднократно встречалась в 1917–1918 годах в доме у Ф. Сологуба, который посвятил певице вдохновенный мадригал:

О, если б в наши дни гоненья,
Во дни запечатленных слов
Мы не имели песнопенья
И мусийских голосов,

Как мы могли бы эту муку
Безумной жизни перенести!
Но звону струн, но песен звуку
Еще простор и воля есть.

О вдохновенная певица!
Зажги огни и сладко пой,
Чтоб песня реяла, как птица,
Над очарованной толпой.

А я запомню звук звенящий,
Огонь ланит, и гордый взор,
И песенный размах, манящий
На русский сладостный простор!»¹⁶²

Комментируя фрагмент письма Ю.Н. Верховского к Г.И. Чулкову, еще один факт, связывающий упомянутых людей воедино, сообщает известный автор «Живого журнала», пользуясь

¹⁶¹ Кац Б., Тименчик Р. Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989. С.25–26.

¹⁶² Там же. С. 26–27. Стихотворение Сологуба впервые напечатано: Творчество. 1919. № 4. С. 4, под заглавием «О.Н. Бутомо-Назановой», вошло в книгу «Костер дорожный» под измененным названием «Певице» и с посвящением Бутомо-Назановой.

щийся подписью Lucas-van-Leyden: «По всей вероятности, это камерная певица Ольга Николаевна Бутомо-Назанова (1888–1960) и ее муж инженер Михаил Кондратьевич Назанов (1872–1934). Верховский мог с ним познакомиться либо благодаря Сабашникову (Назанов был его приятелем), либо через Сологуба, но неминуема была их встреча весной 1918 г.; ср. в письме Ал. Н. Чеботаревской к А. Д. Скалдину: “Приезжайте ко мне сегодня на чашку чая к 8-9 веч. Будут Сологубы, Назановы, Верховский, Ахматова, Каратыгин” (РГАЛИ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 15). Письмо датировано “пятница, 26”; на конверте помета – “весна 1918”; если считать, что Чеботаревская перешла на новый стиль, то это – апрель. В летописях остальных знаменитостей это чаепитие, кажется, не упоминается»¹⁶³.

Таким образом, в поле нашего зрения попадают еще два поэта, и у них обнаруживаются стихи, посвященные певице. Юрий Верховский успел свое опубликовать при жизни¹⁶⁴, а два стихотворения Г.И. Чулкова были напечатаны много лет спустя после его смерти¹⁶⁵. В киевский период жизни певицы с ней общался Бенедикт Лившиц и оставил стихи, с нею связанные¹⁶⁶. Что же привлекало поэтов к личности и творчеству О.Н. Бутомо-Назановой?

Она родилась 14 (26) октября 1888 в Быхове (ныне Могилевской области в Белоруссии), в 1915 окончила Петербургскую консерваторию по классу известной певицы Н.А. Ирецкой. Концертную деятельность начала в 1916 в Петрограде. Была замужем за известным инженером М.К. Назановым (арестовывался по Таганцевскому делу); их сын Михаил Михайлович (1914–1964) – актер, долгое время был вынужден работать в лагерном театре. В 1919 Бутомо-Назанова переехала в Киев (о чем см. ниже), где жила довольно широко, держала салон. В 1921 переехала в Москву и там к середине 1920-х годов, которые нас будут далее интересовать, приобрела широкую артистическую известность. Скончалась, по данным «Музыкальной энциклопедии», 1 июня 1960, однако на плите в колумбарии Новодевичьего кладбища стоит иная дата смерти – 11 мая 1960¹⁶⁷.

Объяснение ее популярности у поэтов, как кажется, можно найти без труда. В журнале «Зрелища», где помещались анонсы ее выступлений, им предшествовала «Справка»: «О.Н. Бутомо-Назанова окончила Петербургскую Консерваторию по кл<ассу> Ирецкой. Посвятила себя исключительно камерному пению. Ее вечера песен всегда посвящены определенному автору или направлению. В Москве выступает с 1917 г.»¹⁶⁸. При этом речь шла не только о том или ином композиторе, но и о поэтах, на чьи стихи писалась музыка. Так, на вечере Римского-Корсакова 30 марта 1923 г. порядок представления номеров был таким: «Майков, Ал. Толстой, Мей, Лермонтов, Пушкин» (названия романсов опускаем). Таким образом, роль поэтического материала в камерном пении особо подчеркивалась, и стихотворцы не могли этого не чувствовать.

¹⁶³ «Маргиналии собирателя: Юрий Верховский» // <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/222540.html>. Ныне интернет-подпись раскрыта; автором сообщения является А.Л. Соболев.

¹⁶⁴ Речь идет о стихотворении «За грезой ангельских напевов...» (*Верховский Юрий*. Солнце в заточении. Пг., 1922. С. 36, с посвящением «О.Н. Бутомо-Назановой»). Ныне перепеч.: *Верховский Юрий*. Струны: Собрание сочинений. М., 2008. С. 328.

¹⁶⁵ Стихотворение «И в шуме света, в блеске бала...» см.: *Чулков Георгий*. Тайная свобода: Стихотворения из неизданных книг (1920–1938). М., 2005. С. 34, с посвящением; стихотворение «Ни Глинка царственный, певец России...» по автографу (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 35) опубликовано в составе статьи: *Сугай Л.А.* Георгий Чулков и его поэма «Русь» // Вестник славянских культур. М., 2000. Вып. 1. С. 67–72. Поскольку оба издания труднодоступны (первое вообще не поступало в продажу), тексты даем в приложении.

¹⁶⁶ Вдова поэта предполагала, что именно ее пение послужило толчком к созданию стихотворения «Нет, ты не младшая сестра...» (*Лившиц Бенедикт*. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989. С. 125, 581). Частично сохранившийся в ее памяти текст стихотворения, связанного с событиями в доме певицы, см.: *Успенский Павел*. Неизданные шуточные стихи Бенедикта Лившица // Вопросы литературы. 2010, № 5. С. 503–504.

¹⁶⁷ http://novodevichiyecropol.narod.ru/ko/nazvanov_mk.htm (дата обращения 10.04.2020).

¹⁶⁸ Зрелища. 1923. № 30. С. 37. Объявление о вечере романсов Римского-Корсакова. Аналогичная справка предшествует программе концерта из романсов Балакирева и Бородина (Зрелища. 1923. № 31–32. Экстренный номер. С. 14). Приносим благодарность Е. Закрыжевской за помощь в поиске.

Удачными были концерты певицы или нет – об этом шли споры. Так, скрывшийся под псевдонимом автор говорил: «Состоявшийся 9 декабря вечер песен Бутомо-Названовой и Яворского (ф.-п.) был целиком посвящен произведениям Даргомыжского. <...>

Надо обладать громадными художественными ресурсами, чтобы удачно выполнить столь разнородную по характеру программу. Достаточно было послушать, с какой художественной обдуманностью, с каким бесконечным разнообразием в оттенках произносилось каждое слово, каждый звук в отдельности, чтобы признать, какую выдающуюся камерную певицу мы имеем в лице Бутомо-Названовой. Последнее видно и из того, что на настойчивые требования публики исполнительница повторила “И скучно, и грустно”, – уже совсем по-другому, но так же хорошо, как и в первый раз. Какой диапазон настроений и воплощений у талантливой певицы, какие поразительные контрасты <...>»¹⁶⁹

Б.А. Кац и Р.Д. Тименчик ссылаются на мнение петроградских авторов: «Эту певицу, по словам Н.М. Стрельникова, отличали “чуткость ко всему художественно-прекрасному, культурный вкус и, наконец, та степень художественного интеллекта, что столь необходима для камерного исполнителя. Как сейсмограф, отмечает это чутье самые отдаленные колебания настроений передаваемого автора. Редко у кого вы ощутите столь непосредственно-заметно чисто физическую, весовую значимость произносимого ею слова и постигнете скрытый зачастую смысл воспроизводимой ею пьесы, – смысл, всегда подкупающе ярко освещаемый ею изнутри светом художественного ее сознания”. “Талантливой, ярко-темпераментной” аттестовал ее В.Г. Каратыгин»¹⁷⁰.

Однако присяжный критик московских «Зрелищ», композитор и филолог С.А. Бугославский был иного мнения. В отзыве о концертах вокальной музыки в 1923 году он писал (поставив при этом Бутомо-Названову на первое место!): «Певица посвятила себя исключительно камерному пению. У нее богатый репертуар романсов русских авторов. Однако ее искусство пения *менее всего камерное: все черты оперной ариозной трактовки.*

Голос О.Н. Бутомо-Названовой властвует над ней: чтобы выявить богатые ресурсы своего звучного нижнего регистра, певица жертвует часто и музыкальной фразировкой, и декламацией, а иногда и правильностью ударений (главным образом логических).

Она культивирует чистый звук, любит его им. Манера исполнения *ариозная*, декламационные места звучат как оперный речитатив, с очень обобщенными нюансами и не всегда отчетливой дикцией. Эмоциональная сторона исполнения подавлена. Лучшее – эпические моменты и то, что приближается к песне, к арии»¹⁷¹.

Годом позже он продолжал: «Вокальные ресурсы и музыкальная интерпретация находятся у Бутомо-Названовой в резком противоречии. При несомненной культурности, развитом музыкальном вкусе, внимании к декламации, артистка не достигает желаемой выразительности. Этому мешает ее вокальный материал и его использование.

В голосе певицы три резко различных по тембру регистра: сгущенный низкий, тусклый и слабый средний и звучный верхний, и последний кажется самым подлинным, естественным у артистки. Каждый романс непрерывно разрезается этими тремя тембрами, в то же время тремя различными динамическими звучностями»¹⁷².

Вряд ли нам удастся понять, кто именно был прав, поскольку мы можем опираться исключительно на печатные материалы. Но, кажется, никто из писавших о Бутомо-Названовой не отрицал ее высокой культурности, пристрастия к русской поэзии, сочетавшегося с умением представлять публике песни на других языках. Ср. ее характеристику в воспоминаниях

¹⁶⁹ *Тристан*. Вечер песен Бутомо-Названовой // Театр и музыка. 1922. № 12. С. 307.

¹⁷⁰ Кац Б., Тименчик Р. Ахматова и музыка. С. 26. Авторы ссылаются на статьи: *Стрельников Н.* Музыка в Доме искусств // Дом искусств. 1921. № 2. С. 110; *Каратыгин В.Г.* // Жизнь искусства. 1924. № 26. С. 19.

¹⁷¹ *Бугославский С.* Вечера камерного пения // Зрелища. 1923. № 35. С. 12.

¹⁷² *Бугославский С.* Певица Бутомо-Названова // Зрелища. 1924. № 76. С. 7.

З.Н. Пастернак: «Это была женщина со всесторонними интересами, она увлекалась стихами, хорошо знала литературу и любила собирать у себя знаменитостей из артистической среды»¹⁷³. Помимо того, важны были и некоторые особенности ее творческого поведения, о которых скажем ниже.

Обо всем вышесказанном свидетельствуют не только те стихотворения, на которые мы уже ссылались, но и еще одна группа материалов, сохранившаяся в довольно неожиданном месте.

В одной из записных книжек С.Н. Дурылина находим запись: «Тут стихи Сологуба, Г. Чулкова, Вяч. Иванова, Верховского, списанные мною из альбома О.Н. Бутомо-Назановой в 1925 году. Альбом впоследствии был у нее украден»¹⁷⁴. И далее следуют небрежно записанные, но все же читающиеся девять стихотворений названных авторов. Среди них два принадлежат Г.И. Чулкову и одно Ф. Сологубу, о которых мы говорили выше, три – Ю.Н. Верховскому, два – Вячеславу Иванову и одно – самому Дурылину¹⁷⁵.

Прежде чем перейти к заявленной теме, скажем о тех стихотворениях, о которых не имели повода поговорить до сих пор. Прежде всего отметим, что «За грезой ангельских напевов...» Верховского в альбоме было датировано «Петербург. XII.17 – Томск. 3/16.X.919» (л. 10).

За ним следовало еще одно послание Верховского, связанное с отъездом Бутомо-Назановой в Киев (л. 10 об.):

Мне так не говорит ничто родное,
Как эти песни вечные Москвы.
Вы здесь еще. Но в этом вешем строе
Так долго нам не запоете Вы.

Вас не могу веселыми стихами
Напутствовать на благодатный юг.
Обыкновеннейшая из разлук –
А сердце заливается слезами.

12/25/VII.919

После стихотворения Дурылина записан сонет Верховского (л. 11об.):

Альбом честят гробницей и кладбищем
За Байроном родные два певца.
Нет, как в игре любимого лица,
В нем до сих пор мы силы жизни ищем.

И где порой малейшие черты
Прекрасного, великого былого
Для нас хранит изысканное слово,
Там жив огонь нетленной красоты.

И, может быть, в тревоге ежедневной

¹⁷³ Пастернак Б. Второе рождение; Письма к З.Н. Пастернак; *Пастернак З.Н.* Воспоминания. М., 2010. С. 250.

¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 10. Далее цитаты из записной книжки Дурылина приводятся по этой единице хранения с указанием листов непосредственно в тексте.

¹⁷⁵ Ввиду неразборчивости почерка нам не удалось сколько-нибудь ответственно восстановить текст этого стихотворения (л. 11). Оставляем эту работу будущим исследователям поэтического творчества С.Н. Дурылина.

Альбомные листы – вот эти, тут, –
Случайно и таинственно найдут

Единый звук такой мечты душевной,
Которая, века веков жива,
Стирает все надгробные слова.

21.XII.917

В первых двух строках данного сонета имеются в виду стихотворения М.Ю. Лермонтова «В альбом (Из Байрона)» (1836) и Е.А. Баратынского «Альбом, заметить не грешно, / Весьма походит на кладбище» (до 1829)¹⁷⁶. Ср. также: «Поэт наш прав: альбом – кладбище...» (В.А. Жуковский, 1831). Стихотворение Жуковского связано, как и стихотворение Баратынского, с альбомом К.К. Яниш (Павловой). Полностью оно было опубликовано лишь в 1940, но первые 4 строки – еще в 1887, так что Верховский вполне мог их знать. Лермонтов как один из двух певцов, несомненен, однако кто второй – вряд ли можно сказать однозначно. Скорее, конечно, Баратынский, но не исключен и Жуковский.

Вслед за этим следуют два небольших стихотворения Вяч. Иванова (л. 12 и 13):

Б. Н-й

Подвластна Вам звучащая стихия,
Владеет нами Ваш восторг напевный.
Расплещется, как лебедь, в нем Россия –
И обернется сказочной царевной.

25 июля 1924

Москва

Вячеслав Иванов

Б. Н-ой

О древе кипарисном и кринице
Вы пели: мнилось, в пламени глухом
Кружился Дух, подобный голубице
Над кораблем, –

Каким сквозь облака томлений
Его и видит, и зовет,
Сходящего на лоно темных вод
Восторг заповедных радений.

14 июля 1924

Москва

Вячеслав Иванов

Следом записаны уже упомянутые выше стихотворения Чулкова («И в шуме света, в блеске зала...»), Сологуба¹⁷⁷ и второе стихотворение Чулкова. На этом выписки из альбома заканчиваются.

¹⁷⁶ Мы ссылаемся на первую публикацию (Галатея. 1829. Ч. I).

¹⁷⁷ Датировано: 3 мая 1918. Отметим, что составителям библиографии стихотворений Сологуба дата осталась неизвестной

Добавим несколько комментирующих пояснений, прежде чем перейти к текстам Вяч. Иванова.

Прежде всего, они существенны тем, что относятся ко времени, когда Иванов писал очень мало стихов. Напомним констатацию исследователя: «...общим местом разговора о Вячеславе Иванове принято утверждение, что между недописанным сонетом из глубины 1920 года и “Римскими сонетами” пролегло молчание <...> Вообще говоря, это похоже на правду, но все же – неправда. Стихов в двадцатые и тридцатые годы было мало, однако между этими немногими – произведения из числа важнейших и лучших во всем наследии Вячеслава Иванова (например, “Палинодия”, “Собаки”). А для создания целостной картины ивановского творчества необходимо учесть все немногое, что было создано, независимо от оценки качества»¹⁷⁸.

О роли стихотворений на случай у Вяч. Иванова мы уже имели возможность сказать (см. следующую главу нашей книги). Здесь добавим только то, что у него такого рода сочинения очевидно связывались с традицией как западной, так и русской поэзии XVIII – первой половины XIX века¹⁷⁹.

В самом конце мая 1924 г. Иванов приехал из Баку, где провел три с лишним года, в Москву, и не случайно в датах он подчеркивает, что стихи возникли в Москве. Не боясь ошибиться, можно предполагать, что непосредственным поводом для написания стихов было то, что Бутомо-Названова часто пела романсы А.Т. Гречанинова, среди которых наверняка были и написанные на тексты Вяч. Иванова.

В первой строке второго стихотворения упоминаются два романа из триптиха Гречанинова «У криницы» – «Под деревом кипарисным» и «У криницы»¹⁸⁰, написанные в 1915 году. Нам удалось разыскать лишь объявление начала 1924 г.: «10 и 24 февраля в Бетховенском зале <Большого театра> состоятся два вечера песни О. Бутомо-Названовой, при участии проф. Ф.М. Блуменфельда и Б.Л. Яворского. В программе Танеев, Гречанинов, Рахманинов и Бородин»¹⁸¹. Однако, конечно, не исключено, что Иванов имел возможность послушать названные романсы в концерте, оставшемся нам неизвестным, или же в домашнем исполнении (например, в доме Г.И. Чулкова).

Две последних строки первого стихотворения отсылают к «Сказке о царе Салтане...» Пушкина. Видимо, Иванов расчетливо убрал родовую определенность слова «лебедь», чтобы избежать излишней архаизации (у Пушкина, напомним, оно женского рода). Во втором же следует отметить образность, связанную с хлыстовством. Конечно, у Иванова корабль – реальный, но в то же время это и название хлыстовской общины, над которой кружит Дух, готовый вселиться в кого-то из участников, приведя к восторгу откровения, а в высшей стадии – к изрекаемому пророчеству¹⁸². Но здесь мы обязаны вспомнить, что «восторг» – одно из ключевых

(см.: Библиография Федора Сологуба: Стихотворения / Сост. Т.В. Мисникевич; под ред. М.М. Павловой. Томск; М., 2004. С. 92). Впрочем, здесь это может быть дата записи в альбом, а не дата написания.

¹⁷⁸ Котрелев Н.В. Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 179–180.

¹⁷⁹ Библиографию см.: Katalog der Gelegenheitsdichtung im Russischen Reich, 1709-1819 / Hrsg. Von Britta Holz und Ulrike Jekutsch. Каталог поэзии по случаю в Российском государстве, 1709-1819 / Сост. Бритта Хольц и Ульрике Екуч. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. Ср. также рец.: Данилевский Р.Ю. Каталог русской окказиональной поэзии // Русская литература. 2017. № 2. С. 223–224.

¹⁸⁰ Подробнее об этих произведениях и об отношениях поэта с композитором см.: Поэзия Вячеслава Иванова в русской музыке: Нотографический справочник прижизненных публикаций 1913–1948 / Сост. П.В. Дмитриев. СПб., 2013. С. 10–12, 40–42. Принимая во внимание условия времени, следовало бы отметить также книгу: Гречанинов А. У Криницы. Триптих для пения соло с аккомпанементом фортепьяно. Текст Вячеслава Иванова. [М.], октябрь 1920. 6 стр. нотной бумаги заключено в папку меловой бумаги; надпись на папке сделана не автором, а Книжной Лавкой Писателей. Ц. 15 000 р. (Богомолов Н.А., Шумихин С.В. Книжная лавка писателей и автографические издания 1919–1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 113).

¹⁸¹ Зрелища. 1924, № 72. С. 16.

¹⁸² Компактное описание хлыстовских радений см.: Эткинд Александр. Хлыст: секты, литература и революция. М., 1998.

слов и первого стихотворения, только там он содержится прежде всего в самом пении, а во втором – в особом восприятии слушателей, которое, видимо, можно приравнять к религиозному экстазу, одному из результатов хлыстовских радений.

Таким образом, смысл двух кратких альбомных стихотворений углубляется и усложняется. Прежде всего заметим, что стихотворения связаны с пением стихов (музыка лишь подразумевается, но никак не определяется) самого их автора – Вячеслава Иванова, то есть, во-первых, певица и поэт оказываются объединены текстом, а во-вторых – этот текст порождает как в пении, так и в восприятии аудитории глубокие мистические переживания, в результате которых должно возникнуть (или, по крайней мере, возможно) пророчество о судьбе России.

Собственно говоря, это пророчество тут же и произносится, только смысл его прикровенен. Ключ к нему, как кажется, – текст пушкинской сказки, и не в одном только эпизоде превращения лебеди в прекрасную царевну, но и во всем сюжете и его ключевых элементах. Напомним, что князь Гвидон получает свои награды за спасение лебеди от злого коршуна:

Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела –
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит...¹⁸³

То есть для того, чтобы царевне обрести свой истинный облик, нужно победить коршуна, а для этого получить помощь от будущего Гвидона, который еще не имеет имени (в результате этой помощи царевич претерпевает немалые лишения: «...за меня / Есть не будешь ты три дня» и только что сделанная «стрела пропала в море»; напомним к слову, что для изготовления оружия он использовал «со креста снурок шелковый»). После этого Гвидон несколько раз (тайком на купеческом корабле – еще один подтекст ивановского корабля) посещает царство отца, понимает зловещую роль теток, и они в конце получают милосердное наказание от царя Салтана.

Мистическая Россия прямо отождествлена Ивановым с пушкинской лебедью, которая должна стать сказочной царевной, но для этого ей предстоит одолеть кровавого коршуна. Поскольку чудесный помощник тут не упомянут, то, видимо, он и не предполагается обязательным. Обязателен же «восторг напевный», то есть искусство, в которое входят и пение, и стихи «О древе кипарисном и кринице».

И в этом смысле стихотворения Иванова продлевают, а отчасти и завершают линию, первоначально проведенную стихами Сологуба, начинающимися описанием «безумной жизни»

С. 39–49. Концепция автора об отношении Иванова к хлыстовству – Там же. С. 219–231.

¹⁸³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 3, кн. 1. С. 510–511.

первых пореволюционных месяцев и продолженную стихами Чулкова, очевидно исходящими из блоковских тем. И вряд ли случайно Иванов, как и Чулков, произносит заповедное имя «Россия», не рекомендуемое официальной пропагандой после появления Советского Союза ¹⁸⁴.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ Г.И. ЧУЛКОВА

* * *

О.Н. Бутомо-Названовой

И в шуме света, в блеске бала.
При плясках радостной толпы,
И где-нибудь с котомкой малой,
В пыли проторенной тропы –

Везде ты – Русь, везде – подруга
Мятежных далей и степей...
Не бойся страстного недуга.
Из чаши вольности испей –

И поклонись святым просторам...
И мы поклонимся тебе.
Твоим улыбка, песням, взорам,
Твоей таинственной судьбе.

Декабрь. 1922.

* * *

Ни Глинка царственный, певец России,
Ни Мусоргский, беспутный гений наш –
В тебе одной – душа родной стихии,
В тебе звучат поля мои глухие –
Ты запоешь – и сердцу счастье дашь. .

Но счастье странное! Так хрупко-больно
Я песню чувствую – как во хмелю...
В тоске по жизни дерзостной и вольной,
Тебя, прекрасная, как Русь, люблю.

¹⁸⁴ График распределения слова «Россия» по годам в национальном корпусе русского языка показывает постоянное снижение его частотности от 1920 до конца 1930-х годов.

Октябрь 1923. Гаспра.

В п е р в ы е: Русская литература. 2018. № 1. С. 216–224.

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ НА СЛУЧАЙ

В 2001 году было опубликовано небольшое стихотворение Вяч. Иванова, записанное в одной из его рукописных тетрадей почерком В.М. Зуммера¹⁸⁵. Приведем его текст:

Вл. Вл. РУСЛОВУ

Неведомый собрат, сочувственник смиренный,
На дар нечаянный приязни сокровенной
Как умиленному достойно отвечать?
Заветный переплет раскрою и печать
Античного резца возму в сургуч кипучий –
И вспомню Ваш привет, и Вас приведший случай,
Когда в толпе родной и чуждой мне Москвы
Мимоидущего напутствовали Вы,
За кем в его пути крайном, особливом
Следили издавна с участием стыдливым.
Раскрою переплет – и позову мечту,
Но Ваш *elogium* не часто перечту:
Тогда лишь, как в тоске пустынного боренья
Смущенною душой возжажду уверенья,
Что не без отклика я глухо пел, о том,
Что помнил, странствуя, про мой старинный Дом.

*10. VII. 1924, Москва*¹⁸⁶

В самом же описании тетради данный текст представлен таким образом: «Л. 24. <...> автограф карандаш., рукой В.М. Зуммера, не опубликовано, см. приложение. Первоначально в заглавии В.М. Зуммером была неточно указана фамилия: “Урусову”, исправлено на “Руслову” другим почерком. Перед первой строкой зачеркнуто: “Алексан<...>”¹⁸⁷.

Это стихотворение явно относится к числу достаточно частых в наследии Иванова и нередко им самим публиковавшихся «стихотворений на случай». Напомним, что еще в 1906 г. он писал: «Я прихожу к сознанию, что все равно кому, о чем и на какой случай писать стихи. И лучше всего – на случай»¹⁸⁸. Конечно, вряд ли он повторил бы это суждение в

¹⁸⁵ О личности этого человека, друга Иванова, см.: *Парнис А.Е.* Заметки к теме «Вячеслав Иванов и Александр Иванов» (Неизвестные отзывы Вяч. Иванова о докторской диссертации В.М. Зуммера) // *Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева.* М., 2011. С. 266–293.

¹⁸⁶ *Кузнецова О.А.* Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из Римского архива Вяч. Иванова // *Русский модернизм: Проблемы текстологии.* СПб., 2001. С. 257.

¹⁸⁷ Там же. С. 238. В первом случае купюра сделана нами, во втором отточие в ломаных скобках означает окончание не читающегося зачеркнутого слова. Опечатку в ст. 11 (в тексте книги напечатано: «Раскрою периплеи – и позову мечту») исправляем на основании автографа, хранящегося в Римском архиве Вяч. Иванова (представлен в Интернете по адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opsis-1/karton-5/p04/op1-k05-p04-f24.jpg>; дата обращения 10.04.2020).

¹⁸⁸ Письмо В.И. Иванова к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 29 июля 1906 // РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Эти слова восходят к Гете, однако, с некоторым смысловым сдвигом. Ср.: «Мир так велик и так богат, так разнообразна жизнь, что поводов для стихотворства у вас всегда будет предостаточно. Но это непременно должны быть стихотворения “на случай”, иными словами, повод и материал для них должна поставлять сама жизнь. Единичный случай приобретает всеобщий интерес и поэтичность именно потому, что о нем заговорил поэт. Все мои стихотворения – стихотворения “на случай”, они навеяны жизнью и в ней же коренятся. Стихотворения, взятые, что называется, с потолка, я в грош не ставлю» (*Эккерман Иоганн Петер.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. Н. Ман. М., 1986. С. 71–72). Ср. также: *Обатини Г.В.* Из архивных разысканий о Вяч.

более ответственном тексте, но тем не менее следует учитывать, что шуточные и не-шуточные *Gelegenheitsgedichte* для него были привычны и временами существенны. Говоря о стихотворном наследии Иванова двадцатых и тридцатых годов, Н.В. Котрелев совершенно справедливо замечает: «...для создания целостной картины ивановского творчества необходимо учесть все немногое, что было создано, независимо от оценки качества»¹⁸⁹, – и при этом наглядно показывает, как именно следует представлять такие тексты.

В данном случае стихотворение далеко от прозрачности. С одной стороны, у читателей нет оснований не доверять автору, что все описанное является цепью реальных событий. Но затруднения начинаются с попытки определить, что именно является «даром нечаянным приязни сокровенной». Это мог быть альбом с дарительной надписью (*elogium*), это могла быть какая-либо книга, в том числе и самого Иванова, любовно переплетенная бывшим владельцем и снабженная подобной же надписью. Как нам представляется, взаимосвязанные действия, представленные в строках 4–5, на деле относятся к разным событиям, а не к одному: раскрытие переплета влечет за собой написание обращенного к дарителю письма (возможно, содержащего само это стихотворение), запечатываемого сургучной печатью «античного резца». Прежде всего наше рассуждение связано с реалиями: печать в книге или альбоме выглядит неуместной, тогда как на конверте, даже при советской власти, – да. Правда, сколько мы знаем, Иванов не часто пользовался засургученными пакетами, в отличие от некоторых своих современников (например, М. Кузмин в 1900-х часто использовал печать с изображением Антиноя), и это ведет к другим гадательностям: возможно, адресат стихотворения специально просил Иванова послать ему письмо, запечатанное определенным изображением.

Не очень понятны и пронизывающие стихотворение антиномии всякого рода: «неведомый собрат», «дар нечаянный», «родная и чуждая Москва», «стыдливое участие» и др. Однако их объяснение, как кажется, находится, если объяснить, к кому стихотворение обращено. Мы постараемся откомментировать стихотворение Иванова, опираясь на уже опубликованные и пока что остающиеся неизданными материалы, связанные с личностью его адресата.

Первое представление о Владимире Владимировиче Руслове можно довольно легко создать, опираясь на публикации, связывающие его с М.А. Кузминым и наследием А.А. Блока¹⁹⁰. Дата его рождения нам неизвестна, однако в сентябре 1907 г., согласно записи М.А. Кузмина в дневнике, он еще гимназист, т.е. родился, по всей вероятности, между 1886 и 1888 годами. Отец его был врачом, а также членом оценочной комиссии Московского кредитного общества. Интересующий нас человек жил в одной квартире с отцом по адресу: Малая Бронная, д. 34. Это небезынтересно, т.к. дом находится совсем недалеко от места рождения Иванова (ср. слова послания о «родной и чуждой мне Москве» и о «старинном Доме», который тем самым приобретает, судя по всему, очертания родного дома Иванова). В московских справочниках 1914–1915 гг. он значился чиновником Казенной палаты, а в 1916–1917 – сотрудником коммерческой службы Правления Александровской железной дороги и членом Московского отделения Императорского Русского технического общества. В более поздних справочниках

Иванове. <1>. Стихотворение на случай // Русская литература. 2014. № 2. С. 264–268.

¹⁸⁹ Котрелев Н.В. Два забытых стихотворения Вячеслава Иванова: I. «Творцу миров иллюзии волшебной...»; II. «Обоим сон в тот вечер...» // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 180.

¹⁹⁰ Назовем их в хронологическом порядке: Тимофеев А.Г. Прогулка без Гуля? (К истории организации авторского вечера М.А. Кузмина в мае 1924 года) // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 178–196; Тимофеев А.Г. Еще раз о вечере М. Кузмина в студии «Синяя птица» (1924) // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 158–160; Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 200–215; Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 2009. С. 462–463; Лавров А.В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 285–305; Кузмин М. Дневник 1905–1907. СПб., 2000 (по указателю); Кузмин М. Дневник 1908–1915. СПб., 2005 (по указателю). Ср. также нашу статью, указанную в примеч. 12.

«Вся Москва» его фамилия отсутствует. Согласно беглой записи в архиве Е.Ф. Никитиной, он умер в Москве 19 ноября 1929 года¹⁹¹.

Однако нас интересует не столько биография Руслова, сколько связи и контакты с Вяч. Ивановым и его окружением. Вот то, что удалось отыскать.

Первым из знакомых Руслова из сферы искусства, о которых мы знаем, является С.П. Дягилев. От него о Руслове узнает М.А. Кузмин. С ноября 1907 по февраль 1908 г. они весьма активно обмениваются письмами, из которых, к сожалению, мы знаем лишь 11 чрезвычайно содержательных писем Кузмина. Письма Руслова пока что не обнаружены, и вероятность находки, как кажется, весьма мала. Между тем этих писем должно было быть значительно больше, чем посланий Кузмина¹⁹². Эпизодически переписка продолжалась и несколько позже, однако никаких следов ее обнаружить не удалось, хотя в дневнике Кузмина появляется примечательная запись: «Письмо от Руслова, предлагает мне издать нашу переписку»¹⁹³.

24 сентября 1909 г. – дневниковая запись, которая интересна в нашем контексте прежде всего потому, что Кузмин в это время живет на Башне Иванова: «Вскоре приехал Руслов, вот кто был из Москвы. Мало здесь теток своих. Квакал, жеманничал. Приехал Гумилев, потом Франк. Первый скоро уехал, найдя наш разговор слишком “юнкерским”. <...> Вяч<еслав> уехал куда-то с чемоданом, все похороны»¹⁹⁴. В 1909 г. Руслов сравнительно надолго поселяется в Петербурге. 30 сентября он вновь заезжал на Башню, но тоже непонятно, столкнулся ли с вернувшимся уже Ивановым. Опять в гостях у Кузмина он был (или хотя бы заезжал) 2, 6 и 10 октября, 6 ноября, 4 и 13 декабря. Даже если мы не будем строить гипотез о том, виделись два человека или нет, хотя бы бегло, то сама по себе эта ситуация должна была быть очень значимой, поскольку комментирует слова о «неведомом собрате».

Существенно, видимо, упомянуть, что единственная известная нам публикация стихов Руслова¹⁹⁵ появилась в том журнале, с которым долго было связано имя Иванова, – в «Золотом руне».

Сколько мы можем представить себе личность Руслова, он был чрезвычайно заинтересован в общении с заметными в культуре людьми, причем в общении, оставляющем какие-то материальные следы. Кузмин переписывает для него пропавший в печати конец повести «Картонный домик» и часть цикла стихов «Мудрая встреча», обещает прислать книги с дарственными надписями. 1 декабря 1917 г., т.е. всего через месяц после прекращения октябрьских московских боев, Руслов обращается с письмом к жене В.Я. Брюсова Иоанне Матвеевне: «Будучи лишен, как почти все обитатели Москвы, телефона, я вынужден беспокоить Вас письмом. Дело в том, что я уже давно собираюсь заехать к Вам, как и для того, чтобы повидать Вас и Валерия Яковлевича, так и для того, чтобы выкупить у Вас обещанных Вами портретов Пушкина работы Сомова <так!> (Вы, надеюсь, не забыли про это?) и взять тетрадь со своими стихотворениями, которые Валерий Яковлевич уже давно, наверное, проглядел и весьма сурово раскритиковал, а также и свой альбом для автографов, куда Валерий Яковлевич хотел что-нибудь начертать, и мой экземпляр “Семи цветов радуги”, тоже оставленный мною для подписи Валерием Яковлевичем»¹⁹⁶. Собираение редких книг и автографов вместе с желанием

¹⁹¹ Лавров А.В. Этюды о Блоке. С. 305.

¹⁹² Их список за 1907 г. см.: Тимофеев А.Г. Авторский индекс переписки 1907–1910 гг. в рабочей тетради М. Кузмина из собрания Пушкинского Дома. Часть первая. 1907 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 96–98.

¹⁹³ Кузмин М. Дневник 1908–1915. С. 91.

¹⁹⁴ Там же. С. 170.

¹⁹⁵ Золотое руно. 1909. № 5. С. 19–20.

¹⁹⁶ РГБ. Ф. 386. Карт. 154. Ед. хр. 26. Л. 20б.–1. Частично процитировано: Bogomolov Nikolai. Человек Серебряного века: Попытка персонологической характеристики // L'unité sémantique de l'âge d'argent / Modernités russes. [Т.] 11. Lyon, 2011. P. 42 (вошло в настоящее издание). В этой статье приведены и другие факты, свидетельствующие о коллекционерских склонностях Руслова.

делиться ими было для Руслова той органической частью личности, которая отразилась в стихотворении Иванова.

Незадолго до написания интересующего нас стихотворения Руслов принял самое активное участие в организации поездки М. Кузмина в Москву, где тот пробыл с 10 по 13 мая, выступив с чтением своих произведений на двух частных вечерах с участием довольно многих знакомых и незнакомых людей¹⁹⁷, а также на одном платном, рассчитанном на «свою», т.е. преимущественно гомосексуальную аудиторию¹⁹⁸. Приведем описание этого платного вечера из дневника Кузмина за 12 мая: «Руслов пришел поздно. Ничего не устроено, никого не пело, не танцевало, не читало, вообще скандал. Помещение бывшей масонской ложи, приятное. В артистической сидели студенты. Подружился с Анисимовым, иконоведом, ярославцем. Там комната знаменитых ярославцев, и мой портрет висит. Звал к себе гостить. Собрались тетки и *jeunes'hommes*. Очень по-домашнему, но тепло и любезно. Два молодых человека в 1-м ряду и какой-то старичок особенно меня поддерживали. Читать было приятно. Даже контролеры из ГПУ хлопали. Ивнев, Игумнов, Поздняков, Чахотин, Русаков, Захаров-Мэнский, новые знакомые»¹⁹⁹.

28 мая 1924 г. Иванов выехал из Баку в Москву, т.е. они разминулись с Кузминым меньше, чем на три недели. Вполне возможно, что это стечение обстоятельств также имело отношение к установлению доверительного контакта между Ивановым и Русловым. А через год на Кавказе оказался уже Руслов, и оказался, судя по всему, не по своей воле. В письме к М.А. Цявловскому от 14 ноября 1925 года он сообщает, что в мае приехал в Тифлис и теперь прикован к этому городу²⁰⁰. Его пребывание там связано не только с литературной деятельностью, нуждающейся в фиксации и осмыслении, но и с фальсификацией, подробно проанализированной в указанной работе А.В. Лаврова.

Таким образом, контекст создания стихотворения проясняется: случайная встреча в Москве, давно покинутой и вновь на некоторое время обретенной (чтобы снова утратиться, и уже окончательно), приводит к подарку со стороны «смирненного сочувственника», настоятельно требующего ответного дара в виде не только письма, но и того самого стихотворения, которое описывает свое собственное появление, приобретая тем самым автометаописательный характер.

Что же касается «нечаянного дара», то есть некоторая вероятность, что он сохранился в Римском архиве Вяч. Иванова среди неопознанных по происхождению и назначению предметов. Однако систематические поиски еще лишь должны быть проведены. Впрочем, вовсе не исключено, что он был оставлен в Москве и, не задержав пристального внимания распорядителей архива и библиотеки Вяч. Иванова, зажил своей собственной жизнью.

В п е р в ы е: Русская литература. 2011. № 4. С. 107–111.

¹⁹⁷ О первом из них см.: *Горцунг Б.* Из воспоминаний о Мих. Ал. Кузмине // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 179–180.

¹⁹⁸ См. указанные выше публикации А.Г. Тимофеева.

¹⁹⁹ Частично и с неточностями процитировано А.Г. Тимофеевым (Новое литературное обозрение. 1992. № 3. С. 160). Здесь приводится по тексту, подготовленному Н.А. Богомоловым, С.В. Шумихиным и К.В. Яковлевой к изданию очередного тома дневника.

²⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 1. Ед. хр. 155. Значительные фрагменты этого письма процитированы в названной выше нашей статье.

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПИСЬМА ЗИНАИДЫ ГИППИУС К В.Д. КОМАРОВОЙ

Эпистолярное наследие Зинаиды Николаевны Гиппиус весьма обширно. Конечно, и по общим масштабам, и особенно по тому, что сохранилось до нашего времени, оно вряд ли может быть сравнимо с перепиской Валерия Брюсова или Андрея Белого – наиболее, пожалуй, деятельных корреспондентов из числа русских писателей начала века, – но все же читателям доступно уже довольно много ее эпистолярных комплексов, начиная от публикаций Темиры Пахмусс²⁰¹ и вплоть до недавнего (2018) тома «Литературного наследства», вторая часть которого еще ожидает выхода в свет. Письма Гиппиус давно уже осознаются как существенная часть истории культуры, что влечет за собой обильное их цитирование, а то и включение полных текстов в различные исследования²⁰² и воспоминания²⁰³. Единственная, к сожалению, известная нам содержательная статья, посвященная эпистолярному Гиппиус, относится лишь к незначительной его части²⁰⁴.

Меж тем уже современники Гиппиус констатировали особую прелесть и литературность ее писем. А.Л.Волынский вспоминал: «...стиль писем З.Н.Гиппиус был действительно несравненным. Иные из этих писем лучше обширных статей Антона Крайнего, с его придиричьим тоном и повадками бабьих пересудов. Тут все чеканно-просто, коротко и содержательно. При этом в основе – философическая серьезность, редкая в женщине способность к созерцательно-логическому мышлению. Писем этих, вероятно, очень много в литературных кругах, и когда-нибудь собрание их могло бы явиться живейшим документом-иллюстрацией к картине нашей литературно-общественной жизни, в момент зарождения декадентства»²⁰⁵.

Публикация 28 писем Гиппиус к писательнице В.Д.Комаровой не является открытием неизвестного материка. Эти письма уже довольно давно находятся в поле зрения исследователей и неоднократно цитировались²⁰⁶, однако необходимость их полной (и повторной) публикации цитатами не отменяется.

Сначала несколько слов об адресате писем. Варвара Дмитриевна Комарова (1862–1942), более известная под псевдонимом Владимир Каренин, – племянница прославленного критика В.В.Стасова. Отец ее был известным адвокатом и общественным деятелем, страстно увлеченным музыкой. Из публикуемых писем мы узнаем, что она даже готовилась к поступлению на оперную сцену, однако это не осуществилось, и на первый план для Комаровой вышла литература. Не слишком многочисленные ее произведения тем не менее были замечены читателями

²⁰¹ Наиболее обширная их них: *Pachmuss Temira*. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zimaida Hippus. München, 1972.

²⁰² См., напр.: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже 1906–1908 // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1992. [Т.] 1; *Джордант Джон Стюарт*. По материалам архива Д.В. Философова // Там же. 1994. [Т.] 5.

²⁰³ См.: *Злобин В.* Тяжелая душа. Вашингтон, 1970 (большие фрагменты из переписки с Д. Философовым); *Шагинян Мариэтта*. Человек и время: История человеческого становления. М., 1982. С. 232, 261, 285, 286, 313–314, 332–333, 340–341, 343 (9 писем, преимущественно в извлечениях).

²⁰⁴ *Багно В.Е.* «Красный» цикл писем Зинаиды Гиппиус к Зинаиде Венгеровой // *Русская литература*. 1998. № 1. С. 84–87.

²⁰⁵ *Волынский А.Л.* Русские женщины / Пред., комм., публ. А.Л. Евстигнеевой // *Минувшее*. М.; СПб., [Т.] 17. С. 262 (специально посвященный Гиппиус очерк «Сильфида»).

²⁰⁶ См.: *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 17, 417, 450 (статья и коммент. Н.А. Богомолова); *Гиппиус З.Н.* Сочинения: Стихотворения, проза. Л., 1991. С. 613–614 (коммент. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова); *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 17, 27, 32, 47, 465 (статья и коммент. А.В. Лаврова)

и критикой²⁰⁷, а большая монография о Жорж Санд не только была удостоена Пушкинской премии, но и издана в Париже на французском языке, заслужив весьма похвальные отзывы.

В воспоминаниях она рассказывала: «С З.Н. я скоро близко сошлась, можно сказать подружилась. Она была тогда самой видной и обращавшей на себя внимание из писательниц, очень красивая, с чудными белокурыми косами (дядюшка <?> В.В. всегда требовал, чтобы она их не подкалывала, когда бывала впоследствии у моих родителей, а, как Гретхен, распускала их), была она и эксцентрична, и “позировала”, и “декадентствовала”, когда была в многолюдных собраниях или особенно когда читала на эстраде где-нибудь, но у себя дома, у нас, в интимной беседе она была проста, сердечна, необычайно умна, это была самая умная женщина из всех, каких я знала. Я ее искренно полюбила и всегда жалею, что она уехала в эмиграцию. Между 1894 и 1900 г. мы часто виделись, Мережковские бывали у нас и у наших, мы с мужем у них, З.Н. очень ласково относилась к моим сыновьям, и у меня сохранилось и одно письмо ее к 15-летнему Мите, который с товарищами поставил у нас “Женитьбу”»²⁰⁸.

В те годы, к которым относятся публикуемые ниже письма (1897–1904), Комарова пробовала свои силы в различных жанрах литературы, и, видимо, это сближало двух писательниц, не очень уютно чувствовавших себя в населенном преимущественно мужчинами литературном мире. При этом очевидно, что Гиппиус в значительной степени играет с Комаровой, делая вид, что является гораздо более робкой и почтительной к литературным авторитетам, чем то было на самом деле. Из других воспоминаний и документальных свидетельств, прежде всего из текстов самой Гиппиус, мы знаем, что она была далека от какой бы то ни было почтительности, свободно сообщая своим собеседникам «ребячески откровенные вещи»²⁰⁹, и в статьях ее, и в письмах того времени проявляется редкостная уверенность в своей правоте.

Следует, видимо, предположить, что для Гиппиус было весьма важно отыскать себе поддержку среди литераторов, пусть и не очень известных, но в то же время способных поддержать ее репутацию не только в «декадентских» кругах, но и в своего рода литературном истеблишменте, к которому Комарова, безусловно, принадлежала благодаря родственным связям, почтенному общественному положению и состоянию, умеренности своих художественных взглядов, одобрявшихся наиболее солидными журналами того времени. Можно полагать, что зависть Гиппиус к той «любви», которую испытывал к Комаровой издатель «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич, была достаточно искренней. И стремление добиться того, чтобы планируемая пьеса попала на русскую сцену, столь же откровенно.

Эта двойственность положения в литературе отчетливо чувствуется, между прочим, по воспоминаниям Гиппиус «Живые лица», где не случайно завершением книги выступает очерк «Благоухание седин», посвященный авторам старшего поколения, с которыми она сталкивалась в 1880–1890-е. Плещеев, Полонский, Вейнберг, Григорович, Ап. Майков и другие представлены там добродушными патриархами, принимающими юную поэтессу под свое покровительство, прощая ей разнообразные шалости, как прощают их любимым внукам.

Вряд ли эта идиллическая картина полностью соответствует действительности. Литературная, общественная, а потом и идеологическая деятельность Мережковских не проходила в той обстановке благодушия и спокойствия, которая вырисовывается в мемуарах. Единственный солидный журнал, который предоставлял им в середине и второй половине 1890-х годов свои страницы, был «Северный вестник», тогда как все прочие традиционные издания не принимали их в число своих постоянных авторов. При такой расстановке сил Комарова вполне

²⁰⁷ Подробнее см. в биографической статье А.А. Носова (Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 42–43).

²⁰⁸ Комарова В.Д. Русское литературное общество (отрывок из моих мемуаров) // РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 4. Датировано 18 ноября 1939 г. Членом Русского литературного общества Комарова стала в 1892 г. Упоминающееся здесь письмо Гиппиус к сыну Комаровой сохранилось: РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед.хр. 766.

²⁰⁹ Гуревич Л.Я. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. М., 1914. Т. 1. С. 240.

могла выглядеть естественным если не соратником, то союзником, с помощью которого можно было попробовать войти в круг внимания того же «Вестника Европы» или иного авторитетного органа. Особенно насущной необходимостью стало это после разрыва отношений Мережковских с «Северным вестником».

Мы не можем быть уверены, но в качестве гипотезы, объясняющей природу затухания, а позже и полного прекращения отношений Гиппиус и Комаровой (нам неизвестно ни одно упоминание имени Комаровой в печатных трудах Гиппиус), можно, думается, высказать предположение, что нежелание или неспособность корреспондентки помочь в устройстве отношений с журналами и театрами заставили Гиппиус отнестись скептически к самой идее продолжения дружбы. Конечно, это дополнялось и привходящими обстоятельствами (различные жизненные переживания, частые географические разминовения), но основная причина вряд ли может быть объяснена только случайностями. Получив возможность печататься в «Мире искусства», организовав несколько позже собственный «Новый путь», Мережковские перестали нуждаться в заискивании перед авторитетными изданиями, что требовалось им ранее.

Вероятно, сходные причины диктовали им и отношения с Сувориным, долгое время бывшие предметом заинтересованного внимания самых разных русских общественных деятелей. Компрометантные для среднего писателя попытки Мережковских так или иначе войти в контакт с Сувориным, долгая с ним едва ли не дружба (так обтекаемо описанная в том же «Благоухании седин») также нуждаются в тщательном исследовании, но и без него очевидно, что вряд ли интерес двух писателей к властелину крупнейшей газетной, издательской и театральной империи мог быть основан только на абсолютно незаинтересованных основаниях²¹⁰.

Конечно, контакты с Комаровой, а через нее с либеральными изданиями не могли быть для Мережковских столь опасными, как с Сувориным, и потому оснований прятать их не было, но и особой славы они принести не могли, потому, скорее всего, и оставались в тени.

Но все эти обстоятельства литературной жизни таятся в подтексте публикуемых писем, а на поверхности лежит их совершенно объективная ценность для описания интеллектуальной биографии Гиппиус. Мы уже говорили, что некоторые свидетельства ее отношения к собственному творчеству и творчеству вообще, к различным людям (к Е. Овербек, к А.И. Урусову) уже становились предметом внимания писавших о личности и творчестве Гиппиус. Но публикация полного корпуса писем позволяет получить немаловажные сведения об отношении Гиппиус к некоторым явлениям французской литературы, к произведениям самой Комаровой и другим фактам литературы русской, о творческой истории ряда работ, как ее, так и Д.С. Мережковского, и пр. Конечно, и к ним следует относиться с определенной осторожностью, отнюдь не доверяя безоговорочно похвалам, рассыпаемым рассказу «Господин Калошкин», или неожиданно страстному интересу к неопубликованным стихам корреспондентки. Но все же, при правильном и внимательно-критическом отношении к тексту, из него вполне извлекается значительная информация.

Но не только в ней дело. Письма ценны еще и тем, что выразительно рисуют одну из эпистолярных ипостасей Гиппиус, мало нам знакомую. В уже опубликованных материалах она чаще всего беседует с друзьями, причем иногда с теми, с которыми играет во влюбленность, или же обменивается деловыми письмами. Здесь же перед нами свидетельство ее свободного общения с дружественным, но вовсе не интимно близким человеком, с которым нужно соблюдать правила эпистолярного этикета (обратим внимание на извинения по поводу отсутствия специальной почтовой бумаги или же о приличествующем случае количестве листков, которые могут быть отправлены в одном конверте) и этикета социального (специально формулиру-

²¹⁰ Ныне см. нашу публикацию: Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину / Подг. текста, вст. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. М., 2018. Т. 106, кн. 1: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. С. 17–107.

емые приветы семейству), но в то же время можно чувствовать себя довольно раскованно, не стесняться малой степенью знакомства или заданной дистанцией. При всей женскости стиля Гиппиус в этих письмах, совсем не похожего на тот, что доминирует, скажем, в письмах к Брюсову, он никогда не переходит в кокетливую *causerie*, столь характерную для женской корреспонденции того времени. После чтения этих писем лучше понимаешь, как удавалось Гиппиус в литературе существовать прежде всего в мужском облики, и не без основания вспоминаешь, что и Комарова ведь тоже основным своим псевдонимом сделала мужскую фамилию. Эта переключка, не очень бросающаяся в глаза, в то же время вполне, как нам кажется, определена и послужит материалом тому исследователю, который поставит своей целью изучать гендерные, как теперь принято говорить, проблемы творчества Гиппиус и вообще литературы 1890-х годов.

Письма хранятся: РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед.хр. 154. Публикуются полностью.

В п е р в ы е: In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина.
СПб.; Париж, 2000. С. 191–230.

1

СПБ.

20 Мая, <18>97

Лит<ейный> 24.

Дорогая Варвара Дмитриевна, все время собиралась к вам, даже в последний четверг, чтобы проститься перед отъездом в деревню, но мне сказали, что к вам нельзя, что у вас больные и сами вы нездоровы. Я тоже все время хвораю, вечное сердце. Таким образом, мне не удалось поговорить с вами о «Струнах» Жорж-Занд²¹¹. Прочла с особым интересом и многое могла бы сказать – написать трудно. Только вряд ли это «символическая» вещь. Скорее аллегория.

Быть может, вы уже уехали в деревню, и мое письмо не застанет вас. Желаю вам и Николаю Николаевичу²¹² провести веселое, легкое и хорошее лето – а вам еще сверх того желаю окончить любимую работу и быть ею довольной.

От Дмитрия Сергеевича²¹³ передаю вам всяческие приветствия. Надеюсь, вы мне черкнете строчку осенью, когда вернетесь в Петербург, и мы увидимся.

Крепко жму вашу руку²¹⁴.

Любящая вас

З.Мережковская.

²¹¹ Речь идет о фантазии Жорж Санд «Семь струн лиры» (1839), о которой Комарова писала: «Вряд ли кто-нибудь из теперешних читателей прочтет когда-либо эту вещь, а из прежних поклонников Жорж Санд почти никто ее не помнит или не знает <...> мы позволяем себе подробно передать содержание этой фантазии или аллегории, общую мысль которой довольно трудно уразуметь. <...> Должны признаться, что с большим трудом мы прочли это туманное, высокопарное произведение <...> форма является в настоящее время чем-то невыносимым; до того все это возвышенно, до того мистично и аллегорично, что подчас производит почти комическое впечатление. Такова, например, <...> сцена на башне, <...> возбуждающая в нас такое же неудержимое желание смеяться, как знаменитая и препрославленная сцена на башне из *Строителя Сольнеса* (да будет прощена нам эта ересь!)» (*Каренин Владимир*. Жорж Санд, ее жизнь и произведения. 1804–1838. СПб., 1899. С. 577, 582). Обратим внимание, что, судя по всему, характеристика «аллегорично» появилась под воздействием этого письма Гиппиус.

²¹² Муж Комаровой, офицер.

²¹³ Мережковского.

²¹⁴ Фраза в письме написана слитно.

2

*Варшавск<ая> жел. дор.
Ст. Преображенская.
Им<ение> Шевино
15 июля, <18>97.*

Я давно получила ваше письмо, милая Варвара Дмитриевна, и очень была рада узнать, что у вас все обошлось благополучно и вы здоровы. Несколько времени тому назад я, благодаря счастливой случайности, прочла ваш очерк в «Вестнике Европы»²¹⁵ (никогда не вижу этого журнала) – и мне захотелось, не дожидаясь осени, сказать вам два слова по этому поводу. Надеюсь, что вы не будете сердиться на меня – заранее прошу извинить мою искренность. – Но мнение только тогда и интересно, когда искренно. Скажу прямо, в иных местах очерка есть, по-моему, вялость, кое-где, напротив, торопливость, точно вы хотите скорее окончить. Я не поклонница также рассказа от автора, мне кажется – это сдвигает рамки повествования, – но в общем, вся ваша «поэма» (мне хочется так назвать то, что Вы написали) очаровала меня своей трогательной и глубокой простотой. Я не оставила книги, пока не прочитала последней строки, и думаю, что не скоро встречу на страницах современного журнала вещь, которая заставит меня отнестись к ней так, как я отнеслась к «Господину Калошкину». Очень радуюсь и... немного завидую вам, потому что знаю, до какой степени вещи в таком роде не удаются мне, да и не могут удаваться. Я, впрочем, и попытки скоро брошу, уйдя в свойственную мне «отвлеченность» – без крови и тела – увы!

Хорошо ли проводите лето? Буду очень рада получить от вас до осени несколько строк. Мы попали в страшную глушь, чем я довольна. Далеко от станции, и такое уединение, абсолютное, что я даже хожу по лесам, для удобства, в мужском костюме. Писать приходится много – но главные планы храню на зиму²¹⁶.

Оба мы, я и Дмитрий Сергеевич, приветствуем вас. Что Николай Николаевич? Неужели все в разъездах?

Жму вашу руку.

З.Мережковская.

3

*Ст. Преображенская
В<аршавская> ж.д.
Им<ение> Шевино.
29 Июля, <18>97.*

Я очень рада была получить от вас такой скорый ответ, дорогая Варвара Дмитриевна, и сама, как видите, спешу написать вам новое. Спасибо за хорошие слова, боюсь только, что они преувеличены. Я, без всякой «женской» скромности, очень искренно считаю себя неспособной к вещам трезвым, сочным, как я выразилась – «из плоти и крови». Именно теперь я пишу подобную вещь (в последний раз!) и с каждой строчкой в отчаянии повторяю: не то! не то!²¹⁷

²¹⁵ Каренин Влад. Господин Калошкин // Вестник Европы. 1897. № 6. С. 730–771.

²¹⁶ О работах Гиппиус этого времени см. п. 3, примеч. 1.

²¹⁷ 23 ноября Гиппиус писала П.П. Перцову: «Я за лето написала три повести, из них одну – целый роман» (Русская литература. 1991. № 4. С. 127). Комментатор этого письма М.М. Павлова полагает, что имеются в виду рассказ «В родную

И веселья никакого нет в писании, душа участвует лишь наполовину, и я с недоумением жду момента, когда опять начну что-нибудь в моем духе – на поларшина от земли. Вы говорите о стихах: я иногда думаю, что я в сущности только неудавшаяся стихотворица. Ничто в мире не доставляет мне такого наслаждения, как писание стихов, – может быть, потому, что я пишу по одному стихотворению в год – приблизительно²¹⁸. Но зато после каждого я хожу целый день, как влюбленная, и нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Мне кажется, у всякого должна быть потребность молиться, и это разное проявляется. Я говорю, что стихи – это моя молитва²¹⁹. И дар писать их – все равно, худы они или хороши – я не променяла бы ни на какой другой дар. Случается, что и прозу пишешь с удовольствием – страницу, две... но это совсем не то. А вы, скажите, вы никогда и не писали стихов?

Вы рассказываете о Мопассане. Я его страшно люблю. Каждый год я его перечитываю снова, этой весной опять принялась за «Sur l'eau»²²⁰. Маленькие его рассказы люблю не все, но некоторые так глубоки, что их хочется выучить наизусть. «Main gauche» знаю, но, по-моему, это не из лучших сборников, там есть несколько и бесцветных очерков²²¹. Часто я прошу С.А. Андреевского²²², просто когда он заходит днем, взять книжку и прочитать какой-нибудь короткий рассказик Мопассана. Вы знаете, как читает Андреевский, и я люблюсь этим бриллиантом в ювелирной отделке. Я очень люблю тоже «Une vie»²²³. Это строгий, печальный и сильный роман. Мне кажется, тут Мопассан на высоте Флобера, хотя и весь другой. Впрочем, вспоминая «M-me Bovary», начинаешь сомневаться, может ли быть другой роман равен ему? Я бы очень хотела знать, что вы думаете об Анатоле Франсе? Последнее время я изучаю его внимательно, и он мне нравится все больше и больше. В романе «Thaïs» есть поразительно глубокие места²²⁴. И отдыхаешь на нем от легкой и пустой современности писателей посредственных, вроде М.Превю²²⁵. Чувствую, однако, что готова заболтаться, и сокращаю себя. Кончена ли повесть, которую вы переделали? О, вы счастливая женщина – вас любит Стасюле-

семью» (Вестник Европы. 1898. Кн. III), романы «Победители» (Ежемесячное литературное приложение к журналу «Живописное обозрение». Новые рассказы и повести русских и иностранных писателей. 1898. № 1) и «Сумерки духа» (Жизнь. 1900. Кн. V–VII). О каком из них конкретно идет речь, предположить трудно, тем более что в это время в печати появлялись и другие прозаические произведения Гиппиус: повесть «Родина» (Живописное обозрение. 1897, № 27–28), повесть «Луна» (Литературное приложение к журналу «Всемирная иллюстрация». 1897, № 1496–1498), рассказ «Из детской жизни» (Наблюдатель. 1898, № IV–V), повесть «Последние желания» (Живописное обозрение. 1900, № 1–2).

²¹⁸ Речь, безусловно, идет не о точных цифрах. В первом «Собрании стихов», к примеру, помета «<18>96» стоит под шестью стихотворениями, «<18>97» – под десятью.

²¹⁹ См. в предисловии к первому «Собранию стихов»: «Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы – молитву. Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, – все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. <...> Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка – это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва. <...> Нам, каждому, страстно нужна, понятна и дорога наша молитва, нужно наше стихотворение – отражение мгновенной полноты нашего сердца. <...> Пока мы не найдем общего Бога или хоть не поймем, что стремимся к Нему, Единственному, – до тех пор наши молитвы, – наши стихи, – живые для каждого из нас, – будут непонятны и не нужны ни для кого» (Гиппиус З. Стихотворения. СПб., 1999. С. 71–72, 74).

²²⁰ «На воде» – сборник путевых очерков Г. де Мопассана (1888).

²²¹ «С левой руки» – сборник рассказов Г. де Мопассана (1889).

²²² Сергей Аркадьевич Андреевский (1847/48–1918) – видный адвокат и небезызвестный литератор. Дружил с Гиппиус. См. в ее воспоминаниях «Дмитрий Мережковский»: «Дм<итрий> С<ергеевич> был в приятельских отношениях с кн<язем> Александром Ив<ановичем> Урусовым, известным адвокатом <...> и с его другом, поэтом и адвокатом петербургским – С<ергеем> Арк<адьевичем> Андреевским. <...> Андреевский сделался даже, потом, моей “подругой” – единственной – зато настоящей, и постоянно у нас бывал...» (Гиппиус З. Собр. соч. М., 2019. Он и мы: Дмитрий Мережковский, его жизнь, его работа. С. 61; далее ссылки на эти воспоминания будут даваться по данному изданию). Был поклонником Мопассана, о посещении могилы которого написал в «Повести о смерти» (Ревель; Берлин, [1922]. Т. I. С. 228–232; перепеч.: М., 2005. С. 159–162).

²²³ «Жизнь» – один из наиболее известных романов Г. де Мопассана (1883).

²²⁴ «Таис» – роман Ан. Франса (1891). Возможно, имя одного из героев этого романа, о. Пафнутия, не случайно совпадает с именем персонажа драмы Гиппиус «Святая кровь» (см. ниже).

²²⁵ Эжен Марсель Превю (1862–1941) – французский писатель, одно время популярный в России.

вич!²²⁶ К моим же вещам «на поларшина от земли» он относится скептически, и я, порвав с «Северным Вестником»²²⁷, намереваюсь поневоле ограничить свою деятельность иллюстрациями. Эти журналы, впрочем, хорошо платят. Вещь, которую я теперь пишу (по дневникам – настоящим – одного студента), – уже продана²²⁸. Это скверно, но такова жизнь. Дм<итрий> Серг<еевич> работает целые дни, «Леонардо» уже на половине²²⁹. Мы тоже намерены остаться дольше в деревне. Я не купаюсь, но зато езжу верхом (что «обожаю»), и не далее как вчера слетела с лошади, через голову, но так счастливо, что разбила только нос и сегодня опять, не унывая, ездила. Можете себе представить, в каком ужасе Дм<итрий> С<ергеевич>! Крепко жму вашу руку и жду письма, если вы захотите обрадовать вашу З. Мережковскую.

Душевный привет Ник<олаю> Ник<олаевичу> и Дм<итрию> Васильевичу²³⁰, когда будете ему писать. Как его здоровье?

4

*Ст. Преображенская
В<аршавская> ж.д. Шевино.
12 Сент<ября> <18>97*

Дорогая Варвара Дмитриевна, вот такая вы добрая, что написали второе письмо, и как я вам за это благодарна! Это совсем не по-женски, женщина непременно бы стала считаться письмами – а в конце выходит всегда мелочность. По поводу ваших слов, не «рассердилась» ли я на что-нибудь и не потому ли молчу, я должна сказать вам, что я по существу далека от такого приема, я люблю прямые пути и ясные слова – даже с людьми, с которыми это почти невозможно, а не только с вами, с которой *иначе невозможно*. Поверьте, я это видела сразу, и если бы что-нибудь в вашем письме мне не понравилось – то тут-то бы я ни секунды не замедлила ответить, и прямо бы вам все сказала.

Причины моего молчания самые «мескинные»²³¹. У меня недели полторы-две тому назад, когда я вздумала вам написать письмо – вдруг не оказалось ни клочка почтовой бумаги! Можно

²²⁶ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) – журналист, издатель, публицист либерального направления. Издавал журнал «Вестник Европы» с 1866 г. Об отношениях четы Мережковских с журналом Гиппиус писала в книге о Мережковском (Цит. соч. С. 69–70).

²²⁷ О разрыве с журналом «Северный вестник», где Гиппиус была на протяжении долгого времени одним из постоянных сотрудников, она вспоминала в книге о Мережковском: «Наша дружба с Флексером (и его журналом) продолжалась с 1894 до весны 1897 года. Он относился, в общем, ко мне лучше, чем к Д<митрию> С<ергеевичу> <...> Ранее разрыва нашего, должно быть в 1895 году, в конце (точно не помню), я наконец совсем, и резко, отказалась печататься в «Северном вестнике» из-за отвращения к уродливым статьям Ф<лексера>. <...> Тут был первый толчок к разрыву» (С. 83–84). Однако ее письма к Волынскому 1897 г. явственно показывают, что причины были далеко не только в этом, но и в личных отношениях (см.: Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому, 1891–1916 / Публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1992. [Т.] 12. С. 332–337). Ср. также в письме Мережковского к П.П. Перцову от 6 июля 1897: «Знаете ли, что с Флексером мы совсем не видимся. Он надоед З.Н. своей риторикой и ложью, а мне уже давно опостылел. Денег Любочка нам не платит, зная, что нам они очень нужны» (Русская литература. 1991. № 2. С. 164. Там же – ценный коммент. М.Ю. Кореневой. Любочка – Л.Я. Гуревич). 23 ноября Перцову писала сама Гиппиус: «Они нам до сих пор не отдали 200 рублей, да еще Любочка, узнав, что Д.С. не скрывает этого долга, <...> исключила его, без предупреждения, из числа сотрудников» (Русская литература. 1991. № 4. С. 128 / Публ. М.М. Павловой). По-иному смотрели на дело люди круга Волынского. Так, Л.Я. Гуревич вспоминала: «Еще раньше отошли от журнала Мережковские. Вообще, как это обыкновенно бывает в таких случаях, кругом журнала стало пусто. Публицисты, помогая вести обреченное на смерть дело, остались лишь очень немногие...» (Гуревич Л. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. С. 260).

²²⁸ Речь идет о романе «Победители». Отметим, впрочем, что он вовсе не был заранее «продан»: осенью Д.С. Мережковский активно занимался его устройством в журналы (см. его письма к Перцову от 16 и 20 сентября 1897 // Русская литература. 1991. № 2. С. 169–170).

²²⁹ Роман Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».

²³⁰ Д.В. Стасов, отец Комаровой.

²³¹ От французского «mesquin» – ничтожный.

бы написать было на рабочей – но и конвертов тоже не оказалось! Я каждый день собиралась ехать в Петербург – но заболела лихорадкой и целую неделю пролежала, прежде чем могла двинуться. Не торопитесь в город, там теперь прескверно и прескучно, – и ведь целых девять месяцев этого петербургского «сезона»! Мы тоже останемся здесь так долго, как только будет возможно. Живем в абсолютном одиночестве – моя семья²³² уехала, и мы вдвоем с Дм<трием> Серг<еевичем> в большой даче, в лесу. Топим печи, гуляем и работаем. В вашем письме было очень много, на что я хотела бы вам возразить, у меня даже был целый план длиннейшего письма к вам – но откладываю это до следующего раза. Мы с мужем, которому я прочитала ваше определение Стасюлевича, много смеялись. Да, вы тысячу раз правы!! Трудно завоевать «любовь» – Стасюлевича. Но для меня трудно достичь даже и того, чтобы он меня «терпел»²³³. Мой «разрыв» с «Северным Вестником» – собственно, разрыв с редактором, хотя на почве совершенно литературной и, следовательно, имеющей отношение к моему печатанию в журнале. Вряд ли там появится что-нибудь крупное из моего, стихи же я печатаю, потому что это мелочь, да и не хочу я придавать официального характера этой ссоре, в нее, конечно, поспешат сунуть нос люди, которых дело не касается²³⁴. Вы знаете, как Петербург интересуется всякими чужими мелочами.

Теперь, дорогая Варвара Дмитриевна, позвольте приступить к большой просьбе. Преду-преждаю, что вы меня искренно огорчите, если откажете. Вы говорите мне, что много писали стихов, даже недавно, и что стихи эти никогда не будут в печати. Но я уверена, что в них есть то, что вы сами в них не подозреваете, – и я очень хочу прочесть эти стихи. Пришлите мне хоть одно или два. Если хотите, если любите откровенное мнение, – я вам его напишу. Но ежели вы не пришлете, – я буду думать, что вы и вкусу моему не доверяете и не хотите сделать мне большое удовольствие.

Я очень рада, что кое-какие из моих вещей продолжают нравиться Николаю Николаевичу. Посылаю ему душевный привет, как и Дмитрию Васильевичу. Надеюсь увидеть его особенно свежим и бодрым после заграничного лечения. Крепко жму вашу руку – и жду.

3. Мережковская.

5.

Среда.

<21 января 1898?>

Дорогая Варвара Дмитриевна, опять не могу быть у вас (не больно ли это?), совсем слегла, должно быть инфлуэнца²³⁵. Глотаю хину и послала за доктором. Подумайте, какое отчаяние заболеть чуть не накануне отъезда! Если завтра доктор скажет, что у меня нет ничего заразного, не дифтерит какой-нибудь, а лишь инфлуэнца – пишу вам второе письмо и буду упрашивать вас навестить меня, ибо и думать не хочу уехать, не простившись с вами. У меня есть еще один четверг, – мы уедем не раньше 31-го, – но до него больше недели!

Душевный привет Николаю Николаевичу. Вернулся ли Дмитрий Васильевич?

Сердечно Ваша

²³² В состав семьи Гиппиус входили мать и младшие сестры Анна, Татьяна и Наталья Николаевны.

²³³ 16 сентября 1897 г. Мережковский писал Перцову: «...наши редакции ее <Гиппиус> боятся» (Русская литература. 1991. № 2. С. 169).

²³⁴ Гиппиус была права. См., напр., обсуждение личного ее расхождения с Волынским в письме Ф. Сологуба к Вл.В. Гиппиусу, процитированном М.Ю. Кореневой (Русская литература. 1991. № 2. С. 164).

²³⁵ Всю зиму 1897–1898 г. Гиппиус была серьезно больна, что заставило Мережковских довольно неожиданно для самих себя отправиться в Италию. Подробнее см. в письмах Мережковского к Перцову осени и зимы 1897 г. (Русская литература. 1991. № 2. С. 170–178).

З.Мережковская.

6.

Воскресенье.

<25 января 1898>

Дорогая Варвара Дмитриевна, у меня была не более как острая инфлуэнца, я почти здорова, но до вторника обречена на сиденье дома. Не заедете ли вы ко мне в понедельник днем? Если нельзя – то вечером, хотя вечером мы будем уже не одни, потому что, кажется, приедут Котляревские²³⁶. Да, я думаю, вы и будете слушать Спасовича в Литер<атурном> Общ<естве>²³⁷. Я бы тоже пошла, если б не докторский запрет. Мы уезжаем в субботу. В четверг я, во всяком случае, буду у вас. Мне хочется, чтоб вы обещали изредка писать мне, ужасно отраднo получать письма в таком далеком заграничном заключении, и ваши письма такие особенно милые и красивые, что дают истинную радость.

Итак – может быть, до завтра?

Привет Николаю Николаевичу.

Ваша Зин. Мережковская.

7

Rome, H<ôtel> Beau-Sité

Via Aurora, 25

8 M<ars> <18>98

Милая, дорогая Варвара Дмитриевна, у меня просто руки опустились, когда я увидела конверт вашего письма. Отчего вы мне не написали подробно, как случилось это ужасное несчастье, почему? Я не видала вашу сестру, но я отлично ее помню по вашим рассказам, я – как это ни странно – даже несколько раз воображала именно ее, когда описывала героинь моих повестей. Я отлично помню, как вы говорили о ее золотых волосах. Напишите мне о ней, я нахожу, что мы должны не стараться забывать наших милых умерших, а говорить и думать о них, поэтому я и пишу вам это, прошу рассказать о ней, не боясь расстроить вас напоминанием. Когда я получила ваше письмо, я сама лежала в постели, у меня чуть не сделалось заражение крови от нарыва на лице, вся левая сторона, даже рука начала пухнуть, было два доктора, один хотел делать перекрестный надрез, а другой решил подождать, что и вышло лучше. Я до сих пор еще не вполне поправилась, хотя повязку сняла. Моя болезнь очень помешала работе Дм<итрия> С<ергееви>ча, теперь он нагоняет потерянное время. Напишите мне, дорогая, сюда, и поскорее, а то мы уедем во Флоренцию, где будем жить – еще не знаю. Здесь же мы попали очень хорошо, в помещение, которое занимал Боборыкин. Воображаю ваше настроенное теперь и состояние духа Дмитрия Васильевича! Скажите ему, что я крепко, крепко жму

²³⁶ Видимо, литературовед, впоследствии академик Нестор Александрович Котляревский (1865–1925) и его жена, актриса Александринского театра Вера Васильевна Пушкирева-Котляревская (1870–1942). Несколько ранее Гиппиус писала о них А.Л. Вольскому: «...все те же люди, с прибавлением Котляревских, кои мне не симпатичны» (Минувшее. [Т.] 12. С. 331).

²³⁷ Русское Литературное общество в Петербурге было основано в 1886 г. Комарова и Гиппиус числились его членами-сотрудниками. Об упомянутом выступлении см. объявление в хронике: «VII обыкновенное собрание (беседа) Русского литературного общества назначено в понедельник, 26-го января, в 8 ½ час. вечера (Невский пр., 85). Предметы занятий: “К.Д. Кавелин”. Личные воспоминания о нем В.Д. Спасовича» (Новое время. 1898. 25 января (6 февраля). № 7871).

его руку, что печалюсь за него от всего сердца. От вас жду скоро хоть двух строчек, пока же еще раз шлю вам мой душевный привет. Поклон Николаю Николаевичу.

Любящая вас

З.Мережковская.

8

24 Марта, <18>98.

Sicilia, Taormina

Villa Guardiola (Reif).

Так давно ничего не знаю о вас, дорогая Варвара Дмитриевна, что решаюсь написать вам несколько строк, надеясь, что вы мне ответите. Мы с вами перед отъездом даже и не виделись как следует, благодаря моей болезни и болезни вашего сына. Я думаю, он уже давно поправился и вы скоро соберетесь в деревню. Здесь, в Сицилии, давным-давно стоит лето, дождливое порою, порою прохладное, но все-таки настоящее лето, весны же здесь, как мне кажется, никогда и не бывает. Настоящая весна только на севере, и сердцем любить мы, я думаю, можем лишь русскую природу. Там только она, действительно, «милая и строгая», как я однажды писала²³⁸.

Что вы делаете? Много ли работаете и окончили ли что-нибудь? Готова ли ваша книга или, вернее, ваши книги? Я пользуюсь преимуществами больной и лентяйничаю, много хожу по горам, без мыслей греюсь на солнце и смотрю на море. Очень хочется быть здоровой и приняться за что-нибудь серьезное.

Здесь мы зажились, потому что попали в прекрасные условия; отельная жизнь утомляет, а у нас прекрасная квартира на вилле, вне города, пять комнат, все удобства самой семейной обстановки. Теормина – удивительное по красоте место. Думаю, что Палермо хуже, хотя я еще его не видала. Муж усиленно занят своим романом, и я весьма одинока, так что мне, привыкшей к петербургским друзьям, которые меня балуют, – порою бывает очень грустно. Обрадуйте меня весточкой с родины, милая Варвара Дмитриевна, напишите побольше о себе. До какого времени останетесь в Петербурге? Как здоровье Дмитрия Васильевича? Душевно приветствую Николая Николаевича, верного друга моих стихотворений. Вас крепко обнимаю и жду двух строк поскорее.

Зин. Мережковская.

9.

Вена, 12 Июня, <18>98

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, вы не поверите, как я была тронута вашим письмом. Хотела бы ответить много-много – но не могу, мы все в переездах, да и не знаю, в деревне ли вы. Черкните одну строчку с вашим адресом в Елизаветино (Балт<ийской> жел. дор.), дача Аврора – я так хочу говорить с вами много и долго. Послезавтра мы возвращаемся в Россию. Я все еще не совсем выздоровела, это невыносимо – быть больной! Обнимаю вас так крепко, как люблю, жду новостей, всегда ваша

Зина Мережковская.

²³⁸ Видимо, Гиппиус имеет в виду слова из стихотворения «Вечер»: «Как никогда, я чувствую – я твой, О милая и строгая природа!»

*Елизаветино,
Балт<ийской> ж. дор.
<дача> Аврора.
17 Июня, <18>98.*

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, наконец-то весточка от вас! Я начинала уже беспокоиться, я знаю, что Николай-то Николаевич наверно в Петербурге и перешлет мое письмо, где бы вы ни были. Нет ничего хуже болезни на свете; воображаю, как вы измучены и расстроены, от всей души вам сочувствую. Напрасно вы думаете, что меня не интересуют «семейные» разговоры: это не семейные, а душевные, а душа милого и дорогого человека, – каковы для меня вы, – это больше, чем интересное, это главное, это все. Если бы моя мать заболела или кто-нибудь из близких, я уверена, что об этом только и писала бы вам и ни на минуту не усумнилась бы, что это вам не покажется скучно. Напишите мне, вполне ли оправились ваши, как чувствует себя вообще Дмитрий Васильевич и собирается ли он нынче куда-нибудь за границу. Мое заграничное лечение, конечно, было оборвано, я чувствовала ясно, что мне следует там остаться хоть до зимы, но что можно сделать против *force majeure*?²³⁹ Надо было вернуться, а вернувшись надо работать, да еще так, как никогда. Я уже и теперь чувствую себя не вполне хорошо, погода стоит ужасная, – и меня мучит мысль, что к зиме опять разболеюсь, а это, правда, теперь невозможно.

Кто вам делал ваш перевод, что вы так должны с ним мучиться?²⁴⁰ Не mlle Julie Загуляева, надеюсь?²⁴¹ Что касается Волынского и Люб<ови> Як<овлевны>, – то я решительно о них ничего не знаю²⁴². Слышала, что Л<юбовь> Як<овлевна> уехала за границу и что журнал приостановила на три-два месяца. Перед нашим отъездом у Дм<итрия> Серг<ееви>ча с Волынск<им> были какие-то трагикомические истории по поводу «Л<еонардо> да Винчи», чуть ли не вызов на дуэль, причем все шло от В<олынского>го, и Дм<итрий> С<ергеевич> прекратил это лишь отсылая все письма нераспечатанными. Но отношения прекращены раз навсегда²⁴³.

Напишите мне о своей книге. Знаю, что в вашем настроении трудно писать, но иногда именно в этом настроении писать бывает необходимо. Я тогда пишу стихи, а вы?

Обнимаю вас от всего сердца, душевный привет Дмитрию Васильевичу и Николаю Николаевичу. Часто ли он к вам приезжает? Пишите мне, порадуете меня очень!

²³⁹ Высшая сила (*франц.*).

²⁴⁰ Судя по всему, речь идет о переводе книги Комаровой о Жорж Санд на французский язык. Он выходил на протяжении долгого времени: George Sand, sa vie et ses oeuvres (P., 1899–1926. Т. 1–4).

²⁴¹ Юлия Михайловна Загуляева (1861– после 1916), публицистка, переводчица, драматург. Во французском варианте книги имя переводчика или консультанта указано не было.

²⁴² Аким Львович Волынский (Флексер; 1861–1926) и Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940), судя по всему, интересовали Комарову как автора журнала «Северный вестник», где Гуревич была основной пайщицей, а Волынский – ведущим сотрудником и своего рода идейным вдохновителем. Письма Волынского к Комаровой – РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 148 (к интересующему нас времени относятся письма 1896–1897 гг.), письма Гуревич к ней – РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 171 (письма 1893–1897 гг. и недатированные). Судя по этим письмам, между Гуревич и Комаровой нередко возникали всякого рода недоразумения, связанные с сотрудничеством последней в «Северном вестнике».

²⁴³ Об истории этого литературного столкновения, вылившегося в долгий разрыв отношений, см. слова Гиппиус в воспоминаниях о Мережковском: «..он <Волынский>, м<ожет> б<ыть>, потому и не напечатал “Леонардо” в своем журнале, что уже тогда задумал сам написать большую книгу о “Леонардо да Винчи”» (Цит. соч. С. 84). Об этом же Мережковский писал Перцову 3 августа 1897: «Ах да, еще последнее сказание о слякоти – Флексер тоже пишет о Леонардо да Винчи – он от меня ни на шаг. И ведь будет наивно (– тоже sancta simplicitas) убежден, что это не я его, а он меня заинтересовал Леонардо» (Русская литература. 1991. № 2. С. 166).

Зин. Мережковская.

11

Ст. Елизаветино, Балт<ийской> ж.д.

Им<ение> Дылищы, д<ача> Аврора.

18 Июля, <18>98

Дорогая Варвара Дмитриевна! Жду не дождусь весточки от вас – а весточки нет. Я вам писала отсюда уже больше месяца тому назад. Не больны ли вы? Или настроение такое плохое, что не хочется сесть за письмо? Тогда скажите только, что вы здоровы, а я терпеливо подожду, пока переменится настроение или пока вы вспомните, что я вам не чужая и что со мной можно говорить даже и тогда, когда тяжело на душе.

Здоровы ли все ваши? Шлю им сердечный привет. Работаю много, но все недовольна. И здоровье мое не позволяет отдаться работе, как нужно.

Обнимаю вас, дорогая, и *непрерывно* жду хоть двух строк.

Ваша

Зина Мережковская.

12

Елизаветино, Балт<ийской> ж.д.

19 Июля, <18>98, дача Аврора.

Дорогая Варвара Дмитриевна, только что отправила вам несколько слов, так как обеспокоилась вашим молчанием, – и сегодня утром получила, наконец, от вас письмо. Вот и вышло, как я предполагала, т.е. что вы были в дурном настроении и потому не хотели писать. Это меня очень огорчает, это значит, что вы относитесь ко мне *внешним* образом, можете говорить со мною лишь тогда, когда состояние духа более или менее равнодушное, когда можно думать о посторонних предметах. И то сказать, ведь вы меня совершенно не знаете изнутри, и даже к Урусову отнеслись с большим доверием²⁴⁴. Я, впрочем, не удивляюсь, что он вам ответил так, как ответил. Я очень люблю Урусова, он чудный человек, незаменимый, когда живет весело и покойно или когда нужно помочь во внешней беде; но со сложными психологическими тревогами я бы никогда к нему не обратилась. Он и в себе их не любит и, наверно, шутит с ними и над ними.

Фельетона Минского я не читала²⁴⁵. Но я вполне согласна с вами, что если он низкопоклонничает перед Толстым, – то он в неправде, хотя ведь совершенно нельзя знать по тому, что он пишет, – что он думает. У него особенная, стихийная неискренность, которая мне даже иногда нравится, как все совершенное. О Львовиче²⁴⁶, по-моему, просто не стоит говорить, до такой степени это мало, случайно и ни к искусству, ни к правде ни малейшего отношения

²⁴⁴ Александр Иванович Урусов (1843–1900), адвокат и литератор. См. о нем подробнее ниже.

²⁴⁵ Речь идет о статье: *Минский Н.* Спор о браке между Толстым-отцом и Толстым-сыном // Новости и биржевая газета. 1898. 2 июля. № 178. В статье сопоставляются повесть Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» и повесть Л.Л. Толстого «Прелюдия Шопена». С Николаем Максимовичем Минским (Вилениным; 1856–1937) Гиппиус связывали сложные отношения, о которых отчасти см.: *Гиппиус З.* Contes d'amour // Возрождение. 1969. № 221. С. 39 и др. Письма ее к Минскому хранятся: ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 205, ныне опубликованы: Литературное наследство. Т. 106, кн. 1. С. 108–397 / Публ. С.В. Сапожкова и А.В. Сысоевой.

²⁴⁶ Лев Львович Толстой (1859–1945).

не имеет. Я вообще против того, чтобы ломать копья над ничтожными и некрасивыми явлениями: их просто не видишь и самым спокойным и праведным образом проходишь мимо. Я бы даже не стала писать и спорить о позднейших произведениях, вроде статьи об искусстве²⁴⁷, и самого Толстого. Зачем унижать гения, – вы совершенно правы, – будем благодарны за то истинно прекрасное и великое, что он нам дал – и пройдем тихо мимо ненужно-жалкого, даже не судя. Я не могу говорить о степени его музыкальности – я не знаю; а последнее время я стала особенно робка в моих мыслях о музыке – я вам скажу, почему. Музыка для меня – одна из великих загадок. Чем больше я о ней думаю – а я о ней особенно думаю теперь – тем меньше понимаю, что это такое. Если это искусство – то почему оно так отлично от других, будто иная, самостоятельная стихия? У меня даже есть теория о невозможности символизма в музыке – я вам ее сообщу в другой раз. Я выросла в особенно музыкальной семье, но потом, войдя в литературу, совсем отвернулась от музыки, отчасти потому, что больше способностей имела к письму, отчасти же намеренно, потому что чувствовала в музыке бездну, в которую нужно броситься совсем, – и бездну, непонятую разумом, а все не ясное (для себя), не уясненное, скорее, – я, по моему характеру, не люблю, потому что оно заставляет меня страдать. В последнее же мое путешествие, нынче весной, я встретила с одной барышней, музыкантшей-композиторшей, с которой мы очень сошлись²⁴⁸. Судьба ее трагическая: она русская, в раннем детстве была увезена из России родителями, бежавшими по политическим причинам в Англию и скоро умершими. Девочка не понимает ни слова по-русски, воспитана церемонной англичанкой. Кончила лондонскую консерваторию, издала уже несколько сборников своих песен, написала четыре симфонии, оперу, дирижирует оркестром и начинает приобретать известность. Но дело не в этом, а в том, что она *волшебна* музыкальна. Никогда я не встречала такого странного существа. Вы не поверите, как она была мне полезна, какие толчки уму в сторону музыки она мне дала. Я ее очень звала в Россию (которую она детски обожает), она должна была приехать, но, кажется, строгая мать-англичанка против этого. Если же это ей удастся, – я бы очень хотела познакомить ее с вами осенью, если вы позволите. У нее будет так мало общества – кто у нас говорит по-английски? – а, конечно, она интереснее Miss Lilian Bell...²⁴⁹. Помните? Вообще же я намерена впустить музыку в свою жизнь этой зимой... и если бы вы согласились немного руководить моим невежеством – вы бы мне сделали большую радость, дорогая Варвара Дмитриевна! Однако лист, как я ни сэкономила, пришел к концу, а другого, ввиду тяжести бумаги, вложить не смею. Пишите мне скорее, какое бы ни было настроение! Я кончила артикль – описание Таормины²⁵⁰, принимаюсь теперь за большую повесть листов в пять²⁵¹. Да где печатать? Для меня нет журналов! Даже «Космополис» в агонии, если не умер, как писал Батюшков²⁵².

²⁴⁷ Имеется в виду трактат Л.Н. Толстого «Что такое искусство?» (1897–1898). Гиппиус вспоминала его, видимо, потому, что незадолго до того Минский написал о нем статью: *Минский Н.* Что такое искусство? гр. Л.Н. Толстого // *Новости и биржевая газета*. 1898. 26 марта. № 84.

²⁴⁸ Речь идет о баронессе Елизавете фон Овербек (1870–1919), с которой Гиппиус связывали довольно длительные (по крайней мере до 1902 г.) и сложные отношения. Сводку сведений о ней, известных по переписке и записям людей круга Гиппиус и ее самой см. в комментарии А.В.Лаврова (*Гиппиус З.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 465–466). Приведем также фрагмент письма Гиппиус к Ф.Д. Батюшкову от 6 августа 1898: «Я, впрочем, тоже увлекаюсь англичанками. Скажите Мих. Н–чу, что для него есть чудная невеста. Сейчас видно, что он для нее именно и рожден. Англичанка – но и русская (говорит только по-английски), музыкантша, композиторша (свой оркестр в Плимуте), спит и видит приехать в Россию и полюбить первого русского, особенно если я посоветую. Имеет 23 года и несколько мальчишескую наружность» (РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 10. Л. 14 об). Приводимые далее фрагменты писем Е. Овербек к Комаровой наглядно свидетельствуют, что она говорила не только по-английски, но и по-французски. Ныне выяснено, что излагавшаяся Гиппиус ее биография была мистификаций. Подробнее см.: *Богомолов Н.А., Соболев А.Л.* Заветный вензель: К биографии Е. Овербек // *Литературный факт*. 2016. № 1–2. С. 311–331.

²⁴⁹ Лицо, оставшееся нам неизвестным.

²⁵⁰ Речь идет о большом очерке: *Гиппиус З.* На берегу Ионического моря // *Мир искусства*. 1899. Литературная часть. Отдел первый. С. 128–174, 186–194.

²⁵¹ Какая повесть имеется в виду – неясно.

²⁵² «Космополис» – международный журнал, выходивший на русском языке в 1897–1898, сперва под редакцией С.Н. Сыромятникова (Сигмы), затем, с мая 1897 г., под редакцией Федора Дмитриевича Батюшкова (1857–1920). Гиппиус сотруд-

До свидания, дорогая, обнимаю вас. Когда же выйдет окончательно ваша книга? Вы слишком работаете. О, я вовсе не счастливая и совсем не молодая! Я даже хочу повесть писать, как люди стареются. Душевный привет Николаю Николаевичу и Дмитрию Васильевичу. Он все с вами? Не поехал нынче на воды?

Ваша Зина М.

13

21 Августа <18>98.

д<ача> Аврора.

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, давно хотела отвечать на ваше милое, длинное письмо – и так много нужно было сказать, что я не могла собраться с мыслями. Очень вы меня удивили, говоря про свою экспансивность; мне казалось, напротив, что вы очень недоверчивая. Да и в этом вашем письме недоверчивость все-таки высказывается. Вы говорите: я сказала *бы*, ... *если бы* я вам рассказала... и т.д. Вы даже не уверены, что я одна читаю ваши письма. Вы Дмитрия Сергеевича считаете за обыкновенного мужа, который читает всякие письма жены, даже его не касающиеся. Но у меня чуть не с детства самое строгое отношение к переписке, и Дм<трий> Серг<еевич> не читает никаких моих писем, начиная с самых безразличных, и привык к этому настолько, что даже не интересуется, от кого я получила письмо. Это уж так заведено, а иначе быть не может. И вы можете быть твердо уверены, что кроме меня никто не увидит ваших строк, – без всякого нарочитого секрета, а потому что письмо, писанное к одному, не может быть читано другим. Я и в других ничего иного никогда предположить не могла, а когда приходилось разочаровываться – сильно удивлялась. Вы пишете тоже, что стали недоверчивы оттого, что женщины вам изменяли. Я помню, вы мне и говорили это. Я тоже всю жизнь боялась женщин. У них есть один недостаток, небольшой, – но особенно важный для крепости отношений – мелочность. Против мелочности я бессильна. Все мои «начала» человеческой дружбы с женщинами кончались знаете как? Милая, сердечно-любезная дама вдруг, при встрече, холодно вежлива или язвительно неумна. «Что с вами?» – «Со мной? Ничего». Видишь безнадежность и отходишь с равнодушной грустью. Потом оказывается, что ей передали, что я о ней в каком-то третьем обществе сказала какое-то слово, которое передававший хорошо не запомнил (а я вовсе не помню), но в котором, кажется, могло быть что-то обидное. Господи! Какое сплетение! Какая скука! Отчего же между мужчинами меньше этих мелочей?! Против таких паутинных войн я бессильна и предпочитаю не сходиться с женщинами вовсе. Да и редко встречаются такие, которым я интересна, обыкновенно они сразу смотрят на меня недоброжелательно. Женскую *измену*, в полном смысле этого слова, я тоже испытала – но я ее искренно простила. Женщина, когда она не человек, а женщина, когда она влюблена и несчастна, – способна решительно на все; я ее прощу – только отойду, чтобы она меня не ушибла, и пережду, пока она не придет в себя. Но я должна сказать, что я все-таки не сразу верю, что женщина только женщина – я хочу каждую считать человеком. Думаю, что и вы тоже, хотя и испытали только разочарования. Мне кажется тоже, что человек не может меняться в глубине своего характера: и если у вас прежде был характер живой, доверчивый и экспансивный, – поверьте, вы и теперь такая; и тем более вам трудно жить в «скорлупе», как вы говорите, – и я это глубоко понимаю. Вот вы говорите тоже, что я такая отделенная от жизни; может быть, я бы хотела быть отделенной – потому что это единственное средство не страдать – но даже и хотела бы только разумом, а не душой. Душой я рада, что я настолько в жизни, чтобы

начала в журнале, опубликовав там два рассказа. Об отношениях Мережковских с Батюшковым см. справку М.Ю. Кореневой (Русская литература. 1991. № 2. С. 175).

понимать боль другого. Да и мир, который создаешь себе, – разве он не связан с жизнью сетью тончайших нитей?

Пишите мне, дорогая, все что вздумается, во все минуты жизни – и будьте уверены, что я вас пойму – иначе, может быть, чем вы сами себя понимаете, но на той же глубине. И когда мы говорим с другим – мы и хотим, чтобы он понял нас по-своему, только чтобы сумел наше принять к сердцу так же близко, как свое собственное. Я знаю и чувствую, что у вас далеко не закрылась та рана в душе, о которой вы пишете; вы мне расскажете ваши мысли, когда захочется говорить, – не правда ли? И бывает иногда, что говорить легче и лучше, чем молчать.

Я надеялась скоро увидеться с вами, а теперь слышу, что вы уезжаете надолго в Париж. Правда ли это? Рада за вас, что вы окончили вашу работу, но не рада – эгоистически – что вы уедете из Петербурга на неопределенное время. Когда это будет?

Меня очень изумило как неожиданность то, что вы собирались на оперную сцену. Как же случилось, что вы туда не попали? Почему вы никогда не поете? Если любят и понимают музыку, как вы, – не жалко ли не отдать ей всю жизнь? Скажите, отчего так не случилось? – Мои мысли о музыке порою продолжают тревожить меня. Отчего вы не поверили, что у меня является вопрос, искусство ли музыка? То есть воссоздание ли это человеком существующих или воображаемых форм жизни, – как другие искусства? Или музыка нечто совершенно особенное, отдельное, непонятное, *сам* обломок недоступного, второго мира, но *сам*, а не символ, как другие искусства? Вы читали «рождение трагедии» Ницше <так!>, – помните там одно удивительное мнение о музыке?²⁵³ Вот в каком смысле я говорила, что музыка мне не кажется искусством наряду с другими. Я не касаюсь вопроса, выше ли она их или ниже; мне только кажется, что она – другое, что-то такое особенное, что мы едва ли можем определить словами.

Где же теперь ваши музыкальные друзья, моя дорогая? Неужели вы их покинули, войдя в литературу? Вот что изменить музыке, забыть ее ради чего-нибудь другого можно – я не верю, я думаю, что это слишком властная царица, и оторваться от нее душой, раз поняв ее язык, – нельзя. И, видите, два *искусства* соединять в себе нельзя; а любить одной душой музыку и литературу – можно; не доказывает ли и это, что музыка – нечто другое, особенное? Конечно, и музыка ревнива, и ей нужна *вся* человеческая жизнь – но ведь гении ей ее и отдавали, и отдают.

Моя англичанка несколько не похожа на Miss Bell (сохрани Боже!). Она молоденькая, не очень развитая, наивная, как только может быть наивна англичанка, и скрытно-восторженная. Я бы очень хотела, чтобы вы послушали ее вещи. Быть музыкальной – еще не значит иметь творческий талант. К сожалению, она все не приезжает, ей никак не дают паспорта, потому что у нее нет бумаг. Это преглупая возня. – Напишите же мне, дорогая, куда, и когда, и надолго ли вы едете. Мы остаемся в деревне еще долго. Я усиленно работаю. Где Николай Николаевич? А Дмитрий Васильевич? Как теперь его здоровье и настроение? Пишите мне обо всем, о жизни и о не жизни... Для меня все соединено в единое, и равно интересует все, что исходит от близких, хороших и милых душе моей людей, какова для меня вы.

Зина Мережковская.

²⁵³ Гиппиус пишет о книге Ф.Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Мысли, о которых идет речь, являются принципиальными для Ницше и повторяются в книге неоднократно, напр.: «...музыка в своей полнейшей неограниченности не нуждается в образе и понятии, но лишь выносит их рядом с собою. <...> Мировую символику музыки никоим образом не передашь поэтому на исчерпывающий лад в слове, ибо она связана с исконным противоречием и исконной скорбью в сердце Первоединого и тем самым символизирует сферу, стоящую превыше всех явлений и предшествующую всякому явлению» (Ницше Фридрих. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 78; пер. Г.А.Рачинского).

14

СПБ

Литейная, 24, кв. 33.

15 Окт<ября> <18>98.

Дорогая Варвара Дмитриевна, откликнитесь, где вы? В Париже, в деревне, на Фонтанке?²⁵⁴ Как ваше здоровье? Я писала вам – и на последнее письмо не получила ответа. Уж не рассердились ли вы на меня за что-нибудь? Или заняты хлопотами о Ж.Занд?²⁵⁵

С нетерпением жду известий.

Ваша З.Мережковская.

15

Литейный, 24. СПБ.

Пятница, 27.11.<18>98²⁵⁶.

Простите, моя дорогая, что не заехала к вам сегодня, как обещала. Чувствую себя не очень хорошо, а ветер злее волка. В будущую пятницу, конечно, приеду – с Mlle Лизой²⁵⁷. Она меня и сегодня очень уговаривала ехать к вам, но я так напугана своим ненадежным здоровьем, что все-таки не решилась. Но неужели мы не увидимся до пятницы? Черкните мне словечко, если не очень заняты.

Душевно ваша

Зина Мережковская.

P.S. Лучше ли Дмитрию Васильевичу? Николая Николаевича приветствую.

16

12 Дек<абря> <18>98 г. СПБ.

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, только сегодня доктор позволил Дмитрию Сергеевичу встать с постели, у него начиналось воспаление легкого, но захватили вовремя. Мне очень печально, что не видала вас так давно, если у вас есть день или вечер свободный раньше пятницы – черкните мне строчку – я приеду к вам. Целую неделю я, почти не выходя, просидела дома. Передала ли вам Лиза мое поздравление и пожелания? Вы были так добры к этой милой девочке, что она бредит вами и уверяет, что никто так искренно и ко мне не относится, как вы. Здоров ли Дмитрий Васильевич? Николай Николаевич, я надеюсь, в цветущем состоянии здоровья, как всегда. Я его еще и не видала.

Жду строчки. Ваша Зин. М.

²⁵⁴ Петербургский адрес Комаровых – Фонтанка, 90. Деревенский адрес – Николаевская железная дорога, ст. Угловка, имение Языково-Рождественское.

²⁵⁵ Имеется в виду издание книги, названной в п. 10, примеч. 2, или ее русского варианта (СПб., 1899).

²⁵⁶ Датируется по не слишком разборчивому почтовому штампу, потому дата может быть определена не вполне верно, однако письмо в любом случае относится к осени 1898 г., когда Е. Овербек была в России.

²⁵⁷ О Елизавете фон Овербек подробнее см. выше, в п. 12, примеч. 5, и далее.

17

10 Янв. <1899>²⁵⁸

Дорогая Варвара Дмитриевна, посылаю вам сонату Лизы по поручению Mrs. Splatt²⁵⁹, она говорит, что вы были такой милой и обещали передать ее Дмитрию Васильевичу. Ужасно тороплюсь, крепко вас целую, до свиданья в среду вечером, да? Постараюсь приехать раньше.

Зина Мережковская.

18

Дорогая Варвара Дмитриевна, вы так исчезли от Анны Павловны²⁶⁰, что я и не видела и поговорить с вами не успела. Не свободны ли вы в эту пятницу вечером? Не приедете ли к нам с Николаем Николаевичем? Размеры нашего ложемента²⁶¹ не позволяют нам никого приглашать, может быть, будут двое-трое, – Урусов обещал приехать, посидеть последний вечер. Жду вас обоих непременно. Увижу вас, вероятно, в Четверг вечером у Дмитрия Васильевича, но пишу заранее, чтобы вы были свободны. Пока – целую вас крепко, от всей души.

Ваша

Зин. Мережковская.

Вторник, 16 Ф<евраля> <18>99

СПб.

Литейн<ый> 24

19

Милая Варвара Дмитриевна, вы меня совсем и окончательно забыли! Я очень огорчаюсь и грустно думаю о том, что вот, и вы – женщина! Я была и больна, и выздоровела, и опять заболела – а вас все нет и нет! Вы были так близко, у Зин<аиды> Аф<анасьевны>²⁶², и не заехали ко мне! Вы знаете, что для вас я дома во все дни недели, – и когда хотите. Ужасно досадно, что нам пришлось выбрать для марксистского вечера – этот четверг; я знаю, что в четверг вечером вы и Николай Николаевич заняты; но, может быть, вы все-таки заедете, хоть ненадолго? Ведь тут так близко! Приезжайте, дорогая! Марксисты будут, если к четвергу не будут в трауре по журнале «Начало», которое опять смертельно заболело²⁶³.

Кончены ли ваши корректуры? Обнимаю вас от всей души, привет всем вашим. Я очень хотела просить и Дмитрия Васильевича к нам, – но не смею, знаю, что это его jour²⁶⁴. Мне очень досадно, право, марксисты капризнее декадентов!

²⁵⁸ Год вписан карандашом неизвестной нам рукой. Однако по смыслу письма оно действительно относится к этому времени.

²⁵⁹ Приемная (?) мать Е. Овербек.

²⁶⁰ Вероятно, имеется в виду А.П. Философова (1837–1912), известная общественная деятельница, мать Д.В. Философова.

²⁶¹ От французского «logement» – квартира.

²⁶² Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941), литературный критик и переводчица, автор работ по истории западно-европейской литературы.

²⁶³ Речь идет о марксистском журнале «Начало», выходившем в 1899 г. и печатавшем роман Мережковского «Воскресшие боги» (под названием «Возрождение»). Всего появилось 4 номера, после чего журнал был закрыт. Подробнее см.: Русская литература конца XIX – начала XX в.: Девяностые годы. М., 1968. С. 419–420

²⁶⁴ День (франц.).

Еще раз целую вас.
Ваша душевно

Зина Мережковская.

30 Марта
<18>99

20

Homburg v<on> d<er> H<öhe>.

19 Июля

1900

Дорогая, милая Варвара Дмитриевна! Я чувствую себя так глубоко виноватой перед вами, что едва смею просить прощения. Но, может быть, вы найдете меня хоть отчасти заслуживающей снисхождения, если я скажу вам, что моя “забывчивость” была исключительно внешней, кажущейся. Я не только не перестала любить вас, я, кажется, ни одного петербургского человека не вспоминала так часто, как вас. Год тому назад, из Гомбурга, я писала вам, но по какой-то случайности письмо не попало к вам в руки или же вы, занятая переездом в деревню, не успели ответить на него, и с того времени переписка сама собой затормозилась, это часто бывает. Сколько раз потом я собиралась написать вам, и из Рима, и из Сицилии, и из Флоренции, – и каждый раз почему-то не приходилось. Я и сказать точно не умела бы, почему. Но теперь, после вашего милого письма, от которого мне стало и совестно, и радостно, – я больше не хочу молчать, и если вы мне не сразу ответите, – напишу еще и еще. Так мало искренних людей, еще меньше искренних отношений. Вы сами знаете это и потому поверите, что я в самом деле дорожу и всегда дорожила нашими с вами отношениями.

О себе подробнее напишу в следующий раз, пока скажу, что сидим мы с Д<митрием> С<ергеевичем> в Гомбурге, где жара и скука, приходится, кроме того, менять квартиру, а уехать куда-нибудь в другое место – нет энергии, ибо мы оба хотим писать, для чего необходимо сидеть на месте. Я чувствую себя недурно, гораздо лучше, чем в прошлом году. Расскажите мне о себе, что делали, что писали, как живетесь? Об успехе вашей книги я кое-что знаю. Что Николай Николаевич? Он в городе? Как здоровье ваших? Сердечный привет им от меня. Не собирается Дмитрий Васильевич за границу, на воды? Жду известий, крепко обнимаю и целую вас. Еще раз спасибо.

Ваша всей душой

З.Мережковская.

Недавно сюда приехала Лиза Овербек. Она кланяется вам, благодарит за письмо. Mrs. Splatt в Россию не приедет, а Лиза надеется видеть вас осенью в СПб²⁶⁵.

²⁶⁵ 15 мая 1900 г. Комаровой из Флоренции написала сама Е. Овербек. Приведем большую выдержку из ее письма, поскольку оно приоткрывает некоторые обстоятельства отношений Овербек и Гиппиус. «Quant à moi, je crois que Mrs. Splatt vous a dit que je demeure avec les Mérejkovskis maintenant? C'est vrai que je n'étais que quelques mois en Angleterre l'été passé et que j'ai rejoint Zina et Dmitry Serg. en Italie cet automne. Nous étions d'abord à Rome, puis nous sommes restés en Sicile pendant trois mois et nous sommes à Florence pour le moment où nous resterons jusqu'au 24 mai, pour aller en Allemagne ensuite; Zina et son mari à Homburg et moi chez des parents à Coblenz. Zina se porte très bien et moi aussi je me porte mieux qu'au commencement de cet hiver. Je voudrais tant, si vous le permettez, vous parler tout à fait franchement de mes plans et mes idées. Vous m'avez témoigné tant d'intérêt amical que j'ose vous regarder comme une véritable amie et je suis sûre que vous me comprendrez. C'est si triste qu'on bonheur soit si souvent obtenu à la condition de souffrance d'un autre; ainsi, pendant les deux années passées j'ai souffert beaucoup à cause de la souffrance que je devais donner à ma mère, qui est si bonne et qui m'a tant aimée. Pendant son séjour à Pétersbourg vous avez probablement senti qu'il existait des relations assez pénibles entre ma mère et Zina, ce qui m'a mis, moi aussi, dans une situation très difficile. Il est impossible de juger ce qui est bien ou mal dans ce cas; chacune a raison et chacune a tort. Le fait est pourtant, que ce deux natures ne peuvent se comprendre et c'est par cela que Mrs. Splatt ne peut plus s'adresser à Zina pour ce que ca soit. Moi j'aime

Пишите мне прямо в Гомбург, без адреса, ввиду перемены квартиры. На почте нас знают.

21

*B<ad>. Homburg
Villa Ernst.
8 Августа 1900.*

Давно бы вам ответила, дорогая Варвара Дмитриевна, но пришлось переезжать на другую квартиру, возня, неустройство, неудобство... Пишу вам, немножко придя в себя. Тут еще смерть Урусова, которая на меня ужасно подействовала. Мы обе с вами его от души любили. Он ни разу не приезжал в Петербург без того, чтобы не провести у нас вечер или два. Это был истинно незаменимый человек, сердце у него было редкое, удивительное. Андреевский писал мне, что перед смертью А.И. перенес невероятные страдания, принуждены были день и ночь смотреть за ним, так как он покушался на самоубийство. Начало последнего припадка болезни доктора просмотрели, приняв головную боль от сорокаградусной температуры за невралгию. За несколько дней до смерти его считали вне опасности. Что случилось в эти последние дни – я не знаю. Причаститься он пожелал сам, он, неисправимый материалист, радостный эпикуреец!

Zina de tout mon coeur et je l'ai peut être vue de plus près que personne; mais j'ai parfois des doutes très fortes si, pour mon art, il est bien que je suis toujours auprès d'elle. Je suis trop faible pour ne pas être avalée par une nature plus forte et je crains que, pour une artiste, la première condition est la liberté, intérieure et extérieure. Zina n'est point de mon avis: elle pense que ce n'est qu'avec elle que je puis me développer et créer quelque chose digne dans mon art. Un des sentiments les plus forts en moi c'est mon amour pour la Russie, ma patrie, et je crains que je commence à confondre un amour pour Zina avec celui pour la Russie. Ainsi, pour être claire sur moi-même je voudrais voir mon pays et vivre la indépendante de Zina, – pour quelque temps seulement peut être, – jusqu'à ce que j'ai reconnu moi-même où est la vraie force. Je m'ai presque pas de connaissances en Russie, mais il me semble que c'est une occasion formidable d'aller maintenant en Russie avec Mrs. Splatt, voir la Russie avec des yeux frais. D'ailleurs, je désire de tout mon coeur d'effacer le souvenir pénible de son premier séjour à Pétersbourg et je crois que je le pourrais, si je vivais avec elle, parmi des gens intelligents et sympatiques qui sont des vrais Russes! Cependant, cette idée, très simple, est difficile à exécuter à cause du caractère exceptionnel de Zina. Elle n'approuve ni comprend une séparation et elle veut que je retourne en Russie avec elle et son mari à la fin du mois le juin. Pour rien au monde je voudrais une rupture avec elle: je l'aime, premièrement; et aussi je lui dois tant de choses, elle a élargi mes horizons comme personne ne l'a jamais pu faire et j'espère toujours encore d'apprendre d'elle. Certes, elle est faible parfois, mais ses idées sont toujours fortes et nobles» (РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 324. Л. 3–4). Перевод: «Что касается меня, то, я думаю, миссис Сплатт вам сказала, что я сейчас живу с Мережковскими. На самом деле прошлым летом я провела всего несколько месяцев в Англии и присоединилась к Зине и Дмитрию Серг<еевичу> этой осенью в Италии. Сперва мы были в Риме, потом три месяца жили на Сицилии, а сейчас мы во Флоренции, где останемся до 24 мая, чтобы потом отправиться в Германию; Зина с мужем в Гомбург, а я в Кобленц к родителям. Зина чувствует себя очень хорошо, и я тоже чувствую себя лучше, чем в начале этой зимы. Я бы так хотела, если вы позволите, поговорить с вами совершенно откровенно о моих планах и замыслах. Вы выказали ко мне столько дружеского интереса, что я осмеливаюсь смотреть на вас как на истинного друга и уверена, что вы меня поймете. Как печально, что счастье так часто достигается ценой страдания другого; так, за два прошедших года я много страдала из-за тех страданий, которые должна была причинить своей матери, которая так добра и так меня любит. Во время ее пребывания в Петербурге вы, возможно, почувствовали, что между моей матерью и Зиной существуют мучительные отношения, что поставило и меня в очень трудную ситуацию. Невозможно судить, кто тут прав или виноват, каждая и права и неправа. Факт, однако, остается фактом: эти два существа не могут понять друг друга и потому миссис Сплатт больше не может обращаться к Зине за чем бы то ни было. Я люблю Зину от всего сердца, и я, может быть, видела ее так близко, как никто; но временами у меня возникают весьма сильные сомнения, хорошо ли для моего творчества, что я все время нахожусь рядом с нею. Я слишком слаба, чтобы не быть поглощенной более сильной натурой, и боюсь, что для художника первое условие – это свобода, внутренняя и внешняя. Зина совсем не разделяет моего мнения: она полагает, что только с ней я могу развиваться и смогу создать что-либо достойное в искусстве. Одно из самых сильных моих чувств – любовь к России, к моей родине, но я боюсь, что начинаю смешивать любовь к Зине с любовью к России. Итак, чтобы ясно понять самое себя, я хотела бы увидеть мою страну и пожить там независимо от Зины, – может быть, лишь краткое время, – до тех пор, пока сама не пойму, в чем истинная сила. У меня почти нет знакомых в России, но мне кажется, что отправиться сейчас в Россию с миссис Сплатт, увидеть Россию свежими глазами – отличный случай. К тому же я от всего сердца хочу загладить тяжелые впечатления от ее первого пребывания в Петербурге, и я полагаю, что смогу это сделать, если буду жить вместе с ней среди умных и симпатичных людей, каковы настоящие русские! Однако эту идею, весьма простую, трудно претворить в жизнь из-за исключительного характера Зины. Она не одобряет и не понимает разлучения и хотела бы, чтобы я вернулась в Россию с ней и ее мужем в конце июня месяца. Ни за что на свете я не хотела бы порвать с нею: прежде всего, я ее люблю; к тому же я ей стольким обязана, она расширила мои горизонты, как никто и никогда не мог этого сделать, и я все время надеюсь еще многому научиться у нее. Конечно, временами она бывает слаба, но мысли ее всегда сильны и благодны».

Какой переворот произошел в нем? Затуманился ли мозг его – или просветлел? Какая во всем этом неразрешимая тайна! Ничто не имеет такой власти над моей душой, как смутная мысль, и мысль об этой тайне:

...И ноша жизни, ноша крестная,
Чем далее, тем тяжелей.
И ждет кончина неизвестная
У вечно запертых дверей²⁶⁶.

Однако письмо мое совсем в минорном тоне. А я хотела еще поговорить с вами о вашей пьесе. Она очень меня интересует. Вот уже год, как я думаю о пьесе, а все не решаюсь написать. Очень это трудно. И риск большой для человека, который живет литературой. Напечатать все-таки легче, нежели поставить. Скажите, где пойдет ваша?²⁶⁷ Суворин мне писал, что он даже премию учредил за хорошую пьесу, а все-таки нет ее²⁶⁸. Представляли ли вы вашу в цензуру? А в комитет? Там ведь теперь молодые люди сидят²⁶⁹. Напишите мне *подробно, подробно* о вашей пьесе, и о заглавии, и сюжете, хотя бы в главных чертах. Как вы справились со сценичностью? – Я написала маленькую пьеску в трех картинах, полуфантастическую, совершенно негодную для русской сцены по цензурным условиям. Ее переведут на фр<анцузский> язык, может быть, пойдет в Париже, хотя вряд ли понравится французам, ибо она даже *без любви*. Нет ни “его”, ни “ее”, а только дети да отшельники²⁷⁰.

Смотрите же, милая Варвара Дмитриевна, жду от вас скорой весточки. Как это Николай Николаевич ухитрился так крепко простудиться? Надеюсь, он совсем здоров. Будете писать Дм<итрию> В<асильеву>чу – кланяйтесь от меня. Что сказать вам о ваших новых знакомых – Щ<епкиной>-Куп<ерник>, Яворской, Арабажине и т.д.? Ничего не скажу: хорошего о них ничего не думаю, а дурное... нужно говорить с осторожностью²⁷¹. Я лично всегда от них дер-

²⁶⁶ Цитата из стихотворения Гиппиус «Крик» (1896). О последних днях и смерти А.И. Урусова, последовавшей после тяжелых страданий 16 июля 1900 г., см. подробнее: Андреевский С.А. Книга о смерти. М., 2005. С. 242–243.

²⁶⁷ Единственная пьеса Комаровой – «Каролина Нейбер», была поставлена Театром Литературно-художественного общества (Суворинским) в 1900 г.

²⁶⁸ См. об этом: «Заседание нашего общества о премиях. Принят проект: 3 премии 1000 руб., 500 и 300. Дирекция выбирает жюри и составляет программу для получения премий» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 368; запись от 18 февраля 1900). Представленные на конкурс пьесы, как можно судить по тому же дневнику, Суворину активно не нравились. Однако пьеса Комаровой была ею не представлена на конкурс, а просто дана Суворину для чтения (Там же. С. 382; запись от 21 марта. Название пьесы искажено). О современном состоянии драматургии Гиппиус писала самому Суворину 24 июня/6 июля 1900 (Литературное наследство. Т. 106, кн. 1. С. 59).

²⁶⁹ Речь идет о Театрально-Литературном Комитете при Дирекции Императорских театров, определявшем пьесы, возможные в этих театрах для постановки. После смерти Д.В. Григоровича в декабре 1899 г. с 8 января 1900 г. в его состав был включен Ф.Д. Батюшков, пригласивший туда и Д.С. Мережковского, а после выхода И.А. Шляпкина в октябре 1899 г. членом стал Д.В. Философов (выбывший, правда, из состава Комитета 10 марта 1901). Следует отметить, что пьеса Комаровой среди одобренных для постановки не числится.

²⁷⁰ Имеется в виду программная для Гиппиус драма «Святая кровь» (впервые: Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901). Там действительно действуют отшельники – о. Пафнутий и его послушник Никодим, а также русалки и ведьмы, которые, однако, могут восприниматься как дети. Ср. начало второй картины, когда о. Пафнутий говорит о русалочке: «Живая! Живая девочка, Никодимушка! Ведь ты ребенка чуть не убил! <...> Девочка, а девочка!» (Гиппиус З. Пьесы. Л., 1990. С. 18).

²⁷¹ Гиппиус пишет об известных петербургских театральных деятелях: Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952) – драматург и переводчица; Лидия Борисовна Яворская (в замуж. кн. Барятинская; 1871–1921) – знаменитая актриса (ее письма к Комаровой марта–ноября 1900 г. – РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 493; из писем Щепкиной-Куперник сохранилась лишь небольшая записка – Там же. Ед. хр. 486); Константин Иванович Арабажин (1866–1929) – журналист, много занимавшийся театральной критикой. Отметим, что в начале 1900 г. Яворская попросила у Мережковского разрешения поставить в свой

жусь подальше, мож<ет> б<ыть>, даже с несправедливой холодностью, но ведь это уж мои индивидуальные ощущения. Напишите мне теперь, что вы сами о них думаете. Романа моего не читайте!²⁷² Там такие неистовые опечатки, что нельзя в руки взять! Я сама дам вам оттиск. Об «Альме» я написала статейку, которая идет в «М<ире> Иск<усства>»²⁷³. А что *вы* о ней думаете? Столько вопросов! Следующее письмо напишу длиннее.

Пока – обнимаю вас от души и прошу, по отношению ко мне, никогда не быть Фомой.

Ваша Зин. Мережковская.

22

V<ad> Homburg

Villa Ernst.

10 Авг<уста> <1>900.

Дорогая Варвара Дмитриевна, только что получила ваше милое письмо и спешу ответить. Я так рада восстановлению отношений между нами, отношений прочных – хочу верить, – ибо они основаны на искренности и бескорыстии, главным образом на искренности. Я хотела бы всегда, при всяких обстоятельствах видеть в ваших письмах (и словах) их прямой смысл, без нужды читать между строками, – как это часто приходится делать с другими людьми – разбираться в намеках и т.д. Я уверена, что если вам что-нибудь не понравится во мне, вы скажете мне это прямо. Я с своей стороны по натуре склонна к откровенности, но люди ее не любят, как я узнала из опыта, а жизнь хорошая школа, которой самое простое благоразумие велит подчиняться. Я готова даже признать, что *излишняя* откровенность не хороша, можно быть искренним *без* нее; но вот тут-то и нужна большая тонкость, чтобы отличить излишнее от необходимого, без которого искренность страдает. Какой у меня противный почерк и длинные периоды! Одно вступление заняло пол-письма. Об Урусове – вы точно подслушали мою мысль. Я именно так, как и вы, объясняла его предсмертную религиозность. Я хотела написать о нем два слова, но на свежей могиле трудно писать, к тому же «Мир Иск<усства>» очень просил Дм<итрия> С<ергееви>ча написать теперь же несколько строк, и я ограничилась лишь некоторым сотрудничеством в статейке супруга²⁷⁴, который теперь по горло занят своей громадной работой о Толстом и Достоевском²⁷⁵. Мне кажется, вы с Урусовым были ближе, чем я. Вы с ним переписывались²⁷⁶, я – никогда, между вами мог возникнуть вопрос, есть ли (или нет их) точки внутреннего соприкосновения, между нами эти точки были очень известны. Глубокая симпатия с моей стороны к нему как к человеку, общие друзья, живые и мертвые, каковы Флобер и Бодлер, и др. Он, я думаю, хотя, конечно, любил меня в ответ на мою искреннюю дружескую любовь, – особенно не признавал меня ни как писательницу, ни как поэтессу. И я с этим всецело мирилась. Моя скромная комната была, как он говорил, «оазисом» для него, где собирались его лучшие друзья и единомышленники, а я была хозяйкой оазиса, вот и все.

бенефис трагедию Софокла «Антигона» в его переводе, на что Мережковский дал согласие. Щепкина-Куперник и Яворская состояли в близкой дружбе.

²⁷² Речь идет, судя по всему, о ранее упоминавшемся романе «Сумерки духа», окончившемся печатанием в июле.

²⁷³ «Альма» – трагедия Н.М. Минского (СПб., 1900), чтение которой в Литературном обществе Комарова в цитированных нами ранее мемуарах вспоминала среди наиболее запомнившихся событий. Статья Гиппиус о ней – «Торжество в честь смерти»: «Альма», трагедия Минского // Мир искусства. 1900. Т. 4. Литературный отдел. С. 85–94. Вопреки самоуничижительному отзыву Гиппиус, статья имела принципиальное для автора значение.

²⁷⁴ Мережковский Д.С. Памяти Урусова // Мир искусства. 1900. Т. 4. Литературный отдел. С. 36–37.

²⁷⁵ Книга Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» (печаталась в журнале «Мир искусства» в 1900–1902 гг.).

²⁷⁶ Письма Урусова к Комаровой (преимущественно на французском языке) за 1895–1899 гг. см.: РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 452.

Видите, пожалуй, у него *со мной* было куда меньше точек соприкосновения, чем с вами, но я этим ничуть не огорчалась, мне казалось, по всяким соображениям, что именно так и должно быть, и я им, Урусовым, радовалась для себя и от себя, не заботясь, доставляю ли я ему собою какую-нибудь радость. Я знаю, что это эгоистично, но как быть, если нельзя иначе? И я в самом деле слишком восхищалась им, каков он был, для того, чтобы его отношение ко мне могло повлиять на нашу дружескую близость.

Я горько раскаиваюсь, что не взяла за границу вашей книги²⁷⁷. Вы знаете, уже полтора года, как я не живу на месте, вечно переезжая, с того дня, как мы с вами виделись в последний раз. В Петербурге я пробыла осенью лишь 3-4 недели, время, чтобы приготовиться к итальянской зимовке. Мы старались взять как можно меньше багажа. Я просила З.А. Венг<еров>у привезти мне вашу книгу в Рим. И, вообразите, она ее привезла! И только сразу объявила, что не даст мне на нее посмотреть, ибо все 10 дней, кот<орые> она провела в Риме, она писала статью об этой книге, статью тоже мне не прочла, не кончила, и увезла и книгу и статью в Ментону. Я даже не знаю, где была напечатана эта статья²⁷⁸. Вы меня ужасно удивили и огорчили известием, что, м<ожет> б<ыть>, не останетесь зиму в П<е>т<е>р<бур>ге! Как это может быть? Не хочу верить. Напишите об этом подробно.

Что касается Яворских, т.е. Барятинских²⁷⁹, — я их, конечно, еще меньше вас знаю. Но так как «знать», даже близких, очень трудно, то я этого и не жду, а просто, для отношений, руководжусь впечатлением. И для того, чтобы сблизиться с кем-нибудь, мне, лично мне, нужно два, хотя бы, отрицательно-хороших впечатления: 1) чтоб не было глупости или пошлости и 2) чтобы не пахло богемой. Яворская, я вижу <?>, увы, не отвечает (на *мой личный* взгляд) ни одному из этих требований.

Приветствую от души всех ваших. Пишите мне, в мою пустыню. Как ни много здесь народа, но я — живу в полной пустыне. Конечно, отдайте пьесу в Комитет! Только выберите удачную очередь. Обнимаю вас крепко и жду строчки.

Ваша З.Мережковская.

23

*Villa Ernst
B<ad> Homburg.
27 Августа 1900.*

Вы не поверите, в какую вы печаль меня погрузили, дорогая Варвара Дмитриевна! Я почему-то ни минуты не верила серьезно, что вы можете покинуть Петербург. Хотя Псков, как вы говорите, еще слава Богу, — все-таки восемь часов езды, и это совсем не то, что жить на Фонтанке.

Я так надеялась, что этой зимой мы будем видаться чаще, у меня были различные планы чтений, особых домашних вечеров, не похожих на петербургские журфиксы, словом, — бездна мечтаний! С вашим отъездом многое изменяется. Не говоря уже о Мите (ничего, что я его так бесцеремонно называю?²⁸⁰) и о Дмитриии Васильевиче, о всей вашей семье, — ведь вы совсем не привыкли к провинциальной, да еще полковой жизни! Я, конечно, тут не компетентна, но

²⁷⁷ Имеется в виду упоминавшаяся выше книга о Жорж Занд (неясно, в каком варианте — русском или французском).

²⁷⁸ Рецензия З.А. Венгеровой на книгу Комаровой нами не обнаружена (в том числе ее нет среди собранных Комаровой вырезок — РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 747).

²⁷⁹ Обыгрывается значительно меньшая известность драматурга и журналиста кн. Владимира Владимировича Барятинского (1874–1941) по сравнению с его женой, Л.Б. Яворской.

²⁸⁰ Сын Комаровой.

«полковая дама», в моих глазах, это до такой степени от вас отличное, вам противоположное, что я не могу сразу усвоить мысли о вашем отъезде, ни вообразить вашей не-петербургской жизни. Пусть Петербург плох, но все-таки тут *лицом* ко всему стоишь, ко всему, что происходит в России, к дурному и хорошему.

Простите, вместо вас, – я начинаю жаловаться за вас. Но уж очень я огорчилась.

Здесь стоит прелестная осенняя погода. Мы думаем выехать через неделю, быть в Петербурге числа 5-го; но, может быть, еще запоздаем, очень ненадолго. Лиза Овербек перевела мою драму на англ<ийский> язык и уехала в Англию с надеждой поставить ее в Лондоне, с музыкой; ибо Mrs Splatt – член какого-то возникающего, очень нового, театрального общества. Или пайщица – ей-Богу, не знаю. Я лично уверена, что ничего не выйдет²⁸¹. – Черкните мне строчку сюда (если скоро). А то – в Петербург. Когда будете в Петербурге, точно? Непременно увидимся.

Обнимаю вас крепко. Сердечно приветствую Дмитрия Васильевича (как его здоровье?) и Николая Николаевича, хотя на него я сердита: ведь это он увозит вас в Псков!!

Ваша З. Мережковская.

24

*Пятница 13 Окт<ября> <1>900
Литейный 24. СПб.*

Наконец-то дождалась от вас знака жизни, милая Варвара Дмитриевна. Очень рада. Постараюсь быть у вас сегодня вечером, только пораньше, часу в девятом, ибо мы еще не привыкли к петербургским порядкам, рано ложимся.

Итак – до вечера.

Всегда всей душой

Зин. Мережковская.

25

*17.12. <19>02.
СПб. Литейный 24.*

²⁸¹ Несколько дней спустя, 31/19 августа Комаровой писала Овербек: «Zina et moi nous avons passé l'été ici à Homburg. Je comptais revenir en Russie avec elle, mais à cause d'affaires à arranger avant de mon départ, je ne peux retourner à St.Pétersbourg avant de la fin de Septembre, ou même Octobre <...> Zina vos a, sans doute, parlé du drame qu'elle a écrit récemment. Il y a une possibilité qu'il soit produit à Londres en Octobre, et c'est surtout pour arranger la représentation qu'il me faut rester ici plus longtemps. Ce drame est tellement fort, tellement nouveau et hardi, qu'il est peu probable que le public anglais le comprendra. Néanmoins, une représentation serait utile, si seulement pour épreuve de la mise-en-scène, etc. Je suis en train d'écrire la musique. – une travail très intéressant, puisque le sujet se prête tant à un traitement tant nouveau dans la musique. Zina a l'espérance que ce drame sera produit à Paris l'année prochaine. Mais, certes, en traduction on perd tant de nuances, tant de finesses. C'était un travail presque impossible que de le traduire en anglais surtout pour moi, qui n'est point "l'écrivain"!» (РГАЛИ, Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 324. Л. 6–7). Перевод: «Мы с Зиной провели лето здесь, в Гомбурге. Я рассчитывала вернуться в Россию с ней, но из-за дел, которые следовало уладить перед отъездом, я не могу вернуться в Петербург раньше чем в конце сентября или даже в октябре <...> Зина вам, конечно, говорила о драме, которую она только что написала. Существует возможность поставить ее в Лондоне в октябре, и именно из-за устройства постановки я должна оставаться здесь дольше. Эта драма настолько сильна, настолько нова и смела, что вряд ли английская публика ее поймет. Тем не менее спектакль будет полезен, хотя бы для пробы мизансцен и т.д. Я готовлюсь писать музыку, – работа очень интересная, потому что сюжет предполагает столько новых трактовок! Зина надеется, что драма будет поставлена на будущий год в Париже. Но, конечно, в переводе теряется столько оттенков, столько изящества. Это будет работа почти невозможная, как перевод на английский, особенно для меня, совсем не "писаки"!».

Милая Варвара Дмитриевна, я так рада вашим строкам. Вы совсем для меня исчезли в пространстве. Не пишу вам больше, ибо не знаю вашего адреса и не уверена, что письмо дойдет. Но на всякий случай спрашиваю, как ваше здоровье? Я слышала, что вы больны. Неужели вы никогда не бываете в Петербурге? Где ваши последние вещи?

Я с осени все прихварываю, дел – куча; у нас теперь начинается толстый ежемесячник «Новый Путь», завтра выходит первая книжка²⁸².хлопот много, – денег мало, энергии – так себе, скорее довольно – а это главное.

Жду вашего отклика, а пока, если позволите, обнимаю вас.

Ваша З. Гиппиус-Мережковская.

26

3 Марта <19>04

Литейный 24. Спб.

Милая Варвара Дмитриевна.

Спасибо, что помните меня, спасибо и за первое письмо, оно меня так тронуло, я хотела отвечать, но вы поймете, что невозможно было. Моя мама умерла внезапно²⁸³. Теперь две мои младшие сестры мои живут у нас. Мы никто всю зиму не можем оправиться от этого удара. Д.С. все недомогает, а я так просто больна и только и делаю, что лечусь. Всю зиму возилась с сердцем, которое совсем отказывалось служить, а теперь открылись «старые раны», – что-то в легких, не выхожу, мажусь иодом и делаю мышьяковые впрыскивания. Все это, конечно, на почве ослабленного организма. Жажу поскорее уехать на Кавказ, хоть месяца на два. Журнальной работы масса, она развлекает, – но уж очень я утомилась, все мы слишком устали.

Присланные вами стихотворения очень недурно переведены, но стихов переводных мы совсем стараемся не печатать, напечатали раз перевод Бальмонта из какого-то нового поэта²⁸⁴, и то, по-моему, напрасно, – Отчего вы нам не пришлете ничего из ваших работ? Пишете ли вы теперь что-нибудь? Что Николай Николаевич, – ведь он не уехал на войну?²⁸⁵ Ох уж эта война! Страшно, говорить о ней не хочется!

Что все ваши? Мальчики, я думаю, большие! Бываете ли в Петербурге? Если черкнете мне еще строчку – буду рада!

Обнимаю вас от души.

Ваша Зин. Гиппиус-Мережковская.

P.S. Пишу без адреса, думаю – дойдет!

27

Милая Варвара Дмитриевна, я тоже страшно, страшно жалею, что не видела вас сегодня, мне столько нужно было вам сказать! И зачем вы пишете такие слова, что боялись приехать не вовремя, вы для меня *всегда* самая желанная гостья. Хотела дать Ник. Мих. первую книжку,

²⁸² О журнале «Новый путь» см. подробнее: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982 (глава написана Е.В. Ивановой). Подробная библиография: *Богомолов Н.А.* Печать русского символизма. М., 2020. С. 94–95.

²⁸³ О смерти матери Гиппиус вспоминала в книге о Мережковском (С. 124–126).

²⁸⁴ Вероятно, имеется в виду подборка К. Бальмонта «Из иностранных поэтов», куда вошли стихи Поля Фора, Уильяма Блэка (Блейка), Тора Ланге и Аугусто Феррана (Новый путь. 1903. Август. С. 122–126). В то время были живы Фор и Ланге.

²⁸⁵ Речь идет о Русско-японской войне.

приготовленную для вас, но так досадую, что не видала вас, что решила уж отдать вам лично. Когда же увидимся? Крепко обнимаю вас.

Ваша душой

Зин. Мережковская.

28

Среда.

Дорогая Варвара Дмитриевна, в тот вечер, как писала вам, – я сама заболела инфлуэнцей с очень высокой температурой, но, слава Богу, без осложнений. Теперь мне уже гораздо лучше, но когда выйду – не знаю. Если доктор позволит – приеду к вам в пятницу, если же не приеду – значит, я под запрещением. О, вот бы я не боялась заразиться инфлуэнцей! Да она и не заразительна нисколько, это в воздухе, теперь все больны. Напишите мне поскорее, как ваше здоровье. Вот от кашля после инфлуэнцы надо беречься. Вашего папу я всегда любила и потому каждый раз я огорчена, когда слышу, что он нездоров. А вы мне и не написали, лучше ли ему! Привет Николаю Николаевичу.

Обнимаю вас.

Ваша Зин. Мережковская.

ПИСЬМА ЗИНАИДЫ ГИПШИУС К В.Ф. НУВЕЛЮ

О Вальтере Федоровиче Нувеле (1871–1949), которого друзья неизменно называли Валечкой, нам, к сожалению, известно гораздо меньше, чем хотелось бы. Его имя постоянно мелькает на страницах различных мемуаров и документов, относящихся к истории русской культуры конца XIX и начала XX века, однако составить себе представление о нем как о личности не так-то просто. И прежде всего потому, что он сам не был творческим человеком, хотя сочинял музыку, кое-что писал (до сих пор полностью не опубликована и даже толком не введена в научный оборот рукопись его мемуаров о С.П.Дягилеве²⁸⁶), был другом музыкантов и художников, писателей и философов. Но ни один аспект его личности не выявился скольконибудь полно и не остался в истории русской культуры.

Доступные материалы рисуют нам самого разного Нувеля. Вот еще в 1897 году он в письме к К.А.Сомову рассуждает об искусстве балета и как о художественном явлении и одновременно о современной его окраске²⁸⁷, – и этот интерес продлится по крайней мере до 1930-х, когда после смерти Дягилева он будет принимать живейшее участие в устройстве судьбы актеров его труппы, а потом начнет работать с труппой балета Монте-Карло. Вот он участвует в организации кружка «Вечера современной музыки» – и в те же 1930-е дружит со Стравинским, составляет музыку для балетов... Вот он входит интимным другом в среду художников-миriskusников – и продолжает дружить с Сомовым и Бенуа еще очень долго. Он мелькает среди посетителей петербургских Религиозно-философских собраний и парижских премьер, в редакции «Мира искусства» и на вечерах у Вячеслава Иванова – одним словом, попадает, как сказали бы нынче, в художественную элиту своего времени. Но в то же самое время он ведет сложные любовные интриги, устраивает свидания приятелей, в круге его общения оказываются люди самого низкого положения и чрезвычайно непритязательные по своим нравам²⁸⁸.

Он всюду свой – и в то же время везде чужой, живущий наособицу, никому не подчиняясь, кроме своих не всегда ясных ощущений. Вот замечательная зарисовка его роли в редакции «Мира искусства»: «Теперь, по словам Шуры <А.Н. Бенуа>, в Петербурге “Мир искусства” представляет такое: монарх – Дягилев, Дима <Д.В. Философов> – рабочий, слепо поклоняющийся первому. Бакст, лебезящий и вторящий обоим. Нурок бесцветен; Валечка индипендантно потирает себе руки, веселясь и сияя, но дела и роли не имеющий»²⁸⁹. Позволим себе повторить цитату, уже когда-то приводившуюся, но слишком уж яркую, чтобы оставить ее без употребления: « Я верю в Валичку, и не то что в композитора Нувеля или магистра графа Новицкого <...> но именно в Валичку, такого, каким мы его знаем, с папироской в зубах, с подергиванием усиков, с судорожным смехом и сентиментальным рукопожатием! Валичка! да это перец, без которого все наши обеды были бы просто хламом, да не только перец или не столько перец, сколько маленькая грелка, ставящаяся под блюда; положим, горит в нем спирт, а не смола, но все же горит, все же пламя есть, а пламя, как в ночнике, так и на солнце – все же пламя, животворящее начало, свет и жар; и спичка может поджечь город и бесконечное пространство леса или степей – и я кланяюсь перед спичкой, перед зажженной. Я вовсе не хочу этим сказать, что я Валичку мало уважаю и отношусь к нему покровительственно; das sei

²⁸⁶ Изложение истории этих воспоминаний и публикацию фрагментов см.: *Виноградова Е.В.* Семья Философовых на страницах воспоминаний о С.П. Дягилеве В.Ф. Нувеля // *Философовские чтения: Сборник материалов первых Философовских чтений*. Псков, 2005. С. 137–152. Первая часть мемуаров ныне опубликована: *Встречи с прошлым*. М., 2017. Вып. 12.

²⁸⁷ См.: Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Воспоминания современников. М., 1979. С. 437–438.

²⁸⁸ Эту сторону жизни Нувеля весьма выразительно рисуют записи в дневнике М.Кузмина 1905–1907 гг. и переписка Нувеля с Кузминым, где разного рода «эскапады» становятся одним из ведущих мотивов.

²⁸⁹ Из письма К.А. Сомова к отцу от 1/13 января 1899 // Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Воспоминания современников. С. 67.

ferne²⁹⁰. Но я хочу этим сказать, что Валичка не костер, каким был Вагнер, и не солнце, как Будда <...> что в Валичке мало материи, которая горит (в нас всех очень ее мало <...>) но что есть, то горит и может поджечь, и я, как истый огнепоклонник, кланяюсь ему и заклинаю его, чтоб он бережно обращался с собой, чтоб не потушить себя, что было бы грустно и для нас и для него. Но, кажется, моя просьба в данный момент mal à propos²⁹¹, так как он не думает потухать, а как раз разгорается все ярче и ярче, что весьма отрадно. <...> Валичка – спирт, это недурно, он, правда, веселый, зеленоватый, издавая легкий гниленький запах, играя – кусливый, но в то же время такой, что к нему серьезно не относишься, хотя он и опасный»²⁹².

И уже гораздо позже, как раз в то время, к которому относится большинство публикуемых нами писем, Сомов пишет своей постоянной корреспондентке А.П. Остроумовой-Лебедевой, давая Нувелю такую характеристику: «Я боюсь признаться Вам, с кем я дружу теперь, – с Валечкой, которого Вы так несправедливо не любите. Я же его очень люблю и ценю. Он мудр, умен, блестящ и зол языком, но доброго сердца, бескорыстен и до конца свободен духом»²⁹³.

Вместе с тем необходимо заметить (это также отражается в публикуемых письмах), что Нувель был не только Петронием, арбитром изящества, каким его нарисовал Вяч. Иванов в адресованном ему послании «Petronius redivivus», но еще и играл существенную роль пропагатора гомоэротических интересов в тогдашнем Петербурге. Конечно, как показывает история, эта сфера никогда не была исключена из городской жизни²⁹⁴, но именно при живейшем участии Нувеля тема получила широкое распространение. С некоторым удивлением А.Н.Бенуа вспоминал, как вернувшись в Петербург весной 1907 г., он застал там нечто совсем новое: «...от оставшихся еще в городе друзей – от Валечки, от Нурока, от Сомова я узнал, что произошли в наших и в близких к нам кругах поистине, можно сказать, в связи с какой-то общей эмансипацией довольно удивительные перемены. Да и сами мои друзья показались мне изменившимися. Появился у них новый, какой-то более развязный цинизм, что-то даже вызывающее, хвастливое в нем. Наши дружеские беседы и прежде не отличались скромностью и стыдливостью, но тогда тон все же был иной, более сдержанный, а главное, такие разговоры в сущности ни на что “реальное” не опирались <...> Теперь же разговоры все чаще стали носить отпечаток пережитой были, личного опыта. Особенно меня поражало, что <те> из моих друзей, которые принадлежали к “сторонникам однополой любви”, теперь совершенно этого больше не скрывали и даже о том говорили с оттенком какой-то “пропаганды прозелитизма”. Наконец самый видный из моих друзей, Сережа <Дягилев>, о котором раньше полагалось лишь “догадываться”, что он презирает женщин и что дружба с кузеном Димой <Философовым> основана не на одной духовной симпатии, теперь, порвав с кузеном, обзавелся юными и очень приятными с виду секретарями. И не только Сережа стал “почти официальным” гомосексуалистом, но к тому же только²⁹⁵ теперь открыто пристали и Валечка и Костя <Сомов>, причем выходило так, что таким перевоспитанием Кости занялся именно Валечка»²⁹⁶.

²⁹⁰ До этого далеко (нем.).

²⁹¹ Некстати (франц.).

²⁹² Из письма А.Н.Бенуа к К.А.Сомову от 10/ 22 июля 1898 // РГАЛИ. Ф. 869. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 83–83 об. Цит. по двум разновременным публикациям: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. С.373 (коммент. И.С.Зильберштейна и В.А.Самкова); Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Воспоминания современников. С. 446–447 (нами унифицировано написание «Валечка / Валичка» в пользу второго как соответствующего оригиналу; в публикуемых письмах также сохранено стабильное написание Гиппиус «Валичка»).

²⁹³ Из письма Сомова к А.П.Остроумовой-Лебедевой от 21 июня 1906 // Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Воспоминания современников. С.94. Значительно позже, 21 июня 1930 г. Сомов почти повторяет эту характеристику в письме к сестре: «Не люблю в нем его апломб, отрицание всего, что ему <не> интересно, даже чего он не может понять. Но он умен и в глубине души добр, даже сентиментален» (Там же. С. 379).

²⁹⁴ См., напр.: Ротиков Константин. Эпизод из жизни «голубого» Петербурга // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. 3. СПб., 1997. Документ, цитируемый в этой статье выборочно, полностью был опубликован в гомоэротическом журнале «Риск».

²⁹⁵ Вероятно, в тексте опечатка и следует читать: «толку».

Эта тема заслуживает упоминания, поскольку в некоторых письмах Гиппиус достаточно откровенно обсуждает проблему гомосексуализма, которая была для нее вполне животрепещущей не только в связи с личностью Д.В. Filosofova (кстати, Нувель был действенным участником вовлечения его в будущий «тройственный союз»), но и по другим интересам. Напомним, что в своем дневнике «Contes d'amour» она записывала в 1899 году: «О, Таормина, Таормина, белый и голубой город самой смешной из всех любовей – педерастии! Говорю, конечно, о внешней форме. Всякому человеку одинаково хорошо и естественно любить всякого человека. Любовь между мужчинами *может быть* бесконечно прекрасная, божественная, как всякая другая. <...> с внешней стороны я люблю иногда педерастов. <...> Мне нравится тут обман возможности: как бы намек на двуполость, он кажется и женщиной, и мужчиной. Это мне ужасно близко. То есть то, что *кажется*»²⁹⁷.

Но все-таки главным, что привлекало Гиппиус в Нувеле, судя по всему, была его заинтересованность в религиозных проблемах, так Мережковских волновавших. Не случайно его имя регулярно встречается на страницах другого дневника Гиппиус, названного ею «О Бывшем» и повествующего о событиях, связанных с основанием и деятельностью той «церкви», которая объединяла очень узкий круг единомышленников и одиночувственников. То, что Нувель получил хотя бы краткий доступ в этот круг, свидетельствует, что на какое-то время он стал близким Мережковским (и, думается, особенно Гиппиус) человеком.

Эта близость особенно сильна была в 1900–1901 гг., когда «церковь» только начиналась, и Гиппиус говорила: «*Сходились тогда*: мы двое, Бенуа, Нувель, Filosofov, Гиппиус и Перцов <...> внутренне различные были *внешне связаны*: Filosofov, Нувель, Бенуа, а внутренне связанные: мы двое и Filosofov – были внешне разделены»²⁹⁸. И тогда Нувель выполнил свою главную для дела Мережковских роль: он помог им обрести Д.В. Filosofova, после чего, судя по всему, отошел от их религиозных интересов, двинувшись в сферу «эстетизма» и собственных жизненных исканий, которые Гиппиус далеко не всегда могла поддерживать. Не случайно в последней своей книге, воспоминаниях о Мережковском, она писала: «Конечно, ни Бакст (лично мы с ним очень дружили), ни Нувель (тоже наш приятель) не могли тоже иметь много связи с занимавшими нас вопросами...»²⁹⁹

Но памятником их общения остались письма.

Не приходится сомневаться, что публикуемые письма Гиппиус к Нувелю являются лишь сравнительно небольшой частью эпистолярия. Прежде всего, конечно, мы не обладаем ни одним письмом Нувеля к Гиппиус, а потому лишены возможности непосредственно оценить ум и острый язык Нувеля. Но и письма Гиппиус сохранились далеко не все. В конце 1901 она в дневнике рассказывала о событиях этого года:

Во время весеннего моего метанья я все старалась обманывать, поддерживать себя мыслью, что в крайнем случае я *уйду от них обоих*, от Дмитрия Сергеевича и от Filosofova. <...> И в эти дни я говорила со всеми, искала огня у всех. Говорила с Минским о нем. Говорила с Нувелем, возвращаясь в белую ночь от Розанова. Нувель мне показался страдающим, и что-то искреннее мелькнуло в нем. Он сказал: «Пишите мне, прошу вас. Мы должны узнать друг друга» <...> В переписке стало все настойчивее выясняться, что для нас главное – не общее, потому что мы говорили мимо друг друга. <...> я уже знала, что для нас Главное – разное <...> *Последнего слова*, однако, с прямотой, словами, не было сказано, т.е. что «нет ничего

²⁹⁶ Бенуа Александр. Мои воспоминания: В 5 кн. / Изд. 2-е, доп. М., 1990. Кн. 4, 5. С. 477.

²⁹⁷ Гиппиус Зинаида. Дневники: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 60–62.

²⁹⁸ Там же. С. 92.

²⁹⁹ Гиппиус З. Собр. соч. Он и мы: Дмитрий Мережковский, его жизнь, его работа. М., 2019. С. 93.

общего», а сделалось так, что прекратилась переписка после нескольких его злых писем, злость под разными предлогами <...> *Нувель* считает себя выше меня, а я – себя выше него. И ничего не будет между нами, так же, как если бы я считала себя ниже его, а он себя – ниже меня. *Он почти страшен* отсутствием понятия о Любви. Жалость ему заменяет любовь. <...> *Влюбленность не связана, вне Бога, с любовью. Так мы разошлись* – и даже не очень честно – до времени³⁰⁰.

Именно к этому времени и относятся сохранившиеся до наших дней письма, которые мы публикуем полностью по автографам (РГАЛИ. Ф. 781. Оп. 1. Ед. хр. 4)³⁰¹. Они в значительной своей части написаны во время пребывания Мережковских за границей. Это пребывание было различным по своему статусу – то поездки для лечения, то отдых, то длительный отъезд с попыткой построить особую интеллектуальную среду, в которой можно было бы отыскивать способы наиболее плодотворного существования³⁰². Такие колебания статуса, на наш взгляд, представляют значительный интерес для изучения жизни русской диаспоры в предреволюционные годы, поскольку могут помочь определить границы между различными типами поездок за рубеж.

Последнее, что нам известно о дальнейших отношениях Мережковских и Нувеля, – некоторые сведения об их встрече в Париже весной 1907 г.³⁰³

В приложении 1 печатаются три письма Мережковского к Нувелю, относящиеся к более раннему времени и непосредственно не связанные с основными темами писем Гиппиус, однако существенные для определения самого духа отношений между Нувелем и Мережковскими как единым целым. Эти письма хранятся в том же фонде: РГАЛИ. Ф. 781. Оп. 1. Ед. хр. 9. Письмо 1 цитировалось в научной литературе³⁰⁴. Приложение 2 составили впервые вводимые в научный оборот письма Нувеля к Д.В. Философову, выразительно рисующие отношения между двумя людьми, небезразличные для верной оценки основного корпуса. Эти письма хранятся: Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky Papers. Box 6. Folder 31.

Приносим искреннюю благодарность хранителю архива проф. Стенли Рабиновичу за помощь и постоянное содействие в работе, а также Институту «Открытое общество» за предоставление гранта для работы в американских архивах (№ НАТ 081).

В п е р в ы е: Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. [Т.] II. С. 303–348.

³⁰⁰ Гиппиус Зинаида. Дневники. Т. 1. С. 106–108.

³⁰¹ Эти письма учитывались историками литературы (в частности, А.В.Лавровым и нами), однако полностью не публиковались.

³⁰² В богатейшей по материалу статье А.Л.Соболева «Мережковские в Париже: 1906–1908» (Лица: Биографический альманах. М.: СПб., 1992. [Т.] 1), на которую мы не раз будем ссылаться при комментировании писем, на наш взгляд, излишне решительно утверждается, что это пребывание было попыткой «уединения втроем».

³⁰³ См. письмо Нувеля к М.А.Кузмину от 8 мая 1907 (Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 250–251); Гиппиус З. Парижская ажанда. 1908 год // Записки отдела рукописей / Российская гос. библиотека. М., 2000. Вып. 51. С. 290 (с характерной формулой: «Гад Нувель безобразил»), 296.

³⁰⁴ Соболев А.Л. Мережковские в Париже: 1906–1908. С. 329; Лавров А.В. Комментарий // Гиппиус З.Н. Стихотворения. СПб., 1999. С. 474.

З. Н. ГИППИУС – В.Ф. НУВЕЛЮ

1

Что есть грех?

В.Ф. Нувелю

Грех – маломыслие и малодержанье,
Самонелюбие – самовлюбленность,
И равнодушное саморасеянье,
И успокоенная упоенность.
Грех – легкочувствие и легкодумие,
Полупроказливость – полуволнение,
Благоразумное полубезумие,
Полувнимание – полузабвение.
Грех – жить без дерзости и без мечтания,
Не признаваемым – и не гонимым.
Не знать ни ужаса, ни упования
И быть приемлемым, но не любимым.
К стыду и гордости – равнопренебрежение...
Всему – покорственный привет без битвы...
Тяжеле всех грехов – Богоубиение,
Жизнь без проклятия – и без молитвы.

2.2. <19>02³⁰⁵

Разберите там, что у вас есть, чего нет: это – грехи вообще и даже считаются таковыми, если и нет на то сознания, т.е. что они – грехи.

Однако, гениальный студент из Москвы! Думаю, что знаю его. Интересный факт³⁰⁶.

З.Гиппиус.

Розановские воскресенья отменены!³⁰⁷

2

Вальтер Федорович, если свободны – приходите завтра (во вторник) вечером. *Не* раут, а лишь двое-трое, для полуприватных-полуприватных совещаний.

³⁰⁵ Стихотворение с посвящением Нувелю вошло в первую книгу стихов Гиппиус. Подробнее см. коммент. А.В.Лаврова (*Гиппиус З. Стихотворения*. СПб., 1999. С.474–475).

³⁰⁶ О ком идет речь, достоверно установить не удалось. Не исключено, однако, что имеется в виду Андрей Белый, начинавший печататься в 1902 г. в журнале «Мир искусства». В первом номере издававшегося Мережковскими журнала «Новый путь» за 1903 г. появилась его публикация за подписью «Студент-естественник»: «По поводу книги Д.С.Мережковского «Л.Толстой и Достоевский»». Гиппиус познакомилась с Белым в декабре 1901 г. в Москве.

³⁰⁷ О журфиксах В.В. Розанова Гиппиус вспоминала в очерке «Задумчивый странник: О Розанове» (*Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица*. М., 1991. С. 316–319).

З.Гиппиус.

25.2.<19>02

СПб.

Люди Божьи и скопцы.

Истор<ическое> исследование

Н.В.Реутского

Москва 1872

Люди Божьи

русская секта так называемых

духовных христиан

И.Добротворского

Казань

В Университетской типографии 1869

Секты

Хлыстов и Скопцов

Исследование

Свящ<енника> Константина Кутепова

Ставрополь Губернский

Типогр. Тимофеева 1900³⁰⁸.

3

Четверг.

30 Мая <19>02

Ура! Я нашла ваши письма! И прониклась к вам нежностью. И жалостью, смешанной с презрением, ко всем людям (себя включая), которые не умеют хранить ничего хорошего, относятся друг к другу легкомысленно и во всякую минуту бросают один другого, как – по английской поговорке – «горячую картофелину». Нет, что-то тут не то. Должно быть, мы не настоящие люди, а так, плесень. Но я еще карабкаюсь, а вы глухо и покорно проваливаетесь. Вы допустили, распустили себя до... вы думаете, я скажу «до греха»? О, нет! До – бездарности. Это самое ужасное самопроклятие. **Всякий** человек – свечка с фитилем, да еще с очень чувствительным. Огонь в мире *есть*, надо только от него не удаляться, а приближаться. Он везде – в бескорыстной человеческой мысли, в случайном порыве, в книгах, в рассветном небе за собором, в желании любви, в действенном страдании, был он и в моих протянутых к вам руках... а вы потушили уже тлевший, м<ожет> б<ыть>, фитиль; вы живете в такой атмосфере бездарности и тупости, что и сами сделали себя бездарным. Последний вечер..... Боже мой! Как все это было страшно! Страшнее, чем вы себе позволяете предполагать. И... знаете что, вы не сердитесь, но иногда мне кажется, что вы... делаетесь некультурным. Почти незаметно наша «культура» переходит в варварство. Каменный век начинается. «Декадентство» – каменный век. Презираю вас (и себя) и поэтому люблю обоих (по вашему рецепту). Хотела бы еще видеть вас. Едем мы в воскресенье. Не зайдете ли как-нибудь?

³⁰⁸ Судя по всему, перечисление книг о русских сектантах, сделанное непосредственно за текстом письма, было связано с готовившейся поездкой Мережковских летом 1902 г. на озеро Светлояр, описанной Гиппиус в очерках «Светлое озеро» (Новый путь. 1904. №1-2).

З.Мережковская.

P.S. И что меня заставляет с вами видаться? Вот уж самое бескорыстное чувство!!
Разрываю конверт. Не приходите, мы таки едем в субботу. А напишите.
Если не зайдете – напишите в Лугу (СПб. губ.) имение *Заклинье*.

4

*г.Луга СПб. губ.
Им<ение> Заклинье.
20.7.<19>02*

Как поживаете, милый Вальтер Федорович? Я нет-нет да и вспомню вас, невольно и бескорыстно (в последнем, впрочем, вы не сомневаетесь). Я ужасно верная, к тому же привычливая, и до тех пор не рву с людьми, пока меня... не намеками какими-нибудь, а определенными словами гулять не пошлют. А вам это делать нет нужды, я вам не сплошь надоедаю, а лишь изредка. – Признаться, имела против вас зуб, да за давностью времени даже и крошечная моя неодобрительная досада прошла, осталось непроходимое (т.е. я хочу сказать «постоянное») доброе и ласковое к вам чувство. Но для порядка вспомню ваш грех: зачем даете всем мои письма читать? Я ваши хоть потеряла было, да нашла, и никто на них взора не кинул. А ими интересовались, наверно, больше, чем моими, – просили и спрашивали. Письмо беззащитно, само за себя постоять не может; поэтому надо ко всяким письмам относиться с особой осторожностью, как к детям. Говорю не только о «секретных», но обо *всяких*.

Знаете ли про наши дела? Слыхали ли, что, кроме журнала, налаживается и «Литературная книжная лавка»³⁰⁹? Уже не только слияние церкви с интеллигенцией³¹⁰, а и литературы с публикой! О нашем блестящем путешествии, «слиянии декадентов-литераторов с народом» – вы, вероятно, слышали в подробностях³¹¹. Мы, приехав, только об этом и говорили, даже Розанов пошатнулся (он и обедал, и спал, и умывался у нас в эти три дня в Петербурге). Д.С. теперь страшно занят мыслью о... вывеске для «Лавки»! Кстати, где Бакст³¹²? Он тоже со мною «обратился» по-вашему, на письма не отвечал и все такое, однако скажите ему, что я его по-прежнему люблю.

Многое имею сказать вам, а потому пока умолкаю, в ожидании отклика. Вы ведь в городе? И в одиночестве? И в обычной гордой радости, что можете быть одиноким? Ну можете; да только нужно ли?

Здесь у нас весьма великолепно.... было бы, если бы не странный дождь и холод. Очевидно, кончина мира.

Ваша З.Гиппиус.

³⁰⁹ Речь идет о подготовке к изданию журнала «Новый путь», начавшего выходить с 1903 г., и о планах создания «Литературной книжной лавки» при издательстве М.В. Пирожкова, с которым Мережковские были связаны деловыми отношениями.

³¹⁰ Имеются в виду Религиозно-философские собрания.

³¹¹ Речь идет о поездке на озеро Светлояр (см. примеч. к письму 2).

³¹² Бакст (Розенберг) Лев Самойлович (1866–1924) – художник, близко знакомый с Мережковскими. Был автором обложки в первом сборнике стихов Гиппиус и ее портрета (см. ниже). Гиппиус написала его некролог «Умная душа: О Баксте» (Последние новости. 1925. 11 января). Ее письма к Баксту 1923 года опубликованы: Теркель Е.А. «Вспоминать свое, бывшее или почти бывшее, – желанное...»: Письма Зинаиды Гиппиус Льву Баксту // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2016. Т. 11. С. 416–433.

5

Пошлите в кассу за билетами, оставленными на *ваши* имя, 5 кресел. Пошлите *до* понедельника, т.е. до дня представления³¹³.

Ваша З.Гиппиус.

11.10.<19>02

6

25.II.1903 (СПб.)

Дорогой Валичка! Как-то вдруг вспомнилось о вас внезапно, о ваших надеждах; о ваших разочарованиях; о ваших ненужных словах и нужных, но никогда не сказанных мыслях. Но что вы? Конечно, хорошо? Ну и конечно – не хорошо?

Ваша З.Г.

Открытка. Почт. штемпель 6-3-03.

7

A<lpes> M<aritimes>

St.Raphaël

H<ôtel> Beau Rivage.

25.3.<19>04

Валичка, милый мой.

Вспоминаю вас часто, сердечно, горячо и глубоко. Я – верная, хотя бы и *в малом*. Мне захотелось написать вам, и я вспомнила, что вы обещали ответить, если я иногда напишу. (Свободно, конечно, т.е. если тоже захотите). В сущности, кажется, что у людей больше друг к другу дурных чувств, нежели хороших; но это неверно. Просто дурные чувства легче *проявлять*, нежели хорошие. А для хороших и слов как-то не хватает, не находишь, точнее, – это первое, второе же – стыдишься их, хотя это безбожно, дико и странно.

Жизнь необыкновенно трудна, – хочешь или не хочешь, признаешь или не признаешь, – все равно. Я предпочитаю не обманывать себя и прямо смотреть этому в глаза. Это все-таки легче. И вам, милый Валичка, труднее, как вы там ни связывайте неприступными «узлами» нить «меж сердцем и сознанием»³¹⁴. Не отвергайте же мою тихую человеческую дружбу, единственную, как я сама единственная во всем мире (и вы). То, что я *вам* могу дать – я не дам никому другому (праздно будет лежать) – и вы ни от кого другого *этого* не получите. Вопрос, значит, лишь в том, нужно ли вам *это мое*, а я думаю, что да, потому что и мне нужно *что-то ваше*.

Здесь холод волчий и мистраль. Я чувствую себя скверно (физически) и очень стараюсь не умереть. Это было бы глупо. Впрочем, если умру *несмотря на старания*, – значит, так

³¹³ Речь идет о премьере «Ипполита» Еврипида в переводе Д.С. Мережковского, которая состоялась в Александринском театре в понедельник, 14 октября 1902 г.

³¹⁴ Отсылка к стихотворению Гиппиус «Узел»: Сожму я в узел нить Меж сердцем и сознанием. Хочу разъединить Себя с моим страданьем. (Гиппиус З. Стихотворения. С. 157). Отметим, что стихотворение впервые было напечатано в 1906 г., а во второй сборник стихов поэтессы вошло с датой 1905, которая уточняется данным письмом.

нужно. Дима³¹⁵ кроток и ясен, отличный у него характер. Ваша сестра (та, о которой вы говорили?) в Ницце, и мы читаем о ее блистаньях³¹⁶. Здесь пустынно, тихо-тихо и дико. Точно на Ривьере. Останемся здесь, пока не оправлюсь немного. Париж я полюбила. Мы наняли квартиру, – Дима вам писал³¹⁷? Я уезжала в таком неистовом напряжении сил, горя и надежды, что меня здесь и не хватило немножко (физически). Ну, до свидания, милый. Если ответите – напишу вам о Бенуа³¹⁸. О новом впечатлении. Обнимаю вас с нежностью.

Зин. Г.

Диме я сказала, Валичка, о нашей с вами внутренней маленькой, конкретной ниточке. О *вашем*. Он *принял* это; хорошо, *как я*.

8

Abbagio

Bellevue.

6 Июня <19>04

Обещала твердо не писать вам – и не исполняю обещания. Ах, милый Вальтер Федорович, мне столько раз хотелось написать вам еще в Петербурге! Особенно в самое последнее время. Так, просто написать, не обязывая вас к ответу, ни к чему не обязывая, а только сказать, что у меня к вам есть в душе неистребимое чувство какого-то не то сочувствия, не то близости, не то не знаю чего, – что-то не материнское, не сестринское, но очень, вполне (и не слишком) человеческое³¹⁹. Если я вас в чем-нибудь виню – то в том, что вы не позаботились преобразить это мое чувство в любовь. Такое преображение было бы к выгоде для нас обоих. И я очень «претировалась»³²⁰ к этому, но ведь одной тут ничего не поделаешь. А теперь в наших отношениях есть что-то даже неестественное. Уж начать с того, что мы оба с вами умные люди и – гораздо больше, в мыслях, согласны, чем хотим это показать. То, что вы со

³¹⁵ Здесь и далее Дима – Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940), публицист, критик, ближайший друг и единомышленник Мережковских на протяжении долгого времени. Нувель был его другом еще с гимназических лет и был в него влюблен. Ср. приводимое в Приложении 1 письмо Мережковского к Нувелю от 14 января 1901, а также Приложение 2. Об отношениях Гиппиус и Философова в наибольшей степени дают представление их письма (часть писем Гиппиус опубликована: *Pachmuss Temira. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972. P. 59–132; Durrant J. Stuart. От эстетики к этике: Новые материалы из архива Д.В. Философова // Europa orientalis. 1994. XIII: 1; Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1997. М., 1998; Переписка З.Н. Гиппиус с Д.В. Философовым (1898–1918) / Вст. ст., подг. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературное наследство. М., 2018. Т. 106, кн. 1: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. С. 586–857) и глава из воспоминаний В.А. Злобина «Гиппиус и Философов» (*Злобин В. Тяжелая душа. Вашингтон, 1978. С. 47–93; перепеч.: Злобин В.А. Тяжелая душа: Литературный дневник; Воспоминания; Статьи; Стихотворения. М., 2004. С. 326–373*).*

³¹⁶ Сведения о сестре Нувеля, имеющиеся в нашем распоряжении, весьма скудны. А.Н. Бенуа писал о ней: «...была у Валечки и сестра, писаная красавица Матильда, но ее я видел в свои юношеские годы всего раза два, так как, выйдя замуж за голландского дипломата барона ван Геккерна (родственника того Геккерна, который сыграл столь роковую роль в трагической дуэли Пушкина), она жила за границей» (*Бенуа Александр. Мои воспоминания. В 5 кн. / Изд. 2-е, доп. М., 1990. Кн. 1-3. С. 488*). 30 августа 1938 г. К.А. Сомов записывал в дневнике: «Вечером Валечка. Рассказ о смерти сестры. Не радуется богатству – слишком поздно» (Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Воспоминания современников. М., 1979. С. 433).

³¹⁷ Квартира Мережковских в Париже находилась по адресу: 15 bis, rue Théophile Gautier (этот адрес типографски отпечатан на почтовой бумаге, которой Гиппиус пользовалась). Они подолгу жили в ней во время своих парижских периодов, а окончательно эмигрировав, поселились до конца жизни.

³¹⁸ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник. Был близко знаком с Мережковскими, часто вспоминал о них в мемуарах (*Бенуа Александр. Мои воспоминания. Кн. 4-5, по указателю*), где есть специальная глава: «Мережковские. Репин. Работа над собранием княгини М.К. Тенишевой». Там, в частности, говорится: «Вскоре у нас у всех (включая Левушку Бакста, который позже нарисовал с Зинаиды Николаевны очень схожий портрет) установились очень дружественные отношения с Мережковскими» (Там же. С. 49). С Нувелем он дружил еще с гимназических лет.

³¹⁹ Отсылка к названию книги Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое».

³²⁰ От «prêt» – готовый (*франц.*).

мною не сообщаетесь – есть некоторый для вас минус (как и, обратно, для меня), ибо в жизни мы со всякими единомысленниками встречаемся редко. Сердцу же моему так часто досадно (чтоб не сказать «больно»), когда я вас вижу, – досадно видеть вас без той радости, которая есть и которая вам могла бы быть доступна (это *знаю*). Досадно – и я рада, что не «жалко»; жалить вас ни за что не хочу.

Иногда я думаю, что ваша маска так приросла к вам, что вы сами считаете ее за свое лицо; но потом думаю, что это неверно. Вы именно за нее не любите себя. Но все это вне, вне, – а как я хотела бы говорить с вами изнутри! В сущности, мы так *никогда* не говорили; я – только думала так о вас, думали ли вы обо мне изнутри – не знаю.

Здесь хорошо, море тихо, лавровые леса тенисты, все уютно, и теперь нам «по возрасту» и отдохновенно! Если вздумается написать – пишите сюда.

Ваша все-таки

З.Гиппиус.

9

23/10 Июня <19>04

Aussee

(Steiermark)

Badehotel Elisabeth.

Прежде всего, не надо разводить психологий. «Если...» «но если бы...» «тогда...» «оказывается...» «и не потому...» «а потому...» «и таким образом...» Ну что за паутина, не дающая вам шагу сделать!

Тем менее она нужна, и ваша «боязнь ответственности» за «мои проклинания» (??!) – что я вовсе вам ничего не предлагаю, никуда вас не увлекаю, ничего вам и не могу *дать*. Легкое, подумаешь, дело – взять и *дать*! «У меня есть радость, у вас нет, потолкуем – авось сойдемся, и я вам этой радости отпущу...» Нет, какое детство! Мне, действительно, досадно смотреть, что вы не имеете радости, которая вам нужна и доступна (и *есть* на свете) – но дать ее вам готовой я не могу, это не «секрет», который можно шепнуть на ухо. Почему я ищу – а вы не ищите? Ищите – и найдете. Ищите, как думаете лучше: один, с друзьями, со мной, с нами – ищите. Это-то уж, кажется, бесспорно, что «каждый ищущий находит»³²¹. Вот единый и главный пункт нашего с вами тут расхождения и наше различие: я имею полное сознание, до чего мне эта радость нужна; вы этого сознания не имеете. Остальные соображения: что, как, могу, не могу – все это уже вторично и даже не так важно. Мы оба голодны, но вы этого знанием о себе не знаете, ну и выходит, что я добываю кое-как пищу, а вы нет, ибо не ищите. Не могу же я кормить вас насильно! Как не могу и есть *за* вас. «Радость» такая вещь, что дается лишь самому тому, кто за нее, ради нее, ей послужил, кто ее любил, это клад, который обернется пылью у вас в руках, если вы будете стоять и ждать, чтобы вам ее дал другой, искавший и жаждавший за вас. Заметьте, я не сомневаюсь в вашей жажде, я только думаю, что вы ее мало сознаете. Я изменила мой взгляд на вас: прежде мне казалось, что вам недостает действия, воли; но – вижу – нет: у вас мало сознания.

Это лучше. Хотя все поправимо, доказательство – это что никогда нельзя «наплевать на себя».

³²¹ См.: «И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам: Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Лк., 11: 9–10).

В минуту пробуждения – напишите. Я тоже тупею здесь немного и вижу какие-то табльдотные сны. Ничего нет, кроме солнца и неба. Мало, мало! Ничего. Потом не будет так. Да, не «веселость» нужна, а нежная и строгая «радость».

Живите. Голодайте. Помните пастора и его вам слова.

З.Гиппиус.

Мне не нравится мое письмо: оно имеет вид очень рассудочного. Но это лишь «вид». Верьте моему и непосредственному к вам чувству, которое, однако, не ставьте мне в заслугу, ибо оно не от моей воли зависит.

10

20 И<ю>н<я> / 3 И<ю>л<я> <19>04

Aussee

Steiermark

B.H. Elisabeth.

Что же делать, дитя мое? Никто не виноват, что вы... слишком тонки для этой жизни. Ваша правда – правда, но однако и она так тонко выплетена, так прозрачна, что ее как будто и вовсе нет. Я неуклонно помню, что жизнь, в сущности, груба и проста (знаю это хорошо), очень часто грубее и проще нашей души; очень часто, в больших кусках, невыносимо скучна. Как же быть? Отказаться от нее – неверно, приспособить ее к душе – как бы не так! Остается приспособливать душу к ней, делать душу менее сложной в ее нежной тонкости; и, вероятно, есть какая-нибудь неизвестная нам мудрость в том, что линии жизни так резки, так прямы и проведены с таким нажимом. Неумолимое что-то, из чего не выкрутишься никакими психологиями. Своя логика. Детски просто: хочешь найти – ищи. Не хочешь искать – проси. Ничего не хочешь – ничего не имеешь. Скучно – скучай. Долго скучай, *вечно* скучай, потому что правда будет *вечно* повторяться (раз она вечная?). Допустим, что у вас и у меня болит живот (pardon, м<ожет> б<ыть>, пример слишком «жизненен» – но тем лучше). Если я приму вместо 10-ти – 20 капель опиума – это, однако, не вылечит вас; да, вероятно, только повредит и мне. Так же и «радость» нельзя найти *для* другого, долго *искав* ее за другого. Т.е., например, я не могу искать за вас, найти и преподнести вам; а, конечно, ряд поколений делает много *за* и *для* следующего ряда поколений, в историческом порядке, очень широко и обще; я все это принимаю. Если бы вы читали Антона Крайнего так же внимательно, как Смирнова, то знали бы, что он стирает разницу по существу между зрителем и автором, исполнителем; и нисколько не умаляет одних перед другими³²². Однако мы слишком близки, чтобы *вы* могли быть зрителем *моей* трагедии. Да и зритель, да и трагедия, да и театр весь, какой бы он ни был... нет, это не пример. А ваша «смелая» фраза: «Надо, наконец, отбросить этот культ личности...» – меня просто огорчила. Как вы скоры на минусы, лишь бы не скучно было, и все новое! «Культ» личности давно отброшен; но все, что мы узнали и сознали о личном, о личности, когда перегнули дугу чересчур в ту сторону, – я не отдам. Мне важно найти ту точку, где личное соприкасается с неличным так, что оба остаются целыми во всей полноте, без всякого минуса³²³. Неужели вам не жаль вечно приобретать – и вечно бросать, выбрасывать за борт? Не обращайтесь

³²² Антон Крайний – псевдоним, которым Гиппиус часто подписывала свои критические и публицистические статьи. Александр Александрович Смирнов (1883–1962) известен как историк зарубежных литератур; в те годы, когда было написано письмо, – начинающий поэт и критик, сотрудник «Нового пути», близкий друг Нувеля. Письма Смирнова к Нувелю публикуются ниже. Судя по всему, речь идет о статье Гиппиус «Слово о театре» (Новый путь. 1903. №8. С. 229–235).

³²³ Речь идет о пристальном интересе Мережковских к проблеме индивидуализма, особенно проявлявшемся в 1890-е. См. в «Автобиографической заметке» Гиппиус: «Меня занимало, собственно, не декадентство, а проблема индивидуализма и все относящиеся к ней вопросы» (Русская литература XX века. М., 1914. Т. 1. С. 176).

внимания на несвязность этого письма. У меня болит голова, в саду шумит дождь – и, мне кажется, письма имеют право быть несвязными. В безупречном письме, искусном, как статья, есть что-то несвойственно-холодное, слишком, для письма, неличное. Самые хорошие ваши письма были нелогичны и несвязны. Знаете, вот вы не хотите «действовать»; а в сущности все время только и делаете, что «действуете». Чем я виновата, что вы не хотите этого сознавать? И от этого ваши действия какие-то недействительные. Ведь не думаете же вы, что «действие» только в том, чтоб стать на колени и говорить молитвенные слова; взять человека за руку и поцеловать его; поджечь дом; убить старуху – и т.д. Что это за *pueril*'ные³²⁴ границы! Да кроме того, вы на все это так же способны, как всякий. Нет, что там о «действиях» говорить! Они, действия, сами по себе _____³²⁵ – впрочем, может быть, ни о чем не следует *так себе* говорить. Я люблю вас грустным; но вы скрываете себя таким, каким я вас люблю. Я думала недавно о том, что «стыднее», – радость или горе, печаль? Пришла к убеждению, что печаль «стыднее», мы ее тщательно прикрываем, без рассуждений, инстинктивно. Почему – много причин. О всех как-нибудь в другой раз.

Ваша З.Г.

11

15–28.7.<19>04

Никогда не было мне так неприятно возвращаться в Россию. Недолго, кажется, мы там наживем. Мы не «служим», как вы³²⁶. А *служить* – надо. До – свиданья!

З.Г.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

12

13.2.<19>06. СПб.

Милый Валичка, вы бы, все-таки, еще зашли ко мне. Когда хотите, я сижу дома и уничтожаю старые бумаги. Днем во вторник только уйду, а вечером дома. Вот во вторник вечером и пришли бы³²⁷.

В вас еще недостаточно сознания, а то вы бы меня именно сознанием, помимо всякой любви, ценили бы для себя. В сущности – никто к вам не относится так, как я; мне, может, единая крошечная точка в вас нужна, которой решительно никому не нужно; она, может, и вам самому кажется ненужной в вас; но это неправда: ею одной вы еще живы, еще человек.

Впрочем, этого не расскажешь да и не надо об этом говорить, потому что слова – сознание, а у нас сознания разномерны. Вы и относитесь ко мне, как хотите, а я уж всегда буду «по-человечески».

Затем до свиданья, если последнего захотите.

Ваша Зин. Гиппиус.

³²⁴ От «*pueril*» – детский (*франц.*).

³²⁵ Так в тексте письма.

³²⁶ Нувель был чиновником Министерства Императорского двора.

³²⁷ В это время Мережковские планировали надолго уехать за границу, в Париж. См. в недатированном письме Гиппиус к Философовой: «Нувель еще придет во вторник» (*Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого. С. 87). Вторник был 14 и 21 февраля, но Нувель, как видно из следующего письма, к Мережковским так и не зашел.

13

Милый Валичка мой, все кончено в смысле предотъездного нашего свиданья. Я уеду неожиданно раньше, чем предполагала, да это и хорошо: я не люблю вокзальных свиданий, органически³²⁸. Ну, Господь с вами. Человеком в себе – чувствую ваше истинно-человеческое. Иногда вспоминайте меня. Иногда я вам и напишу. А что не пришлось еще раз увидеться – ничего. Мы тогда так *хорошо* простились.

Ваша З.Гиппиус.

25.2. <19>06

СПб.

14

Среда

Апр<ель> 1906³²⁹

Милый Вальтер Федорович, вот что я хочу сказать вам. Но сначала – несколько предварительных слов: мне почудилось в понедельник что-то в вас измененное сравнительно с вечером лекции и другим – нашего разговора. Или мне только почудилось? Или с вами что-нибудь случилось? Или – не вернее ли всего – размах маятника в сторону доверия был слишком широк, и маятник непобедимо должен был так же широко отлететь в сторону недоверия? Впрочем, это лишь мало обоснованные психологические догадки, и я готова думать, что я просто перегоняю.

Относительно же главных вопросов (я много и серьезно думала) – пришла я к следующим соображениям. Мы говорили о «христианской» любви, широкой, как вселенная, без ревности, без меньше и больше, – и включающей в себя *все*: влюбленность, экстаз, жертву, целомудрие и сладострастие. Мы с вами говорили, как дети. Ведь надо признаться, хоть с глазу на глаз, что мы только слова соединяем, а в сущности нисколько не представляем себе, о чем говорим, не понимаем, в самом деле, *как* это возможно, и, мало того, никогда до конца не поймем и не представим. Такая любовь – в Христе, в это мы можем верить и хотеть, чтоб было так. Такая любовь и есть Христос, и если она в нем будет, если мы ее в нас захотим даже, – это будет прямо значить, что мы хотим быть Христами. Это не мой, не ваш предел, это *только* Его. Мы не подражать Христу должны, а идти к Нему. И посмотрите: чуть мы начинаем говорить об этой «христианской» любви – сейчас же у нас на уме, невольно, какое-то, хоть маленькое, отречение, оторванность, мучительство жертвы, самоистязание, насильственное стирание личностей – равенство, – и не полнота чувств, а отсутствие чувств. Говоря о такой любви (о настоящей) – мы даже не лицом к ней стоим, а лицом прямо к равнодушию. Лень мысли, гордость сердца, привычная неповоротливость души; – а равнодушие – шнурок, ловко охватывающий этот маленький пакет. У нас все чувства такие, в сущности, маленькие, что если б мы даже и сумели слить их в одно, то никакой настоящей любви бы не получилось, а так, что-то средненькое. И всякие наши чувства мы должны не отуплять намеренно, ради отвлеченных, полупонятных еще целей так, как если бы мы *сейчас* уже могли эту цель схватить, – а, напротив, бесконечно оттачивать, углублять, определять, делать каждую краску ярче, – иначе ведь не будет белого цвета. Мы не только мало верим во Христа, мы ему даже доверяем мало. Говорим: нет,

³²⁸ Письмо написано в самый день отъезда Мережковских во Францию. Подробнее об их подготовке к отъезду см.: *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого. С. 85–87, а о пребывании во Франции: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже: 1906–1908.

³²⁹ Дата проставлена, видимо, рукой Нувеля.

вот ревность, вот корысть, вот я, – не надо ничего, нехорошо, сорву это с души, брошу... Буду светленький, буду пустынький, авось вольется в меня божественное вино... Фу, не то! Неужели вы не чувствуете? Нет, все, что каждому из нас послано, каждая отдельная форма любви или порыва, – пусть живет и растет как можно выше. Это уже хорошо, что послана. Все, что можно привести к Нему, что может жить в душе рядом с Его Именем – пусть живет, а мы будем за этим цветком ухаживать и лелеять его. Горе не в том, что у нас есть какие-нибудь несправедливые чувства, а в том, что все наши чувства какие-то недоноски и на ногах не стоят. Не урезывать их нужно, а доводить до конца, а для того, чтобы все это было к Нему и ради Него – у нас и есть сознание и, пожалуй, любовь к Нему. Наша, не Его любовь, но все-таки любовь. Беда не в том, что я влюблена в Философова, а в том, что я в него совершенно не влюблена (какое бессилие! Где имя Христа – нет влюбленности, а если какой-нибудь Иван Иванович и влюблен отлично, – то, наверно, ему до Христа дела нет. Глубокое человечье бессилие соединения!). Беда не в том, что у вас ревность и корысть, а в том, что у вас очень мало и ревности и корысти. Нет, я не согласна ни на какие минусы, а только на вечные плюсы. Не каждое наше чувство мы должны отдельно преобразовать, а преобразование – это последнее слияние (м<ожет> б<ыть>, недостижимое?) всех наших крайних чувств всего нашего существа – для Христа, ради Христа, в его имени. Вот путь и направление – к Нему с Ним же. А какова дорога и где стены – это другой разговор. Вы, может быть, не согласны со мной, но вы меня понимаете. Боже, какой соблазн это близкое слияние этих крошечных чувств! Я, конечно, еще слабее вас, я рассудочнее вас и прямо не умею любить людей. Еще бы не прийти в уныние! Экстаз мысли, влечение к свету мыслью – все Христу, да, но какое холодное! Ни влюбленности, ни даже плотского желания, ни нежности, ни ревности, никаких страстей. Не клевету ли я на себя и на вас, однако?³³⁰

З.Г.

15

15 bis rue Théophile Gautier

Paris XVI.

10 мая <19>06

Я готова была бы поверить в ваше счастье, Валичка, если бы вы меня так не уверяли. Что делать! Я старый психологический воробей. И на мякине уверений и «веселых» повторений меня не проведешь. Я сейчас же начинаю думать: ну, если он меня, при всей его ко мне небрежности (даже почерк у вас дышит небрежностью) так уверяет – как же настойчиво и непрерывно убеждает он себя, что он счастлив и доволен! Может, и убедил. Настойчивостью можно всего достигнуть... на короткий срок.

Но это не мой генг. Я люблю видеть то, что есть. И даже настолько горда (или презрительна), что не перед собою одним <так!>, но и перед другими не скрываю того, что есть. Что сама вижу, – пусть и другие видят. Это для меня не опасно. Я не могу согласиться бояться чего-нибудь до такой степени, чтобы убеждать себя в несуществовании этого, если оно, пугающее и нежеланное, существует. Хвастаетесь сознанием. И вечно его швыряете собакам. Ваши «искренние» (без иронии!) улыбки. Валичка, очень часто для моих как-никак любящих и потому острых очей – кажутся гримасами. Но... я говорю ведь, дальше черты *вашего* сознания, а потому и в пустоту.

«...Ты волей круг свой сузил...»³³¹ Приветствую в вас волю, – не сознание.

³³⁰ Содержание этого письма близко перекликается со статьей Гиппиус «Влюбленность» (Новый путь. 1904. №3; вошла в книгу: *Антон Крайний* (З.Н. Гиппиус). Литературный дневник. СПб., 1908).

³³¹ Из уже цитировавшегося в письме 7 стихотворения Гиппиус «Узел».

Что касается радости вашей насчет «продажной любви» – то я тоже радуюсь за вас. Не думаю только, что вы в юношу превращаетесь, мне кажется – вы просто начинаете приобретать примитивную культурность, при которой естественно человек не может не зачеркнуть этого для себя. Я даже удивляюсь, что к этой ступени культурности, *для вас*, повторяю, вовсе не столь уж высокой, вы приходите довольно поздно да еще сам удивляетесь. Открыли Америку, что не можете не брать каждый день ванну. Что весьма неприятное ощущение, когда тело грязно. Это и японцы знают – непрерывно купаются.

И ваши романтические приятные вожделения, которые вы воспеваете, тоже не Америка, а просто давно всем известный Гутуевский остров³³². Вы-то, конечно, не имеете права, но с моей точки зрения, пожалуй, можно их противопоставить «продажной любви». Тоже довольно некультурная штука, не по росту для «сознательного» человека. Старо, старо, износилось, клочья летят... а вы радуетесь!!

Ох, Валичка, вы теряете остроту! Вы начинаете пахнуть водой, как годовалая банка с духами, стоявшая без пробки! А вам-то кажется, что нет, – вот беда. И только для тех, кто имеет достаточно тонкое обоняние, чтобы слышать ваш настоящий аромат, – вы не пахнете водой. Только потому, что мне эти ваши улыбки никогда не были нужны – я вам их прощу и тогда, когда они окончательно и явно претворятся в гримасы.

Чтобы утешить вас (знаю, вы *скажете*, что не от чего утешать, ибо я пишу сплошной вздор), – я вам приберегла к концу несколько сплетен.

Бальмонт назначил лекцию³³³. Пришло в винный сарай 600 человек. А Бальм<онт> не явился. Ибо накануне Минский и Бела³³⁴, встретив Бальмонта с «Еленой» (это «метреска», похожая, по уверению Дм. С., на сытую бациллу)³³⁵, повели их в Café Soufflet, где Бальмонт мгновенно напился и стал безобразить; кажется, безобразит и до сих пор, непрерывно. В это же время Бенуа, упорно поезавший на эту лекцию, попал не в 190 номер, а в 110, и стал ночью

³³² Гутуевский остров расположен в дельте Невы, там в конце XIX в. был построен морской порт, что повлекло за собой развитие проституции.

³³³ Речь идет о лекции поэта К.Д. Бальмонта «Флейты из человеческих костей» (опубл.: Золотое руно. 1906. № 6). История, рассказанная Гиппиус, изложена в письмах Бальмонта к А.В. и И.В. Амфитеатровым следующим образом. 24 апреля он сообщил о том, что закончил первую лекцию из цикла «Флейты из человеческих костей», «Поэты Города» и «Поэзия Космогонии». Однако 19 мая ему пришлось оправдываться: «Я давно не испытывал такой радости, как дописывая последние строки «Флейт». Я был счастлив, что на другой день должен был их читать. Но, очевидно, марево овладевает мозгом, когда менее всего этого ждешь. Я не чувствую никакой вины, я чувствую лишь тоску, что это случилось так». На следующий день (видимо, получив письмо от И.В. Амфитеатровой) он писал ей: «...Вы не вполне поняли одного простого обстоятельства: обмана никакого не было, желание читать было, лекция была готова, но, переутомившись, я надорвался, захворал и читать не мог. Вы понимаете: не мог. Почему Вы испытываете «стыд», я не очень разумею. Если оттого, что несколько человек попросили денег на трамвай, я жалею, что Вы самым простым образом не дали им этих денег. Хотя я считаю, что болезнь есть вещь уважительная, я бы с удовольствием уплатил этот расход, и, если лекция моя не может состояться, я охотно уплачу стоимость найма зала. Высказав Вам сожаление о том, что лекция не состоялась в должный срок, я чувствовал не «личную неудовлетворенность», как подумали Вы, а сожаление, что эта лекция, которая была так исторгнута из души, не была прочитана людям, которые от нее, быть может, стали бы немного красивее. Что касается окружающих меня, они умеют именно и о других думать, но устранить неизбежное – это вне воли и близких и далеких. Во всяком случае, я радуюсь, что они испытывали боль, а не стыд» (*Бальмонт К.Д. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992. С. 403–404 / Публ. В. Крейда*).

³³⁴ Поэт Николай Максимович Минский (Виленкин, 1856–1937) и его жена, поэтесса и переводчица Людмила (Изабелла, в бытовом общении – Бела) Николаевна Вилькина (1873–1920). Минского и Гиппиус связывали долгие и сложные отношения, нуждающиеся в детальном описании. Переписка Гиппиус с ним: Литературное наследство. Т. 106, кн. 1. С. 108–397 / Вст. ст. и примеч. С.В. Сапожкова; сост. и подг. текста А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова. К Вилькиной Гиппиус относилась с ревнивым интересом и весьма неприязненно.

³³⁵ Многолетняя любовница Бальмонта Елена Константиновна Цветковская (1880–1943). См. о ней: *Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997. С.365–376* и по указателю. О ее внешности в 1905 г. очень схоже вспоминал А.Н.Бенуа: «... вместе с нами поселилась еще поклонница – муза поэта – молодая барышня, фамилии которой никто из нас не знал, но которую принято было означать одним только именем – «Еленочка». <...> Поэт неустанно и очень быстро шагал по всей местности, никогда не останавливаясь, закинув гордо голову и глядя в небо; за ним легкой поступью едва поспевала в своей развевающейся тальме шупленькая Еленочка, производившая на нас скорее впечатление жертвы» (*Бенуа Александр. Мои воспоминания. Кн. 4-5. С. 425–426*).

(было поздно) ломиться к *épiscier*³³⁶, безобразя на тротуаре, полном апашей³³⁷. Пригласили мы анархиста³³⁸. Оказался не то буддистом, не то болваном. Позвали просто француза: сидел до такой степени, что мы все (честное слово) сошли на несколько времени с ума. Не знаем, кого приглашать. Что в Бердяева не влюблены – я это понимаю³³⁹. Я тоже не могу в него влюбиться. У нас ведь с вами всегда была немножко *параллельная физиология*. Хотя Смирнов... нет, нет, отказываюсь и от параллелизма. Нет места, а то бы еще посплетничала.

Ваша Зин. Г.

P.S. Нет, я вам 3 раза писала, это четвертое. Послушайте, пришлите мне роман Кузьмина <так!>³⁴⁰. Я вам его верну.

Дима ваши письма получил.

16

<Печатный адрес³⁴¹>

16 Mai <19>06

Милый мой Валичка! Не смущаясь нисколько вашим молчанием, пишу вам третье по счету письмо, ибо третий раз испытываю желание говорить с вами. Вероятно (по естествен-

³³⁶ Бакалейщику (*франц.*).

³³⁷ Об отношении А.Н.Бенуа к Бальмонту см. в его воспоминаниях: «Должен сказать, что и в трезвом виде Константин Дмитриевич не был мне приятен. Отталкивающее впечатление производила на меня одна его наружность <...> Его манеры напоминали актера, играющего роль ловеласа-бреттера. При этом высокомерная гримаса, нескрываемое выражение какого-то своего безмерного превосходства над другими» и т.д. (Там же. С. 426).

³³⁸ О встречах Мережковских с представителями различных французских политических течений, в том числе с анархистами, см.: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже. С. 341–344. Сама Гиппиус вспоминала об этом времени так: «...у нас было три главных интереса: во-первых, католичество и модернизм (о нем мы смутно слышали в России), во-вторых, европейская политическая жизнь, французы у себя дома. И наконец – серьезная русская политическая эмиграция, революционная и партийная <...> С французами вначале мы виделись все-таки меньше. Увлечение Д.Ф. синдикализмом послужило нам к знакомству с г. Лагарделем, очень известным тогда синдикалистом. Молодой, статный, чернокудрый и чернобородый, он был очень приятен особой живостью и своими зажигательными речами» (*Гиппиус З.* Собр. соч. Т. 16. С. 257, 259). Ср. также: *Павлова М.* Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Филосовов Д. Царь и Революция. М., 1999). Несколько подробнее о своих беседах с анархистами Гиппиус рассказывает в письме 17.

³³⁹ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – философ, в середине 1900-х входил в круг близких знакомых Мережковских. Подробнее см.: *Бердяев Николай.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 126–131; *Вадимов Александр.* Жизнь Бердяева: Россия. Berkeley, 1993 (по указателю); Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // Минувшее. [Т.] 9. Paris, 1990. Ср. обобщающую характеристику их отношений со стороны Бердяева: «Прожил четыре месяца в Париже, а теперь опять вернулся в деревню. В Париже жизнь была внутренне интересной, особенно важно и значительно было мое общение с Мережковскими. Все почти время мы очень жестоко полемизировали друг с другом, спорили и даже ссорились, но то было поучительным столкновением людей, которые находятся в одной плоскости и живут одними интересами. Обзывали они меня и православным, и консерватором, и спиритуалистом, и индивидуалистом, а я ругал их за ложное отношение к революции, за разрыв с религиозным прошлым, за склонность к сектантскому самоутверждению. Но эти споры и ссоры были значительны и много дали» (Письмо к В.И.Иванову от 22 июня <1908> / Публ. А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 133; цитировавший с некоторыми разночтениями это письмо А.Л. Соболев датирует его 28 июня (Мережковские в Париже. С. 369). К сожалению, мы были лишены возможности сверить текст с оригиналом, дабы устранить разноречие). Нувель часто сталкивался с Бердяевым во время собеседований на «башне» Вяч. Иванова.

³⁴⁰ Речь идет о романе Михаила Алексеевича Кузьмина «Крылья» (первая публикация: Весы. 1906. №11). Завершив работу над романом (или, скорее, в современной терминологии, повестью) осенью 1905 г., Кузьмин довольно широко читал его знакомым, причем Нувель, слушавший чтение еще 10 октября 1905 г., был одним из активных его пропагандистов. См.: «Нувель приходил узнать, куда я скрылся, просит позволения сегодня читать “Крылья” [Дягилеву, Филосовову, Баксту] кому-то» (*Кузьмин М.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 82. Фамилии, заключенные в скобки, в оригинале зачеркнуты). Об отношениях Кузьмина и Нувеля см. в публикации их переписки: *Богомолов Н.А.* Михаил Кузьмин: Статьи и материалы. М., 1995. Прочитав роман (уже в печатном виде), Гиппиус отнеслась к нему крайне негативно (см.: *Антон Крайний.* Братская могила // Весы. 1907. №7. С. 56–63).

³⁴¹ Здесь и далее – см. примеч.4 к письму 7.

ному закону), это желание будет являться все реже (ничто не может упорствовать в жизни без поощрения) – но пока – оно есть.

Все петербуржцы в экстазе и страстях: солнце сияет, штандарт скачет, Кареев развевается, кадеты торжествуют³⁴². Отчасти есть какое-то глупое чувство зависти (а может, и не глупое) – и Париж кажется уныл. Но особенно унылы русские, – наша, близкая всем нам братия. Обшарканный мэно-социалист Минский, ждущий амнистии (и кой черт он из нее получит?) и не знающий, что ему делать «со своей девой», которую никто замуж не берет – философией мэонизма³⁴³. Склонный с горя (или по легкомыслию) начать сызнова ухаживать за мной. Бела, ввапшая уже в кретинизм от страха ко мне, назначающая напрасные свидания Дм. С-чу в Café Soufflet³⁴⁴. Бальмонт, серый и злобный, без всякой игры (стоит быть Бальмонтом, чтобы ютиться все-таки со своей седой и унылой Екатериной³⁴⁵, а «метреску-Елену» – как говорит жена – селить в пансионе рядом!). Наконец, Бенуа, у которого мы с Димой были в прошлое воскресенье. Сегодня он у нас обедает между каким-то концертом с Нуроком³⁴⁶ (сего не видали!) и лекцией Бальмонта «О мертвых костях»³⁴⁷. Ну, мы на эти кости не пойдем. У

³⁴² Речь идет о созыве 1-й Государственной Думы (начало заседаний 27 апреля), большинство которой составляли кадеты. Николай Иванович Кареев (1850–1931) – знаменитый историк, был членом партии кадетов и депутатом 1-й Думы. Ироническая фраза Гиппиус – перефразировка известного места из гоголевского «Ревизора»: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...»

³⁴³ О Н.М. Минском см. письмо 15, примеч. 3. «Мэонизм» – его философская теория, к которой Гиппиус относилась с большим скептицизмом. См.: «Мэонизм» Н.М. Минского в сжатом изложении автора // Русская литература XX века. Т. 1. С.364–368. В Париже Минский скрывался от преследований за активное участие в деятельности петербургской социал-демократической газеты «Новая жизнь»; Мережковские считали его революционные настроения несерьезными и скоропреходящими. В письме к Брюсову от 11 мая 1906 г., вскоре по приезде в Париж, Гиппиус писала: «Видели “эмигрантов”. Одинокого романтика, злобного идеалиста от мэонов...» (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 130 / Публ. и подг. текста М.В. Толмачева; коммент. Т.В. Воронцовой).

³⁴⁴ Об отношениях Мережковского и Л.Н. Вилькиной в 1905–1906 гг. см. его письма к ней (Публ. В.Н. Быстрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994). Для характеристики этих отношений весьма показательно несколько более позднее письмо Минского к Мережковскому, которое приведем полностью: 23 апреля <19>07. 13. Henry Monnier Дорогой Дмитрий Сергеевич, На днях я писал Дмитрию Владимировичу, прося назначить мне свидание по «конфиденциальному» делу и ответа на свое письмо не получил – не хочу думать, почему. А конфиденциальное это дело заключалось в следующем. Я хотел через Д<митрия> В<ладимировича> просить Вас, в случае, если Вы изменили свое мнение о стихах Л<юдмилы> Н<иколаевны> (Вы прежде, кажется, отзывались о них с некоторым одобрением?), не писать о них вовсе. Почему у меня явилась мысль о том, что Вы можете отнестись к стихам Л<юдмилы> Н<иколаевны> отрицательно, – не смогу Вам сказать, не знаю сам. Что-то было в Ваших словах, в Вашей улыбке в последний раз, что меня обеспокоило. Сознаюсь Вам, что пишу это письмо с некоторым насилием над самим собою; мне было бы гораздо легче просить Вас не непосредственно, а через Д<митрия> В<ладимировича>. Как-то странно мне говорить с Вами о критических отзывах. Но вы ведь знаете, что лично я ни от какой критики ни полемики не бегу, а, наоборот, иду им навстречу. Если бы дело касалось тут Ваших убеждений или если бы Вы по обязанности должны были давать отзывы о новых книгах, я, конечно, никогда не решился бы просить Вас о чем бы то ни было. Но в настоящем случае речь о Вашем отзыве зашла только по моей просьбе, и, сознаюсь, мне бы было мучительно думать, что по моей же воле появится о стихах Л<юдмилы> Н<иколаевны> отрицательный отзыв, который ее так сильно огорчит. Мне было бы больно, если бы Вы ее огорчили, и еще больнее, если бы я сам был тому причиной. А Вы, вероятно, знаете, что значит для русского писателя критический отзыв, подписанный Вашим именем. Ваше признание или Ваше отрицание имеет в русской литературе почти абсолютное значение. Мы с Вами вместе начали свою литературную деятельность и долгое время шли почти рядом. Так вот, во имя прошлого прошу Вас не написать о Л<юдмиле> Н<иколаевне> ничего, что могло бы ее огорчить. Это не значит, что я прошу Вас говорить то, чего Вы не чувствуете. Такая просьба была бы смешна и оскорбительна. Но я прошу только в случае, если Вы относитесь к ее стихам отрицательно, не писать о них вовсе. Скажу по правде, мне ее стихи очень нравятся, но, может быть, я в этом деле не судья. Искренно Ваш Н.Минский. Само собою разумеется, что Л<юдмила> Н<иколаевна> не имеет ни малейшего понятия о моей прежней просьбе и теперешней. (Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky Papers. Box 4. Folder 40). В качестве комментария отметим, что никакой статьи о книге рассказов и стихов Вилькиной «Мой сад» (М., 1906) Мережковский не написал.

³⁴⁵ Имеется в виду Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт (1867–1950), вторая жена К.Д. Бальмонта. В продолжении цитированного выше письма к Брюсову Гиппиус сообщала о визите к Бальмонту: «Идя к нему – ждали Елены, но к печали увидели грустную и седую Екатерину. Бальмонт без игры и тоже злобноват» (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 130).

³⁴⁶ Нурок Альфред Павлович (1860–1919) – музыкант, музыкальный критик (печатался преимущественно в журнале «Мир искусства» под псевдонимом Силен), по службе – ревизор Государственного контроля по Департаменту армии и флота.

³⁴⁷ См. примеч. 2 к письму 15.

Бенуа такая миквица³⁴⁸, что мы к концу визита почти сознание потеряли. Что от него требовать после этого? Кишение детей в крошечной квартирке, среди пыли, беспорядка и грязи обзьяны, которая непрерывно пищит, непрерывно мучимая детьми, как ни зычно кричит Анна Карловна³⁴⁹, «вполне посвятившая себя детям». В столовой же и брачная постель, накрытая турецкой шалью; постель, пожалуй, достаточно широкая для поцелуя, но отнюдь не для сна двух индивидуумов. Вашего возлюбленного Смирнова (он там) я не видала, но он «друг детей» Бенуиных. По-моему – мертвая собака³⁵⁰! Извините.

У нас чудесное «хозяйство». Ничего нет, в салоне – только ящики, но просторно, чисто, культурно и светло. Целыми днями не видаемся. Чтобы пройти к Дм. С. – мне нужно победить массу пустого пространства. Вообще живем в наивысочайшей роскоши. Мебель (minimum) только салонная. Под балконами платаны, совсем еще весенние. Но при этом романтизма в нашей жизни никакого; я и ненавижу его³⁵¹.

Вас, кажется, Бердяев возлюбил, Валичка? Правда ли? А вы его, тоже? Или нет?

Простите... или нет, извините это сплетническое письмо. Что Бакст? Он все зовет Белу «на родину». Не стал ли кадетом? Ну, довольно, однако. Все-таки жду поощрения.

Зиночка.

17

<Печатный адрес>

19 Июля <19>06.

«Дима совсем перестал писать. Напишите, пожалуйста».

Ах, Валичка! Вы знаете, как я уважаю ваш верный интерес к Диме, но все же я не могу согласиться не существовать, – даже и для вас. В данном случае вы погрешили против Канта: сделали меня средством, а я человек. Следовало бы наказать вас, написать вам длинное метафизическое письмо о собственных моих отвлеченностях... но я не зла и сострадательна. Да и письмо ваше такое забавное и остроумное, что я объективно прочла его с удовольствием. Дима не с меньшим, я думаю. Послезавтра мы едем в Бретань, в какую-то дыру³⁵², откуда пришлю вам карточку с адресом, даже если бы Дима не прислал. Я уж верная, и вы это отлично знаете. За неимением непосредственных известий – все-таки и я могу служить.

Никого из вам известных людей не видим, да и вообще последнее время мало кого видим. Париж пустеет. Особенно русских мало. Но мы (главным образом, Дима) заняты анархистами-либертэрами³⁵³. Кроме Армана и его кружка (эти наши общие и бывают у нас) – Дима

³⁴⁸ Миква – священное место для ритуальных женских омовений в иудаизме. Неоднократно и подробно о микве писал В.В. Розанов (см., напр., большую работу: Юдаизм // Новый путь. 1903. №7–12). Тоже в переносном, но несколько ином значении слово употреблено Д.В. Filosoфoвым в письме к Гиппиус от 27 февраля (н. ст.) 1906: «Доползли до Франкфурта. И здесь есть миква, русский консул, женатый на сестре Саши Ратькова» (*Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого. С. 86).

³⁴⁹ А.К. Бенуа (урожд. Кинд; 1869–1952) – жена А.Н. Бенуа. В семье Бенуа было трое детей.

³⁵⁰ Перефразировка библейского изречения: «Живая собака лучше мертвого льва» (Еккл. 9: 4).

³⁵¹ Описание квартиры Мережковских на rue Théophile Gautier см. в воспоминаниях Гиппиус (Собр. соч. Т. 16. С. 153) и в письме к Брюсову от 11 мая 1906: «Теперь мы в Париже, пока радуемся ему и нашему оригинальному новому хозяйству (квартира дорогая и громадная, а мебели всего – 3 постели, несколько кухонных столов и 2 соломенных кресла!) и похожи, по настроению, на молодоженов. Новый способ троебрачности» (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 130).

³⁵² Лето 1906 г. Мережковские провели в разъездах, но здесь имеется в виду местечко Fouesnant (департамент Finistère), которое Мережковский описывал так: «Я живу в крошечной бретонской деревеньке на берегу Океана. Тихо и пустынно. Только шум океана и ветра в придорожных деревьях» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С. 247).

³⁵³ См. в письме Гиппиус к В.Я. Брюсову от 3 июля 1906: «...знаете ли вы любопытнейшую... ну, скажем, “фракцию” – анархистов-либертэров? Это анархисты не бомбисты, а вместе с тем не крапоткинцы и не толстовцы. Много наивного, но так молодо, живо, огненно, и столько движения, что нельзя устать их созерцать. Сознаюсь, есть у меня в отношении к ним нечто сходное с отношением к светлоозерным сектантам, очень “наблюдательное”, но очень приятно-наблюдательное. Я

ходит во все отъявленные <так!> редакции и грызет Жанов Гравов и т.п.³⁵⁴ Д.С. пишет статью для сборника³⁵⁵, а мы с Димой ругаемся и спорим о синдикализме, причем он мне доказывает, что я ничего не знаю, а я ему – что он ничего не понимает. Часто после столь плодотворно проведенного дня мы вместе отправляемся – кто в Marigny, кто в иного сорта «притон», кто просто на бульвары. Меня один раз Д.С. поймал на бульваре в непоказанный час и долго бранил, что я попаду в участок и «опозорю его имя». Но я твердо верю, что мой дух парализует мою юбку – раз, и что даже если бы и не для всех, то и с «женщиной» беды не случится, если она к ней не стремится.

Ах! Видели Сержа Волконского³⁵⁶, Дима встретил его на бульваре, а потом он у нас был (М<ожет> б<ыть>, Дима вам писал уже?). Ходячий ужас. Заживо разлагается, равно плотью и духом. Этот не из «ничтожных», как вы (помните мою терминологию «научную»?), а из «несчастных». Не первый он разлагается на моих глазах. Но – извините, Валичка, – по науке выходит, что и «ничтожные» недалеко уехали. Страшно много любопытного я тут узнала через Мечникова³⁵⁷ и моего доктора, который лечит мою съехавшую с места почку.

Чулкова не читала, но буду читать и даже ругать в «Весах»³⁵⁸.

Раньше времени не злорадствуйте, Валичка, читая описание нашей парижской жизни. Сначала подумайте, может быть, что это я все просто для вашего утешения написала, из жалости. Я ведь добренькая!

Зин. Г.

им сочувствую, я их понимаю, я признаю *все*, что они признают, все принимаю, но... но... мне жаль даже – и однако мне этого “всего” до такой степени мало, что и говорить не о чем. <...> И все-таки эти люди самые интересные и живые. Их и “литературу” их теперь мы изучаем» (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 132–133; в не раз цитированной статье А.Л. Соболева в тексте есть разночтения (Мережковские в Париже. С. 344).

³⁵⁴ Э. Арман (Эрнест Жюэн, 1872–1962) – французский анархист; «в апреле 1901 основал печатный орган с толстовской или христианско-анархистской тенденцией “L’Ere nouvelle”» (Dictionnaire biographique de mouvement ouvrier français / Sous le direction de Jean Mitrou. Т. X. Paris, 1973. Р. 157). Жан Грав (1854–1939) – известный французский анархист, синдикалист, издатель разных печатных органов и автор ряда книг.

³⁵⁵ Имеется в виду статья Мережковского «Религия и революция» для сборника «Царь и Революция» (вышел в Париже в 1907 на французском языке. По-русски – М., 1999).

³⁵⁶ Волконский Сергей Михайлович, кн. (1860–1937) – театральный деятель, критик, беллетрист, был директором Императорских театров (1899–1901).

³⁵⁷ Мечников Илья Ильич (во Франции – Эли, 1845–1916) – врач, биолог, в Париже в эти годы был заместителем директора Пастеровского института.

³⁵⁸ Судя по всему, имеется в виду книга Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939) «О мистическом анархизме», бывшая в то время последней сенсацией сезона. Статья Гиппиус – видимо, «Иван Александрович Неудачник» (Весы. 1906. №8). И впоследствии «мистический анархизм» вызывал резкую критику «Весов» и, в частности, Гиппиус. Для характеристики отношений круга Мережковских с Чулковым в это время, а также для добавочных сведений об их внимании к анархизму приведем письмо Чулкова к Д.В. Философому, написанное на почтовой бумаге журнала «Адская почта»: Многоуважаемый и дорогой Дмитрий Владимирович! Прежде всего, извините, что пишу на редакционной бумаге: нет другой под руками. Спасибо за письмо. Очень интересуюсь тем, *что* Вы напишете о моей книжке. Скоро выходит моя другая брошюра «Анархические идеи и Генрик Ибсен». Мне очень хотелось бы, чтобы Вы и эту книжку приняли во внимание при Вашем разборе. Прочел Вашу статью в «Нашей Жизни» по поводу Эльцбахера: а я как раз занимаюсь синдикализмом и читаю «Le mouvement Socialiste» (и даже случайно познакомился с г-жею Лагардель; последняя – впрочем – не очень интересна). Совершенно согласен с Вами относительно синдикализма: он очень скучен и очень необходим. Я вообще занимаюсь теперь анархизмом, особенно Штирнером. Читаю «Der Einzige und sein Eigentum» (и с большим трудом: я ведь почти не знаю по-немецки). Не можете ли Вы, дорогой Дмитрий Владимирович, переправить мне книжку Амона через библиотеку, через Антона Владимировича? Устройте, Бога ради! Передайте мой искренний привет Дмитрию Сергеевичу и Зинаиде Николаевне. Крепко жму Вашу руку. Любящий Вас Георг. Чулков. 10 авг. 1906 г. Мой адрес старый: СПб., Саперный, 10, кв. 55. (Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky Papers. Box 6. Folder 11). См. также: Михайлова М.В. З.Н. Гиппиус и Г.И. Чулков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1999. № 5.

18

<Печатный адрес>

4.9.<19>06.

Милый мой Валичка, я вам не отвечала долго, потому что не хотелось. А не хотелось, потому что как-то очень мне не нравится тон ваших писем. Может быть, больше – может быть, весь тон нашей *переписки* не нравится. Видите, я беспристрастна. И менее всего хочу обвинять вас.

Но виноваты ли мы оба или никто не виноват, – факт налицо, и я думаю о том, что бы тут сделать. Есть, конечно, лишь два средства: или изменить тон, или прекратить переписку. Которое вам больше по душе? Я, с своей стороны, готова попытаться сделать первое, и в случае неудачи перейти ко второму. Я не предполагаю непереносимой неудачи. Ведь все-таки мы с вами люди неглупые, да и простоты в нас, ей-Богу, больше, чем это иногда кажется. А в тоне нашей переписки есть какая-то дурного тона непростота, которая, может быть, какими-нибудь отношениями, или положениями, или временами, или возрастами и бывает оправдана, но только не нашими. Никаких у нас таких оправданий нет, а потому мы и могли бы, уж если переписываться, то с бóльшим умом, грацией и пользой, нежели делаем это.

По-моему, вы согласитесь со мной. Сами, я думаю, видите, что «не того».

А что вам революция сделала, что вы пишете о ней с таким старательным презрением? Ведь нельзя же презирать безумие за то, что оно цельное и круглое, а не «благоразумное полубезумие»³⁵⁹? Я знаю, хорошо знаю, *помню*, что вы не «презираете» ни безумия, ни смерти. Так зачем вам понадобились эти лишние слова, – которые, впрочем, меня не огорчили. Просто лишние, в самом совершенном смысле.

Напишите, Валичка, (если напишется) обо всех людях, которых видите (ну, конечно, не обо всех – это преувеличение). Но о некоторых. И неужели, вообще говоря, у вас нет ничего, что бы вы могли сказать только мне, только мне бы подходило? – Думаю, есть ли у меня такое, что бы вам только подходило? Размышляю... нахожу. Но для этого надо тон писем изменить. И признаюсь, что на это потребуется труд. Однако не пожалею труда. А вы?

Зин. Г.

Такая африканская жара, что мы сидим 4 дня в плену, ни шагу из дому. Даже уехать нельзя.

19

<Печатный адрес>

14.9.<19>06 г.³⁶⁰

Милый Валичка. Какой вы смешной! Ведь «учить» это и значит «давать». (Надо знать, как учить-давать, но это уж другой вопрос. Я никогда не стану бескорыстной, всегда буду стремиться «получать» – но я не вижу, почему должен наступить момент, когда никто мне ничего не будет давать, никто не захочет меня учить? Или не сможет, хотите вы сказать? Не думаю, чтобы я дожила до этого. Пока, во всяком случае, даже и вы очень щедры ко мне. И оказались на этот раз даже в положении для вас хоть и не «самом худшем», но все-таки мучительном:

³⁵⁹ Автоцитата из стихотворения «Грех» (см. выше).

³⁶⁰ Дата написана неразборчиво. Возможно, должно читаться «7». Однако лекции в летнее время были скорее исключением, чем правилом.

вы даете (учите), а сами не хотите получать, да и действительно не получаете, должно быть, потому что я готова, по всей доброй воле.

Я не обижаюсь вашей жалостью, ведь это я же вам первая и сказала, что для вас вместо любви – есть жалость. И это хорошо, пусть тот, кто не знает любви, хоть жалостью дышит. Все-таки дыхание. Жалость, обращенная ко мне, не спасает меня, но и не вредит мне; я просто не чувствую ее; но вам, конечно, этот цветок в душе всегда должен давать кой-какую радость лишнюю.

Что касается стремления к неодинокости – то ведь это стремление всечеловеческое, вечное и бесспорное. И оно же – и ваша тоже сущность. Разница лишь в силе устремления, а затем в средствах, к которым прибегаешь. Кроме того – я еще требовательна. Я хочу не-одинокости <так!>, обусловленного известным одиночеством, т.е. сохранением личности. Иные, отчаявшись, идут на эту уступку – ну и получают легче и скорее меня. Я знаю, что цель моя *в полноте* недостижима. Что из этого? Есть *более* и *менее*. И мою надежду на *более* я не отдала бы за *вашу* всю уже имеемую вами радость. – Вот вчера на лекции Минского³⁶¹ видела Смирнова. Подошел к нам с Димой и сказал: «Здравствуйте, я здесь не бываю, я не занимаюсь социальными вопросами, я работаю и *очень счастлив*, я так счастлив, как даже в СПб не бывал. Ну, до свидания». И ушел, страшный, с мертвым лицом (как никогда даже в СПб), с мертвым голосом. Нам сделалось холодно и больно. А ведь это из области «вашего счастья», Валичка! Я вас не люблю, но так как умею любить вообще, то и не жалею вас; но просто иногда делается по человечеству *больно*, – от этого чужого «счастья». Тем более, что знаешь вашу исступленную стыдливость насчет *не счастья* и червонность *истинную*, не ту, в которую вы наряжаетесь. Вам кажется, что необходимо показывать радость, быть счастливым, до такой степени въелось в вас декадентство и беспомощность. Вы так боитесь жалости, что даже если б и не умели обманывать себя – обманывали бы других. Смирнов обманывает себя, но слишком неискусен, чтобы обмануть других, и мертвая маска его сразу обличает его. А вы, конечно, готовы ради себя верить и в смирновское счастье. Вы уже требуете от всякого непрерывное (надрывное) исповедание «счастья». Мое трезвое спокойствие вы принимаете за «беспросветность» и советуете мне резиньяцию с таким жаром, как будто вы тут чего-то касались собственным опытом... Нет, я революционерка и на резиньяцию не пойду, что бы она мне ни сулила. И *мое* средство для достижения не-одинокости – я считаю единственно верным. Не усумнюсь в том, если и не успею сама пройти весь курс лечения и не вылечусь. Рецепт оставлю. Другие успеют больше меня.

Жалость, по-моему, ожесточает человека *à la longue*³⁶². В вашем письме чувствуется, хотите не хотите, ожесточение. А какая уж радость при жесткости.

Нет, не заражайте меня. Вот Смирнова заразили... нет, нет, не дай Бог эдакого счастья. Право, он очень страшный. В заключение скажу, что я не хвалюсь знанием вас *вполне*, но лишь *кое-что* знаю, и знаю, что оно – хорошее.

Ваша Зин. Г.

20

Дорогой Валичка!

Вы так близко – и так до сих пор недостижимы! Неужели не приедете на денек – на два? Погода дивная, а что здесь дивно – вы знаете.

³⁶¹ О какой лекции Н.М. Минского идет речь, нам неизвестно.

³⁶² В конце концов (*франц.*).

Я не сомневаюсь, что все равно скоро вас увижу, может быть, раньше даже, чем Дима (ведь он едет отсюда в Амьен³⁶³) – но мне хотелось бы скорее, да и «на земле» я вас ни разу не видала. Может, совсем иначе на вас посмотрится – и не забудется.

Не пишу вам больше, во-первых, потому, что всякие письма – прах и тлен, а во-вторых – рука не ворочается, кончаю мучительную и отвратительную статью, которая мне самой опротивела до чертиков³⁶⁴.

Вот кончу – тогда на день влюблюсь в нее.

Что же, надеяться нам на явление ваше или покориться? Черкните открыточку.

Еще вот что: хотя я и не предполагаю серьезно, что на выставке будет мой портрет Бакста en Mlle de Maupin, однако *на всякий случай* передайте ему (где он?), что у меня определенное и неизблемое желание этого портрета больше *ни на какой выставке не знать*³⁶⁵. Не правда ли – вы ему это скажете?

А засим прощайте, и еще раз – приезжайте. Я понимаю, что свидевшись со Смирновым после столь долгой разлуки, вам трудно и на день от него оторваться, но принесите все же эту жертву нам, если сможете!

Ваша Зин. Г.

Pierefonds

1.10.<19>06.

21

[Штемпель:] 8.10.<19>06.

Понед<ельник>

Валичка, жду строчки, завтра веч<ером> на Th. Gautier, о том, когда, в какой час можете прийти к нам в среду, послезавтра. Выбирайте, что удобнее вам: к завтраку (в 1 ч.), в 4–5 дня, обедать (в 7) или вечером. Мне одинаково, только известите. Если вы «лежите в постели», – я приду к вам, как Смирнов³⁶⁶. Объяснюсь!

Дима уехал в Амьен. На всякий случай просил вам передать одну вещь.

Итак – до среды.

Ваша Зин. Г.

Открытка.

³⁶³ В Амьене с 8 по 16 октября 1906 г. проходил XV национальный конгресс синдикалистов. Письма Философова к Гиппиус из Амьена опубликованы: *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого. С. 87–88.

³⁶⁴ Через полтора месяца Гиппиус писала Брюсову: «С эти письмом посылаю Ликиардопуло (он так просил) – увесистую кипу бумаги. <...> Статья “Без мира” посвящена сборнику (преимущественно) “Вопросы религии” <...> Относительно статейки “Наоборот” – уж не последнее, а первое слово за Вами. Там прямо речь о “Весах” (с очень узкой и парадоксальной точки зрения) и речь *против* “Весов” <...> Третья статья “Мы и они” – лишь некое предисловие к будущему, вопросы “тактики”, даже еще не “практики”» (Письмо от 15 (28) ноября 1906 // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 153–154). Вероятно, в данном письме имеется в виду статья: *Гиппиус З.* Без мира // *Весы*. 1907. № 1. С. 57–65. О получении двух сборников, о которых там идет речь, Гиппиус сообщила Брюсову 8 октября н.ст. Статья «Мы и они» датирована маем–июнем 1906 (*Весы*. 1907. № 6. С. 47–54). Статья «Наоборот» в печати не появлялась, кажется возможным предположение Т.В. Воронцовой, что это вариант статьи «Братская могила» (*Весы*. 1907. № 7. С. 56–63). Однако в начале октября она не могла писаться, т.к. значительная ее часть посвящена повести М. Кузмина «Крылья», появившейся только в 11-м номере «Весов» за 1906 г.

³⁶⁵ Речь идет о знаменитом бакстовском портрете Гиппиус в мужском костюме (1906). Мадмуазель де Мопен – героиня одноименного романа Теофиля Готье.

³⁶⁶ Этот визит Нувеля подробно описан в большом письме Гиппиус к Д.В. Философому (*Pachmuss Temira*. Intellect and Ideas in Action. P. 103–106), которое следует учитывать при выстраивании линии отношений Гиппиус к Нувелю.

<Печатный адрес>
13 Ноября <19>06.

Валичка, милый, не только я не «сержусь» на ваше письмо, а даже оно меня радует и утверждает. «Маврушка» дала вам именно те мысли, которые я вполне с вами разделяю, которые я в эту повесть и заключила³⁶⁷. Только вы их мне преподнесите в виде возражения – тут, может, и моя вина: хорошо выразила, да не в совершенстве ясно. Это я готова признать.

Так вот вам «послесловие».

Вы говорите, что у Влади не мужская, а женская психология. Это как раз то, о чем я наиболее думала, чего наиболее сознательно желала достигнуть. До чистоты, до схематичности; которой, конечно, *не бывает в природе*, – я и тут с вами согласна; и даже ваше предположение, что один, может быть, найдется, – отвергаю. Ни одного такого нет, наверно. Вы, Валичка, как-то не так на литературу смотрите, как я. Спорить, кто смотрит вернее, можно, но это уж второе; признать же, что возможно существование другого, – моего, – взгляда и понять его – вам все-таки надо. А я смотрю так, что в литературе я даю *в чистом* виде то, чего никогда в жизни в чистом виде не бывает, и не бывало, да и не может, вероятно, быть, а потому литература всегда – жизненная *невозможность*. Она очень нужна для человека, ибо по ней очень ясно, что известные точки в жизни *есть*, и однако литература одно, а жизнь совсем другое, и хорошо, что так. На что мне литература как отражение жизни! Уж лучше тогда одна, сама жизнь, и никакого ее подобия рядом (литературы) не надо. И не мечтанья даже о жизни, ибо я отнюдь не хочу, чтобы жизнь стала подобной какой-нибудь литературе, моей или чьей другой, – отнюдь! литература просто сопутствующий указатель, уяснитель, схематизатор того, что часто без схемы трудно видеть, а надо видеть, что оно есть. Понятно ли я пишу? Повторяю, вы можете не соглашаться, я только хочу, чтобы вы поняли *мой* взгляд и ощущение.

Теперь далее. Вы опять совершенно правы, утверждая, что половое чувство уничтожается благодаря совместной жизни с детства брата и сестры. Вы даже формулируете точно и сжато далее одну из *главных* мыслей, которую я определенно и старалась выразить в «Маврушке»: «Большинство педерастов росли в детстве вместе с девочками» (пассивных, прибавим мы, схематизируя). Я, Валичка, поцеловать вас готова за то, что вы это поняли. Да ведь я же и хотела показать, что росли они «как склеенные» (тоже схематично взято, *чисто*, как не бывает), и оттого-то и – не сестра ему стала женщина, а «женщина» ему стала *сестра*! Сестра Вера не могла и *отнюдь* не возбуждает в нем полового чувства, отнюдь! Но Маврушка ему *сестра*, вот что хотела я сказать! С его «женской» психологией – соединение с женщиной ему должно казаться физиологически столь же чудовищным, как «нормальному» мужчине с мужчиной. – Конечно, сто раз конечно – этого всего *нет* в жизни, ибо это «чистый вид», схема, а жизнь не схема (и не литература). А что это *схема существующего* – вы отрицать потому не можете, что сами это же говорите; почему не увидели нашего согласия в «Маврушке», *через* нее – я не знаю, готова, пожалуй, и думать, что плохо выразила, неярко, неясно. Но мне казалось – намек довольно для того, кто уже сам в тех же мыслях.

Может быть, «слог» вас спутал, не «понравился»? Часто многое просто «не нравится», и тут уж какие же споры, это область «несказанных» убеждений, внутренних «вкусов» души – или темперамента. А что лежит в области разума, мыслей и построений – то я вам, как могла, изъяснила, и наше тут «согласие» несколько не страдает и не может пострадать от вашего «не нравится».

³⁶⁷ Рассказ Гиппиус (Весы. 1906. №10). Продолжение разговора о нем см. в следующем письме.

Веру, сестру героя, я совсем не делала; я к ней еще, может быть, вернусь. Вернусь когда-нибудь и к схеме обратного раздвоения – т.е. когда не в одном человеке два «я» (что мы уже наблюдали, и в жизни, смешанно – и в литературе, вполне), но когда в двух людях одно «я». Я кончаю «Маврушку» намеком на это.

Не стою я, Валичка, за мою фактическую литературу, но за мое отношение к ней – очень. Если оно неверное – все равно оно имеет же свое *raison d'être*³⁶⁸.

Ауслендеру напишу, с удовольствием, но сначала вы скажите, что вы там насплетничали, что я чту? И сколько, определенно, ему лет? И какой он, определенно? Как Бакст, как вы или как Сергей Волконский? Или еще «?»³⁶⁹

Я, Валичка, больна (чахотка моя обыкновенная), злюсь на себя невероятно, упираюсь жить и думаю, что непременно выживу. Я ведь как кошка: сбрось ее с 5 этажа – покашляет, почихнет, взъерошенная – и опять такая же. Вы мне тоже стали милее после нашего свидания, прозрачнее как-то, и письма ваши хорошие. Напишите поскорее.

*Во многом ваша
Зин. Г.*

«Бедный город» усиливаюсь не отвергать ожесточенно, но, кажется, скоро скажу: «пас»: сил никаких не хватает³⁷⁰.

23

*<Печатный адрес>
5 Ноября... Тыфу, декабря! – <19>06.*

.....Вера
– И я тебе противна?
– Ужасно, – признался Владя.
«Маврушка»

Эпиграф мой, милый Валичка, – для краткого возражения на ваши слова, что отношение брата у меня «недостаточно ясно выражено». А затем сразу перейдем, с этим покончив, далее.

В каких мы ни хороших отношениях, – а ведь я могу рассердиться. Я всегда сержусь, когда Нувель начинает меня угощать банальностями и общими местами. Я испокон веков считаю, что это ему не пристало. И не то мне жалко, не то сержусь. Будем мы еще с вами «об искусстве» рассуждать, о его «трепете жизни и бытия», – может быть, о его «святости»? Нет, нет, я не согласна об искусстве. Да и не умею я, да и не решусь: я слишком знаю, что я, будь хоть семи пядей во лбу, непременно уже искусства. Наверно знаю, что есть и настоящее какое-нибудь, но которого я не вмещу – а другой вместит³⁷¹. Кроме случаев несомненной бездарно-

³⁶⁸ Право на существование (*франц.*).

³⁶⁹ Сергей Абрамович Ауслендер (1886–1937) – в то время начинающий писатель, впоследствии известный прозаик, племянник М.А. Кузмина. Вместе с Нувелем входил в кружок «гафизитов» (подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. С. 67–98). Небольшое количество его писем к Нувелю 1907–1908 гг. см.: РГАЛИ. Ф. 781. Оп. 1. Ед. хр. 1. Письмо Гиппиус к нему написано не было (см. далее).

³⁷⁰ «Бедный город» – очерк Гиппиус о Париже (Весы. 1906, № 8. С. 35–39), о котором она выразительно писала Брюсову: «Послала вам сегодня маленькую статейку “Бедный город”. Это лишь *сюр d’oeil*, но интересны отдельные личности бедного города, Анатолий Франсуа <так!> и Жан Грав, Пилаты, фарисеи и блудницы. Менее всего любопытная русско-жидовская колония» (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 133).

³⁷¹ Отсылка к Мф. 19:12.

сти и последовательной, – я никогда нейдю дальше «нравится» и «не нравится» – о чем, как я вам писала, не спорят.

Итак, вопроса «об искусстве» и о том, что «литература первым делом искусство», – я не поднимаю. Я, признаться, думала, что и вы не сомневаетесь в моем естественном соединении «литературы» с искусством. А вот о «схеме» вы, должно быть, оттого не поняли, что я взяла неудачное слово. И чуть не вышло у вас, что «это тенденция», а «тенденциозное искусство» – не искусство, ибо мертво» и т.д. Нет уж, я вам лучше на грубом примере объясню, что я называю «моей схемой» в *искусстве*. Помните мое вам стихотворение – «Грех»? «Полубезумие – полуничтожность»... Ну, не так, кажется, да я забыла, – вроде. Я описывала нечто в вас, подлинно существующее, но не как нечто в вас, – а как *вас*. В реальности вы не такой, никогда им не были и не будете. Но эта черта ваша, смешанная, умягченная, усложненная другими, часто ими заслоненная, – очень важна. И никто ее, может быть, в смешении и не разобрал бы (что она есть), – а теперь, благодаря моему «искусному» схематизированию, ее двое или трое увидели и запомнили, и вы сами могли бы увидеть, и это, пожалуй, было бы нужно. Не для «исправления» даже, а просто как нужное нам, радостно-желанное, ясные очи. Чтобы не останавливаться на вас – было у меня и другое стихотворенье «Она», напечатанное в «Весех», кажется. «В своей бессовестной и жалкой низости она как пыль сера.....»³⁷² И там все в таком роде, а кончается тем, что это «моя душа». Ну очевидно же, что моя душа вовсе не такая, и не была такою ни секунды. И однако все это она же, все это в ней есть, и очень хорошо, что я на минуту искусственно, посредством искусства очистила подлинно существующее от смешения. Увидела яснее. А так как я предполагаю, что есть и другие, на меня похожие (не одна же я на всем свете), то и для других душ кое-что поясняет. Вот вам мой «принцип», осознание моего чувственного устремления. Когда я этого достигаю, когда нет – вопрос другой. Вам ведь взгляд, принцип казался непонятным.

Понятно теперь?

Насчет женщин и мужчин.... Я, Валичка, разве возражала вам, что в таком случае женская психология непонятна мужчинам? Я и против вашего утверждения, что мужская недоступна женщинам, ничего не возражала. Это потому, что я тут смотрю гораздо проще и немножко шире, чем вы. Главное – проще. Я как-то не могу с вашей определенной резкостью разделять всех людей на чистых мужчин и чистых женщин, принимая к тому же за определяющий факт телесную половую организацию. Признаться, от вас особенно странно это слышать и не указать вам на противоречия. Вы могли бы знать, что пол столько же, если не *больше*, зависит от организации мозга, сколько от устройства тела. Больше потому, что часто пол определяется именно мозгом, в *противоречии* с телом. Тогда происходит выверт, более или менее полный, никогда абсолютный, конечно (жизнь не схематична, а в смешениях, в оттенках). Другое дело – если мы будем говорить о наиболее крайних типах, которые, в общем, редки (а потому и неинтересны): о мужчине с почти неуловимым женским началом, и обратно – о такой же женщине³⁷³. Тут я с вами соглашусь, что психология такой женщины скорее доступна такому мужчине, но только потому, что в среднем мужчины имеют гораздо больше творчества; вернее и точнее – *только* мужское начало – творческое, а *женского* творчества *вовсе нет*. Если и были фактические женщины (полом телесным женщины) творческими – то все же творило их мужское начало, а не женское. Этим и объясняется, что так мало и плохо творимое женщинами: мало еще в них мужского начала. Я в поле ставлю разделения *начала* мужского и женского; физиологи кладут пол в мозг, а вы, Валичка... в половые органы! Это, ей-Богу, примитивно, и жизнь на каждом шагу должна вам доказывать, что она сложнее, запутаннее и загадочнее.

³⁷² Стихотворение опубликовано: Весы. 1906. №3/4. С. 14.

³⁷³ Эти рассуждения Гиппиус параллельны известным теориям О. Вейнингера (а, возможно, и генетически восходят к ним). Несколько подробнее (с библиографией) см.: *Берштейн Евгений*. Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 208–228.

Я вам не навязываю ни своих теорий, ни своих выводов. Вы только попробуйте взглянуть более объективно, более свободно от личных ваших вкусов, на которые никто не посягает, – да и зачем вам оправдывать их мыслями? – и вы увидите, что дела мира еще не так просто определились.

Если абсолютная женщина «низшее существо» (а есть ли, много ли *абсолютных* женщин?), если в «женском начале» нет творчества, – то зачем это женское начало? Уничтожить его, и дело в шляпе. Но, Валичка, я не знаю, зачем оно, а только знаю, что в нем своя, неизъяснимая, божественная прелесть, и знаю еще, что без него нет пола да и нет мира, ибо нет полюсов, антиномий, которые и суть жизнь мира, и даже все творчество в нем. Может быть, захотите вы тогда уничтожить лишь *женщин*, оставив женское начало в мужчинах? Но этим вы оскорбляете всю плоть мира вообще, не давая ей участия в жизни духа с его антиномиями и полярностями, не позволяете им тоже воплощаться, тоже искать своей последней гармонии. Дайте миру быть во всех его переливах и недоконченностях, не однородным внешне – ибо это влечет за собою внутренний хаос. «Непринятие» мира не должно быть комично и беспечно, с такого-то числа и целиком и навсегда (Г. Чулков и мистический анархизм³⁷⁴) – но лучше принимать сегодняшний во имя завтрашнего. *Так* оно и веселее – и серьезнее. И понемножку яснее все делается, а это большая радость, хотя и обвитая глубоким страданием.

Видите, Валичка, ничего бы я вам не писала, если бы вы были действительно

...без радости – и без страдания...

а вот пишу, значит, верю, что вы не такой, как в моем «Грехе». Но и грех – правда; только он – схема, т.е. то, чего реально не было, нет и не должно быть.

Может быть, впрочем, вы не любите «ясные очи». В них – риск: вдруг увидишь такое, что в себе не понравится, а изменить не сможешь. Оправдания же при «ясных очах» нет. И лишишься без него легкой радости ради беспечных страданий. Это, конечно, не расчет. Я сама это отлично понимаю. Но что касается меня лично – тут я ничего не могу сделать. Люблю органически ясность взора, чего бы это мне ни стоило, хотя бы потери самого себя.

Вы отлично нарисовали портрет Ауслендера. Я так живо его себе представила, что потеряла всякую возможность ему писать. Нет уж, Валичка, лучше вы пока воспитывайте эту молодежь, вас ведь давно влекла педагогическая деятельность, а я не буду. Ко всякому воспитанию надо относиться серьезно. А я слишком смешлива, я чересчур чувствительна к комическим чертам, до слабости. Я бы над этими вашими юношами прежде всего стала так хохотать, что ничего, кроме глупого, из наших отношений бы не вышло – к обоюдному неудовольствию. Я все признаю: и серьезность искусства, и даровитость, и молодые творческие силы, и всяческие искания, а вот отсюда вижу, как смущал бы меня бес хохота над «изнеженным» Ауслендером и его гомосексуальными аспирациями, – и пусть это грубо и неблагодарно, сама знаю, – а вот хохочу³⁷⁵. И над Кузьминым бы стала хохотать при всем искреннем признании его таланта. О Гофмане, которого немножко знаю, и говорить нечего³⁷⁶. А какой уж воспитатель – смех! Нет, я для *вашей* молодежи не гожусь. Меня она не переделает – я уж стара для вольтов, а я ее сейчас динамической не признаю. Да и нет у меня исключительного влечения к юности,

³⁷⁴ См. письмо 17, примеч. 7. Здесь, однако, сделан выпад не только в адрес Чулкова, но и не названного по имени Вячеслава Иванова, предисловие которого к книге Чулкова называлось «Идея неприятия мира и мистический анархизм».

³⁷⁵ Обсуждение вопроса о сексуальной ориентации Ауслендера см.: Богомолов Николай. Итальянские письма Нины Петровской // Archivio italo-russo. Trento, 1997. Р. 124 (или: Валерий Брюсов – Нина Петровская. Переписка. М., 2004. С. 238 и др.); Из переписки Нины Петровской / Публ. Р.Л. Щербакова и Е.А. Муравьевой // Минувшее. [Т.] 14. М.; СПб., 1993. С. 384; Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 521–522.

³⁷⁶ Речь идет о Модесте Людвиговиче Гофмане (1887–1959) – тогда начинающем литераторе, входившем в круг близких знакомых Вяч. Иванова, авторе брошюры «Соборный индивидуализм», впоследствии известном литературоведе. Впрочем, не исключено, что Гиппиус путает его с поэтом В.В. Гофманом.

как у вас. Мне подавай равных, я, вон, и на вас сержусь, когда вы меня заставляете какие-то заржавленные вопросы поднимать и повторять четыре правила арифметики. Пусть поучатся у вас, пройдут ваш опыт (чем скорее, тем лучше) – и уж потом либо поборемся, либо поучимся друг у друга. А пока им еще нежно и на диванах валяться – что я могу?

Ты со смешной своей мятежностью
Не подходи ко мне³⁷⁷.

Я как будто выздоровела. Боюсь себя сглазить. Видела Бакста, которого достаточно ругала и который внезапно умчался в Берлин. Совершенно неожиданно приехал к нам Боря Бугаев³⁷⁸. Вы, кажется, его средне любите? Скажите Ауслендеру, что насчет безграмотности это не я утверждаю, да и бездарности я не утверждаю, отнюдь! А точно: мне эта вещь показалась очень *старой*, очень обыкновенной, стиля же нет вовсе. Уму А-ра верю по вашей рекомендации – и только. Ну, простите, Валичка, ежели я опять что-ниб<удь> не так написала, но я была оч<ень> искренна, а «обмен мнениями» тем и дорог. Пишу вам с удовольствием, ибо многое выясняю кстати и себе из того, что мне скоро придется писать и о чем часто думаю. Считаю, что если выражаюсь *для вас* непонятно, – значит, скверно выражаюсь. Учусь.

Посылаю вам много нежностей и прощаюсь – с надеждой на ответ.

Ваша Зин. Г.

24

*Суббота утром.
Париж.*

Валичка, милый мой, ну что это, что вы «взаправду» обиделись? Просто не ожидала и стыжусь. Особенно дико, что в П<е>т<е>рб<урге> вы не обижались на Д.С., а здесь, когда он был смиренно добродушен, в сущности, да и не мог быть иным (у нас иные условия житейские, которых вы не увидали) – здесь вы обиделись на «хозяина (?) дома»!!

Я, ей-Богу, все-таки не верю, хотя Дима и уверяет, что вы «серьезно».

Приходите к нам завтра вечером, в воскресенье. Приходите часов в 9, чтобы не мучаться с извозчиками потом.

И будьте вы проще, милый Валичка. Вы же чувствуете, что у меня есть настоящий кусочек чего-то очень хорошего к вам; – в моей душе – к вам. Может быть, на всем свете такого именно (по качеству, не по количеству) ни у кого больше к вам и нет, и надо это ценить, как я ценю сама.

Итак, до завтра.

Ваша Зин. Г.

Р.С. Баксту скажите (он еще остается?), чтобы он непременно как-нибудь зашел ко мне днем, часа в 4, 5. Спросите его, в какие дни он свободен. Скажите, что жену его³⁷⁹ я ругать не буду, ибо никакого к тому основания не имею (в глаза ее никогда не видала), а его – непременно буду, всячески, и не могу иначе. Честно предупреждаю; чтоб если боится, то и не приходил бы.

³⁷⁷ Неточная цитата из стихотворения Гиппиус «Водоскат» (1905). В тексте первая строка выглядит: «Ты с бедной человеческою нежностью».

³⁷⁸ Андрей Белый приехал в Париж 1 декабря 1906 г. и провел там три месяца.

³⁷⁹ Жена Л.С. Бакста – Любовь Павловна, урожд. Третьякова, по первому мужу Грищенко. Об их отношениях см.: *Бенца Александр*. Мои воспоминания. Кн. 4-5. С. 438.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ – В.Ф. НУВЕЛЮ

1

14 Января 1901.

Дорогой Вальтер Федорович, думаю, что мы все уже не то что не должны, а просто не можем, если бы и хотели, покинуть Философова. Именно со вчерашнего дня он не только Вам, но и нам стал как родной, и чем больше он отталкивает нас, тем сильнее мы его любим, даже не жалеем, а именно *любим*. Но я почувствовал вчера, что Вы его любите особенно, потому что лучше всех нас знаете. Ежели кто может его спасти, то именно Вы, и он весь на Вашей ответственности. Мало того, мне кажется, что и он Вас любит, хотя сам этого *пока* не знает, но непременно когда-нибудь узнает. Вас, впрочем, трудно узнать, это я на себе испытал. Но Философов для этого достаточно внутренне тонок и чуток, несмотря на всю свою внешнюю (притворную иногда и даже неискусно притворную) грубость и глухоту.

Итак, вопроса быть не может – уйти ли Вам? Я почти уверен, что без Вас никогда не придет к нам Философов. Вы неизбежный путь его к нам. И мы все уже настолько любим его, что без него нельзя нам быть. И зрителем мы его допустить не можем. Какой он «оглашенный»! Какие мы «священники»! Или ничего нет, или мы все равны, и даже не равны, а самые последние (поздние) должны оказаться самыми первыми³⁸⁰. Это не «смирение», – а логика, математика.

Вот насчет Гиппиуса³⁸¹ и Бакста есть сомнения: если Философов уйдет, то почти наверное навсегда, ибо он действительно, как Вы сказали, «стар», и действительно страшно за него.

А Гиппиус, пожалуй, слишком молод и у него жесткость и кислота неспелых плодов, – просто ему, может быть, надо полежать. Если он уйдет, то почти наверное вернется, и тогда будет зрелый. Но, конечно, лучше бы и он не уходил, особенно теперь, для Философова. Бакст *уже* религиозный человек, как все евреи. Думаю, что он никогда окончательно не будет наш, но он может быть долгое время <?> очень полезен и дорог нам, даже стоя *около* нас, почти против нас. Но не мешает ли он Философову? Как бы их примирить.

Знаете ли, – несмотря на почти невыносимую аскетическую мучительность вчерашнего вечера, он все-таки оставил во мне глубокое и *сладостное* чувство. Все чудится мне, что *кто-то* при дверях, на пороге другой комнаты действительно стоял и хотел войти³⁸². И теперь от нас зависит, чтобы Он вошел.

А «искушения» даже вовсе не было, думаю, что в этом смысле искушения и никогда не будет, по крайней мере, для меня. Тут помогает мне мое сознание и некоторое знание: из-за чего же Нитче погиб так жалко, так стыдно: второй раз на этом сойти с ума нельзя! Думаю, что «приживальщик» с «хвостом, как у датской собаки»³⁸³ измышляет для нас какие-нибудь более хитрые искушения.

³⁸⁰ Перефразировка евангельского «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19: 30).

³⁸¹ Владимир Васильевич Гиппиус (1876–1941) – поэт и литературный критик, дальний родственник З.Н. Гиппиус. О его связях с Мережковскими в 1900–1901 гг. см.: *Гиппиус Зинаида*. Дневники: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 91–92.

³⁸² Отсылка к евангельскому образу: «Так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях» (Мф., 24: 33).

³⁸³ Имеется в виду дьявол. Слова в кавычках – перефразировка описания черта в кошмаре Ивана Федоровича Карамазова:

Чувствую себя совсем больным от вчерашнего, но очень бодрым и надеюсь, что приду сегодня к Розанову³⁸⁴.

Верю, что не надо говорить, – что Вы сами чувствуете, что мы, я и З.Н., любим Вас.

Д. Мережковский.

А что делать с Перцовым³⁸⁵? Не виноваты ли мы перед ним? И если так, то как бы это исправить? Он мне, право, даже и мил, как родной!

2

4 Июня

1901 Луга (Вари. ж.д.)

Дача Пешкова № 1.

Дорогой Вальтер Федорович, умирает или уже умер Л.Толстой³⁸⁶. В моей статье есть выражения, которые можно употребить о живом, но не о мертвом. Ввиду этого, пожалуйста, пришлите мне еще раз корректуру следующего, т.е. Июльского номера³⁸⁷. Я исключу то, что теперь не подходит. Это необходимо до такой степени, что лучше задержать номер или даже снова отпечатать статью, чем пускать ее в таком виде. Полагаю, что с этим согласятся и Дягилев, и Философов. Если надо, телеграфируйте им.

Слышал о смерти Вашего брата³⁸⁸ и глубоко Вам сочувствовал

Сердечно Ваш

Д. Мережковский.

3

7.8.<1902>

Дорогой Вальтер Федорович,

очень прошу Вас во имя общего дела доставить мне тот № *Мира Искусства*, где помещена моя статья «Целомудрие и Сладострастие» (об *Инполите* Еврипида³⁸⁹), а также адрес художника *Нестерова*³⁹⁰. Простите за беспокойство, очень нужно. Пошлите и то, и другое в Лугу, имение Заклинье. Нестерову мы хотим заказать обложку журнала³⁹¹.

Сердечно Ваш

«Гость ждал и именно словно приживальщик <...> Раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки, в аршин длиной, бурый...» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 71, 86).

³⁸⁴ Об отношениях Мережковских с В.В. Розановым см. в воспоминаниях З.Н. Гиппиус «Задумчивый странник» (*Гиппиус З.Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991).

³⁸⁵ Петр Петрович Перцов (1868–1947) – литератор, журналист, формальный издатель журнала «Новый путь». Подробнее об отношениях Мережковских с ним см.: Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / Публ. М.Ю. Кореневой // *Русская литература*. 1991. №2–3; Письма З.Н. Гиппиус к П.П. Перцову / Публ. М.М. Павловой // Там же. №4.

³⁸⁶ Слух этот оказался неверным.

³⁸⁷ Речь идет о печатавшемся в журнале «Мир искусства» исследовании Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

³⁸⁸ О братьях Нувеля Ричарде, Федоре и Эдуарде см.: *Бенца Александр*. Мои воспоминания. Кн. 4-5. С.486–488. Какой именно (Эдуард или Федор) из рано умерших братьев имеется здесь в виду, мы не знаем.

³⁸⁹ Статья Мережковского «Трагедия целомудрия и сладострастия» была напечатана в №7-8 первого тома «Мира искусства» за 1899 г. Видимо, просьба о присылке статьи была связана с готовившейся премьерой «Инполита» (см. выше, в письме Гиппиус № 5).

³⁹⁰ Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942).

³⁹¹ Замысел заказать Нестерову обложку журнала «Новый путь» не был осуществлен. Журнал выходил в шрифтовой обложке.

Д.Мережковский.

Год устанавливается по содержанию.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В.Ф. НУВЕЛЬ – Д.В. ФИЛОСОВУ

1

Дорогой Дима,

Что же это такое? Неужели снова недоразумение? В четверг я прождал Вас с 10 ч. до 1 ч. на выставке³⁹², согласно посланному мной накануне письму, но Вы не явились! При этом ни слова объяснения от Тебя! Был ли Ты без меня? Если нет, то не хочешь ли встретиться завтра в воскресенье в 10 ч. в Русском отделе? Если да, то дай знать телеграммой. Если нет, то приходи во всяком случае днем, иначе Ты уже не застанешь нашей выставки, ибо она закрывается завтра.

Я нарочно не хочу Тебя на свою Conférence, ибо считаю ее хламом. Преступно<?> сдался на упрашивания товарищей.

Целую Тебя. Твой Нувель.

Дмитрию Сергеевичу передай, что M-me Bord рада его видеть каждый вечер с 8 ч. 90, Avenue Niel.

Суббота, 10 / XI 1906.

2

22 / X 1907.

Дорогой Дима,

Вчера я собрался к Пирожкову³⁹³ (после того, что 1 ½ недели прождал ответа на мое письмо). Выяснить однако там ничего не удалось. Не ругай меня за бестолковость. Так, на расстоянии, невозможно решать за других. – Будь любезен, выработай сам план издания и почти – бюджет. Я, напр<имер>, не знаю Ваших намерений: хотите ли Вы, чтобы это было сугубо роскошное издание (цена 10 р. приблизительно) или Вы хотите лишь «более изящное» издание (цена 3–5 р.). Из этого же придется исходить. В первом случае нужны: особый шрифт, малое количество экземпляров, дорогая бумага. Во втором можно ограничиться лишь вставлением в прежний набор (это мечта Пирожкова) – иллюстраций. Теперь относительно их самих. Что предпочел бы Д.С. – род документов для потомков (т.е. главные типы и костюмы, проекты декораций) или же настоящие иллюстрации без мысли о сценических условиях. – Покамест я еще не заказал, меня³⁹⁴ и то и другое соблазняет, но, раз избрав путь, будет трудно его менять. Решайте Вы за меня. – Решите также количество иллюстраций и характер их. Хотите

³⁹² Речь идет о русском отделе парижского Salon d'automne (Осеннего салона), организацией которого занимался С.П. Дягилев. Какой доклад там делал Нувель, мы не знаем.

³⁹³ Пирожков Михаил Васильевич (1867–1927) – петербургский издатель, услугами которого пользовался Мережковский. Здесь речь идет о подготовке неосуществившегося издания драмы Мережковского «Павел I».

³⁹⁴ В оригинале – «мне».

Вы, например, «Buchschmuck»³⁹⁵, тогда следовало бы каждую «картину» начинать заставкой и кончать концовкой, следовало б<ы> сделать фронтиспис и какие-нибудь украшения в буквах над оглавлением и проч. Или предпочитаете Вы иллюстрации – в виде виньеток в менее значительных местах и в виде целых листов насупротив главнейших мест? Последние можно б<ы> сделать и в несколько красок. Я б<ы> даже просил мне дать советы о гонораре. Можно запросить 35 р. за виньетку и 100 р. за Vollbild³⁹⁶ (оригинальные мои) или это дорого? Лучше б<ы> всего Тебе выработать приблизительную смету. И сделай ее автократно, пришли мне ее готовой, дабы не тратить время на переговоры. Если же я найду чтó неладное, то извещу Тебя, и тогда поторгуюсь. Нужно исходить из чего-либо готового. –

Когда же Вы возвращаетесь? Вы очень нужны нам – мне в особенности. Без Ваших коррективов я рискую сделаться однобоким, т.к. не выхожу из братии Кости, Валички, Аргутона, Кузьмина <так!> и проч.^{397 398} Не знаю, однако, получите ли Вы здесь что-либо. Правда, для меня закрыты целые (быть может, самые важные) сферы нашей жизни, а Вы как раз найдете к ним доступ. Но как будто и от этих сфер смердит тухлятиной. Нужно что-то совсем другое, но это другое так далеко и невероятно, что и мечтать о нем неловко. Русская действительность никогда еще не была такой плоской, уютной, коварной, циничной, бессмысленной и загадочной, нежели теперь. Если б<ы> Вам удалось приглядеться к вещам ближе (это еще не значит вернее – где истина?), то Вас поразили бы самые несуразные не то мерзкие, не то милые сюрпризы. Для эстетического отношения есть во всяком случае материал, и я «смакую», как еще никогда. Не презирайте меня за это – черта эта в общем механизме и лишенная значения.

Целую.

Ваш В. Нувель.

<Приписка к дате:> Какое-то ноября по-французски. – Увы, это все отсюда бесконечно далеко. И в Salon d'automne оттого не поехал. Где нам!

3

19 окт<ября> / 1 ноября 07³⁹⁹

Мой милый Дима,

Мне хочется сегодня сказать тебе несколько слов. Мы давно не писали друг другу. Но за это время я часто и с любовью думал о тебе.

Неожиданная смерть Лидии Дмитриевны Ивановой поразила и взволновала меня. Стало как-то жутко, страшно и за себя, и за других, близких. И вот я хочу сказать тебе, что, несмотря на внешнее отдаление и на многое, разделяющее нас, – ты мне близок и дорог как прежде, и что память о прошедшем будет для меня всегда драгоценна.

Не отвечай мне, если не почувствуешь искренней потребности.

Просто мне хотелось, чтоб ты знал, что я не забыл тебя.

Любящий тебя

Валя.

³⁹⁵ Книжные украшения (нем.).

³⁹⁶ Иллюстрация на полосу (нем.).

³⁹⁷ Костя – Константин Андреевич Сомов; Валичка – уменьшительное имя самого Нувеля; Аргутон – князь Владимир Николаевич Аргутинский-Долгоруков (1874–1941), чиновник министерства иностранных дел, коллекционер; Кузьмин – искаженная фамилия М.А.Кузьмина. Набор имен показывает, что речь идет о круге сугубо гомосексуального общения.

³⁹⁸ Иванов еще не вернулся. Вы, вероятно, слышали, что Лидия Дмитриевна скончалась [жена В.И. Иванова Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал скончалась 17 октября 1907, от скарлатины.]. – *Примеч. Нувеля.*

³⁹⁹ Дата написана карандашом и, вероятно, принадлежит Философому, обозначая день получения письма.

10 / 23. I. 1908.

Дорогой Дима,

Твое письмо о смерти И.И. Щукина потрясло меня⁴⁰⁰. Что же это за загадки? Что привело его к самоубийству? Слышал я, что в этом году как раз кончился его многолетний роман. Кто кого бросил? Бакст уверяет, что она, как всякая француженка, должна быть похожа на пьявку: насосавшись, отпадает. – Если это так, то можно понять его душевную пустоту (хотя дама она была довольно несносная и не очень аппетитная). Но странно было уже то, что год назад он продал всю свою художественную библиотеку Голубеву⁴⁰¹. Видимо, он начинал сбиваться, терять почву. Да и отношение его к коллекции за последнее время было странное: он перестал в нее «верить»⁴⁰². Несмотря на то, что «принято было» его не любить, у меня сохранилось после этого моего пребывания в Париже скорее приятное воспоминание. Он очень изменился сравнительно с прежним. Но эта перемена и повела его к смерти. Во всяком случае, трагический конец этот сообщает ему теперь ореол. «Не всякий» отравится. И если следует считать самоубийство малодушием по сравнению с тяжелым подвигом вынести сознательно свою жизнь до конца, то с другой стороны самоубийство – акт глубокого героизма и красоты в сравнении с тусклым прозябанием и унижительным закрыванием глаз. И.И. вырос теперь для меня в неожиданную высоту, и я думаю, Ты это чувствуешь тоже. Я думаю тоже, что Тебе не только совестно перед ним, но и жаль того, что не оценил человека, быть может, *достойного*. И себе и Вам даю на будущее время совет: будем внимательнее и шире. Возможность заложена во всяком и всякий может дать, нужно только уметь *спросить*.

Дорогой, у меня совсем не клеится с иллюстрациями для «Павла». Не лежит душа да и времени нет. Все же почти все набросано, а 3 доведены до конца. Ими я недоволен. Теперь же узнал, от «Шиповника»⁴⁰³, что у Вас идут переговоры с ним. С другой стороны, от Пирожкова ни звука, он меня не торопит, а я нуждаюсь в подстегивании. Выясни этот вопрос.

Как отнеслись французы к Вашей книге⁴⁰⁴? Завелись ли вокруг нее какие-нибудь новые отношения? Я ее теперь читаю. Когда прочту до конца, то, *если захочешь*, выскажусь. Я вообще не считаю себя (и всякого друг<ого>) вправе *лезть* со своим мнением. Таковое бывает иногда слишком некстати.

Целую Тебя. Жду Твоей статьи в «Руне»⁴⁰⁵, но боюсь, что издали Ты совсем не разобрался в том, что тут делается. Пиши.

Любящий Тебя

⁴⁰⁰ Щукин Иван Иванович (1869–1908) – коллекционер, журналист и искусствовед, сотрудник «Весов», постоянно живший в Париже с 1893 г., брат более известных С.И. и П.И. Щукиных. Покончил с собой, приняв цианистый калий, 2 января 1908. Среди причин его смерти называлось тяжелое денежное положение, отчасти вызванное романом со «старой, хорошо известной м-ль Бертой» (Из записей Н.И. Вишнякова // *Демская Александра, Семенова Надежда*. У Щукина, на Знаменке... [М., 1993]. С. 64).

⁴⁰¹ Голубев Виктор Викторович – коллекционер персидских миниатюр. Жил в Париже. Сведения Нувеля о судьбе богатой библиотеки И.И. Щукина не вполне верны: большая ее часть была подарена владельцем парижскому Институту восточных языков.

⁴⁰² Основным предметом собирательства И.И. Щукина были картины старых испанских мастеров. Однако после его смерти выяснилось, что значительную часть собрания составили подделки.

⁴⁰³ «Шиповник» – петербургское (после 1917 – московское) книгоиздательство, существовавшее в 1906–1922 гг. Основано З.И. Гржебиным и С.Ю. Копельманом. Книга Мережковского вышла в 1908 г. в издательстве М.В. Пирожкова.

⁴⁰⁴ Имеется в виду книга Мережковского, Гиппиус и Философова «Le Tsar et la revolution», изданная в Париже на французском языке в 1907 г. См.: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и Революция / Первое русское издание. М., 1999.

⁴⁰⁵ В «Золотом руне» в 1908 г. статей Философова не появлялось.

В.Нувель.

ЦЕНЗУРА, АВТОЦЕНЗУРА И РЕДАКТУРА: ЗИНАИДА ГИППИУС В «СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

11 июня 1931 года в парижском литературно-философском обществе Мережковских «Зеленая лампа» прошло заседание, посвященное не сразу понятному вопросу: «У кого мы в рабстве? (О духовном состоянии эмиграции)»⁴⁰⁶. Вступительное слово делал Георгий Иванов, и он практически с самого начала своей речи заговорил о цензуре и автоцензуре. Точнее, в обратной последовательности: «Сама собой установилась и забирает все большие права строящаяся самоцензура, направленная неумолимо на все, что выбивается из-под формулы “писатель пописывает, читатель почитывает” <...> Кто же установил эту цензуру? В том-то и ужас, что “никто” – сама собой установилась»⁴⁰⁷.

Отвечая ему, Зинаида Гиппиус формулировала вопрос резче и гораздо более внятно: «Иванов увидел факт: писатели находятся под чьей-то цензурной лапой. Как? Здесь? При такой свободе – и вдруг цензура, да еще хуже, чем Николаевская? Странное явление! Иванов стал смотреть вниз: от читателя, что ли, цензура? Нет, не от читателя»⁴⁰⁸. И ответ на него тоже был гораздо более резким: «Реальное положение зарубежной литературы таково: вся пресса, говоря серьезно, сводится к *двум* газетам и *одному* журналу. <...> Литература, зарубежные писатели – свободны как никто. Откуда-то цензура? <...> от них, от владельцев и редакторов нашей скудной зарубежной прессы»⁴⁰⁹.

Нетрудно понять, что здесь имеются в виду две газеты – «Последние новости» и «Возрождение», и журнал «Современные записки», единственные, которые выходили регулярно, в центре русской диаспоры, имели стабильно значительный тираж и, что важно не в последнюю очередь, могли платить не грошовые гонорары. Гиппиус имела все основания судить о том, что эти издания представляли собой, поскольку так или иначе сотрудничала с ними со всеми. Но ни с одним из них ее отношения не были идеальными.

Однако, чтобы с основательностью делать какие бы то ни было заключения на этот счет, необходимо взглянуть вообще на проблему взаимоотношений Мережковских с современной им периодикой.

На протяжении долгого времени Мережковские искали печатный орган, где могли бы чувствовать себя свободно, но все время оказывались на втором плане. В «Северном вестнике», где их довольно продолжительное время привечали, у руля твердо стояли А. Волинский и формальный редактор журнала Л. Гуревич. «Мир искусства» был все-таки журналом в первую очередь художественным, да и С. Дягилев вовсе не склонен был передоверять руководство другим людям. «Новый путь» оказался под двойной цензурой, церковной и светской, поэтому приходилось сдерживать не только свое перо, но и перья других авторов. Планы на редакторство в 1908–1909 гг. также или не реализовались, или обернулись слишком кратковременными эпизодами. «Голос жизни» (1914–1915) получился весьма мимолетным. То же относится и к эмигрантскому периоду: небольшие журналы, вроде «Нового корабля», долго не могли продержаться на поверхности, а большие (как «Современные записки»⁴¹⁰ или «Числа») вовсе не спешили отдать Мережковским лидерство. Думается, на деле это было вызвано вовсе

⁴⁰⁶ См.: Литературная энциклопедия русского Зарубежья 1918–1940: Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 171–172. В прениях участвовали Г.В. Адамович, В.С. Варшавский, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, В.А. Злобин, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, Н.А. Оцуп, С.Л. Поляков-Литовцев, Б.Ю. Поплавский, В.Н. Сперанский, Ю. Фельзен, М.О. Цетлин.

⁴⁰⁷ Иванов Г. Без читателя // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 536–537. Впервые: Числа. 1931. Кн. 5. С. 149.

⁴⁰⁸ Гиппиус З. Арифметика любви: Неизвестная проза 1931–1939 годов. СПб., 2003. С. 351. Впервые: За свободу! 1931. 21 июня. № 161.

⁴⁰⁹ Там же. С. 352–353.

⁴¹⁰ В дальнейшем мы пользуемся сокращением названия – СЗ.

не злоумышлениями редакций. По складу своего характера и творческих способностей ни Гиппиус, ни тем более Мережковский, не были способны к сколько-нибудь продолжительной и упорной журнальной (не говоря уже о газетной) работе. Оказался способен Д.В. Философов, но это по-настоящему обнаружилось только в варшавских русских изданиях, где он стоял у руля.

Обратим внимание, что единственный журнал, где они были движущей силой, продержавшийся сравнительно долгое время и относившийся к категории классических толстых журналов, – это «Новый путь» (1903–1904), да и то последние номера уже выпускались новой редакцией. А ведь там редактором были Философов и опытный журналист П.П. Перцов, а в повседневной работе им помогало много добровольцев. Все же остальные издания выдерживали совсем краткое время. И даже заведование литературным отделом «Русской мысли» оказалось им не по плечу.

Если в первые несколько лет после бегства из Совдепии Мережковские, как кажется, не очень выбирали, где именно печататься⁴¹¹, то с 1923 г. они сосредоточиваются на публикациях в изданиях хотя бы относительно демократической направленности: парижские газеты «Последние новости» и «Звено», берлинские «Дни», варшавская «За свободу!». В «Последних новостях» Гиппиус начала систематически печататься с июля 1922 и продолжала до мая 1927 г., но потом последовал интервал до августа 1931, т.е. больше четырех лет. И с марта 1936 г. сотрудничество с ними затухает вновь. Против позиции «Возрождения» на первых порах она решительно протестует, однако после ухода из газеты П.Б. Струве с декабря 1927 г. Мережковские переходят в эту консервативную газету, существующую под довольно аморфным руководством разных людей, из которых им приходится иметь дело чаще всего с С.К. Маковским и Ю.Ф. Семеновым. Мережковский так и будет печатать свои уже нечастые публицистические статьи преимущественно в «Возрождении», а Гиппиус расстанется с ним в 1929 г. и вернется в «Последние новости», в двухгодичном промежутке печатаясь еще в «Сегодня» и «За свободу!». На этом фоне их сотрудничество с СЗ кажется почти что безоблачным.

Гиппиус впервые напечаталась в журнале в № 10 за 1922 год, а последний – в предпоследней книге журнала в 1939 году. Мережковский впервые появился в № 15, а в последний раз – в книге 58. Но если присмотреться внимательнее, то окажется, что все было далеко не так просто. Гиппиус-поэту в сотрудничестве не отказывали вообще практически никогда, стихи она могла печатать, сколько хотела (другое дело, что публиковала их далеко не всегда). А вот литературную критику и публицистику – с большим разбором и с большими перерывами. Большие и серьезные ее статьи, появившиеся в СЗ, – две «Литературные записки» (1924, № 18 и 19), «Оправдание свободы» (1924, № 22), «Меч и крест» (1926, № 27). Вот фактически и все. Единственная небольшая статья более позднего времени – «Авантюрный роман» (1931, № 46) – была лишена какой бы то ни было литературной или общественной злободневности. Остальное – воспоминания, рецензии, некрологи. Литературные произведения Мережковского не встречали препятствий к напечатанию, наоборот – редакция высоко ценила его сотрудничество, но публицистика вообще не печаталась в журнале, за исключением единственной статьи – к столетию восстания декабристов.

Причину этого М.В. Вишняк усматривал в одном, но главном обстоятельстве: «Мережковский и Мережковская-Гиппиус не довольствовались своими литературными и поэтическими достижениями. Они претендовали на большее: на *водительство*, литературно-художественное».

⁴¹¹ Библиографией (Гехтман М.В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М., 2007) и комментариями к сборникам произведений Мережковского и Гиппиус (Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001; Гиппиус З. Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов. СПб., 2002) зафиксированы их публикации в следующих изданиях 1920–1922 гг.: «Виленский курьер», «Сегодня» (Рига), «Свобода» (Варшава), «Последние новости» (Париж), «Отечество» (Париж), «Свободное слово» (Ревель), «Последние известия» (Ревель), «Руль» (Берлин), «Общее дело» (Париж), «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс).

ственное, религиозно-философское, общественно-политическое»⁴¹². Более чем понятно, что такой претензии редакция журнала не хотела и не могла принять. Особенно неприемлемой для СЗ была, конечно, позиция Мережковского. Она достаточно хорошо известна⁴¹³, поэтому приведем лишь одну затерянную в газетах эпохи цитату: «Вы говорите, о политике нельзя? Но о русской литературе трудно говорить вне политики... Кто-то нашел, что для спасения России нужно соединиться с большевиками... Нет, не о спасении одной России надо думать. Помните у Блока: “Мировой пожар раздуем”?.. Кто знает, быть может, страдания России нужны для спасения человечества... Голос Мережковского крепнет, звучит пророчески. Впалые глаза загораются странным блеском, всматриваются куда-то в глубину, в царства Антихриста... Много позже, на улице вспоминается: “Спасение мира другие народы кончат, Россия начнет”»⁴¹⁴. Политика, в разных ее преломлениях, была для него чрезвычайно важна, однако ее направление явно входило в противоречие с устремлениями СЗ. Но дело, кажется, было даже еще сложнее, и это вполне вырисовывается из переписки Гиппиус с редакторами СЗ⁴¹⁵, которая сохранилась далеко не полностью, но все же насчитывает порядка 200 писем и в значительной своей части касается именно редакционных вопросов, в том числе цензуры, самоцензуры и редактур. Наши размышления отталкиваются именно от этой переписки⁴¹⁶.

Воспоминания Гиппиус «Маленький Анин домик», напечатанные в 17 книге журнала и бывшие ее первой не стихотворной публикацией там, никаких видимых последствий не вызвали. Но уже следующая публикация, подписанная Антоном Крайним, – «Литературная запись. Полет в Европу», спровоцировала невероятный скандал и принесла немало неприятностей издателям. Они были вынуждены отвечать и на замечания П.Н. Милокова⁴¹⁷, на гневное письмо С.С. Юшкевича, появившиеся в «Последних новостях»⁴¹⁸, и на письмо своего активного сотрудника Ф.А. Степуна, которое он отправил в редакцию журнала⁴¹⁹, и иметь в виду позицию «Воли России»⁴²⁰, а также критиков статьи, опубликовавших свои письма в варшавской «За свободу!»⁴²¹, и т.д. Даже М.В. Вишняк, внешне солидаризовавшийся с позицией Гиппиус⁴²², в частном письме к ней, написанном 26 января 1924 г., очень решительно упрекал ее в несправедливости и предвзятости многих характеристик. Конечно, голоса протеста были не единственными: многие с удовольствием поддерживали хотя бы часть обвинений, выдвинутых в этой статье. Но для журнала статья была в общем невыгодной: поднявшийся шум вовсе не

⁴¹² Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. [Б.м.,] 1957. С. 130.

⁴¹³ См.: Мережковский Д.С. Царство Антихриста; в т.ч. послесловие О.А. Коростелева и коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина.

⁴¹⁴ Седых А. Наши анкеты. У Д.С. Мережковского // Звено. 1925. 16 марта. № 111. С. 3.

⁴¹⁵ В силу обрисованных выше особенностей мы далее пишем почти исключительно о взаимоотношениях с редакцией З.Н. Гиппиус, поскольку сотрудничество Мережковского особой проблемы не составляло.

⁴¹⁶ Все цитаты, приводимые в дальнейшем (кроме особо оговоренных), относятся к публикации: «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М., 2011, 2013. Т. 1 и 3, с указанием тома и страницы. Назовем ранние публикации: Вишняк М. З.Н. Гиппиус в письмах; Письма З.Н. Гиппиус // Новый журнал. 1954. № 37. С. 183–210; Пахмусс Т. Из архива Мережковских: Письма З.Н. Гиппиус к М.В. Вишняку // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Т. 23. № 3. Р. 417–467.

⁴¹⁷ См.: П.М. [Милоков П.Н.] «Современные записки», кн. XVIII // Последние новости. 1924. 31 января. № 1157. С. 3.

⁴¹⁸ Юшкевич С. Антон Крайний в «Современных записках» // Последние новости. 1924. 1 февраля. № 1158. С. 2.

⁴¹⁹ «Я написал по поводу ее очень энергичное письмо в Совр<еменные> Зап<иски>. Если бы она мне была прислана, я бы ее не пропустил» (М. Горький и Ф.А. Степун. Переписка / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. И.А. Бочаровой // De visu. 1993. № 3 (4). С. 48, 52–53). Это письмо в настоящее время неизвестно.

⁴²⁰ См., напр.: Слоним М. Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики // Воля России. 1924. № 4. С. 53–63, здесь: С. 54.

⁴²¹ См., напр.: Яблоновский А. Письмо в редакцию // За свободу! 1924. 24 марта. № 81 (1136); Волковыский Н. Письмо в редакцию // За свободу! 29 марта. № 85 (1140) и др.

⁴²² [Б.п.] От «Современных записок» // Последние новости. 1924. 6 февраля. № 1162. С. 2. Там же была помещена заметка Гиппиус «Необходимые поправки».

способствовал укреплению репутации его как объективного, взвешенного органа как в политике, так и в литературе.

В какой-то степени такое развитие событий стало неожиданностью для редакции. 25 декабря 1923 г. Фондаминский писал Гиппиус почти что с восторгом: «Несмотря на то, что ты всех наших сотрудников сильно обижаешь, статью твою почти не тронули – только выпустили несколько строк об уголовных деяниях Горького (не под стиль журналу). Да и то просили меня заступиться, если ты рассердишься. Я ужасно радуюсь, что ты будешь вести свою “Литературную запись” и что первая статья редакции так понравилась» (Т. 3. С. 225).

Однако Гиппиус, судя по всему, даже такое вмешательство сочла цензурным, о чем и написала Фондаминскому в ответном письме, которое нам неизвестно, но ответ на которое вполне раскрывает суть дела: «Ты сердишься на *цензуру*. Насколько я знаю, цензура заключалась в том, что тебя просили выкинуть несколько строк и смягчить несколько отзывов о 2–3 наших сотрудниках. Если это цензура, то что же такое *редакция*? И как же ты могла быть годы цензором, издавая свой журнал?⁴²³ И как можно издавать журнал, не приводя весь материал в к[акое]-то хотя бы очень расплывчатое единство?» (Т. 3. С. 231; письмо от 11 января 1924).

Именно исходя из этой общей позиции Фондаминский защищал Гиппиус в письме к П.Н. Милюкову, отстаивая обвинение в адрес Горького в поддержке изъятия материальных, а не только духовных ценностей⁴²⁴, Вишняк и Гиппиус написали письма в «Последние новости», где объясняли позицию журнала и свою собственную, и так далее. Но урок на будущее был редакторами усвоен.

Когда Гиппиус собралась писать продолжение «Литературной записи» с подзаголовком «О молодых и средних», уже в самом первом письме Фондаминский предложил ей «честный договор», состоявший в следующем: «Будем вести дело непосредственно друг с другом. От тебя не требуется “аполитичности”, но ты сама знаешь, какую “политику” мы можем вытерпеть, какую нет. О темах будем сговариваться мы с тобой. Рукопись ты будешь присылать мне. Ты сама понимаешь, что более “либерального” редактора ты не найдешь. Если я тебя попрошу ч[то]-н[ибудь] устранить, ты мневеришь, что этого мы “вместить”⁴²⁵ не можем. <...> Если ты почувствуешь, что тебе тесно, ты “Запись” прекратишь. Но, ради Бога, не надо “контрабанды” и “обхода цензора” – между нами этого не должно быть. Потому очень тебя прошу сообщить мне, о чем ты будешь писать (я думаю<, > о “Коне Вороном”⁴²⁶) и, если тема подходящая, принимайся теперь же за писание, чтобы успеть прислать мне рукопись» (Т. 3. С. 248).

И почти сразу же (в письме от 29 февраля 1924) сообщил ей такой список замечаний и требований вставок, который обескуражил бы любого. А параллельно сообщал коллегам по редакции: «Если вы не решили вопроса о ее дальнейшем участии, я вас очень убеждаю не спешить с его отрицательным решением. Может быть, опыт с Ант. Кр[айним] окажется неудачным, но чтобы узнать это, надо его проделать до конца. Надо, чтобы она могла приспособиться к журналу, почувствовать, что ему надо и, если всё-таки разногласия будут велики, только тогда расстаться. Лично я хорошо знаю З.Н. [Гиппиус], много с ней здесь говорил и убежден, что, в основном, она целиком с нами: выше всего ставит личность и свободу, ненавидит реакцию больше меня и в большом культурном смысле настоящая демократка. Но ведь надо спеться, сговориться, приладиться друг к другу. Если бы мы 3 года назад попробовали длительно сра-

⁴²³ Имеется в виду журнал «Новый путь» (1903). Гиппиус не была в нем официальным редактором, однако фактически его возглавляла.

⁴²⁴ Письмо датировано 10 февраля 1924 г., однако, по каким-то причинам не было отправлено. Оно сохранилось в архиве М.В. Вишняка (Lilly Library. Vishniak papers. F. 26). См.: Т. 1. С. 151–152.

⁴²⁵ Явная отсылка к Мф, 19: 12.

⁴²⁶ Новая повесть В. Ропшина (Б.В. Савинкова), вышедшая в Париже в 1923 г. Гиппиус о ней действительно писала в своей статье.

батываться с рядом людей, мы бы теперь имели больше настоящих своих сотрудников» (Т. 1. С. 161; письмо от 1 марта 1924).

Вряд ли случайно Гиппиус написала Вишняку по этому поводу (письмо от 24 февраля 1924): «...поскольку я Пушкин, постольку есть у меня и Николай I, который сказал мне: “я сам буду твоим цензором”. Поэтому пошлите, прошу Вас, мою статью Илюше [Фондаминскому]» (Т. 3. С. 253).

Но Гиппиус была готова примириться даже и с этим, но не с полным отвержением ее статей. Когда Вишняк холодно сообщил ей: «Много[уважаемая] З[инаида] Н[иколаевна], мы сообща обсудили в редакции переданное Вад. Викт. Р[удневу] предложение Ваше дать для ближ[айшей] книжки воспоминания о Плещееве и Полонском и находим, что такая тема была бы мало современна для общего, а не специального историко-литературного журнала. Не предложите ли Вы что-нибудь другое, если не для этой книжки, то для следующей?» (Т. 3. С. 260, черновое), – она взбунтовалась (см. ее письма к Вишняку от 13 и 16 мая 1924) и вынудила редакцию на какое-то время установить перемирие⁴²⁷. Но только до очередного случая. Его пришлось ждать не очень долго: уже в марте 1925 г. в переписке появляются упоминания статьи, которая именуется то «Смысл любви» (по Вл. Соловьеву), то «О любви», то «Искусство и любовь», то как-то еще. И тут же она получает инструкции от Фондаминского: «Да, вот, чтобы не забыть, когда будешь писать “О любви”, будь осторожна с Иваном Алексеевичем [Бунным]» (Т. 3. С. 291; письмо от 15 марта 1925). И он как в воду глядел: статья эта в СЗ не пошла, и Гиппиус была вынуждена печатать ее в «Последних новостях». Вот как объяснял причины своего решения Фондаминский в письме к соредакторам: «Я телеграфировал вам, что статья Гиппиус не может быть напечатана в этом номере, и о том же известил Зин. Ник. Мотивы следующие. Когда мы решили печатать статью Гиппиус в том же номере, в к[о]т[о]р[ом] печатаем “Митину любовь”, мы боялись лишь одного: что критика будет чересчур хвалебной. Вышло наоборот. Критика З.Н. явно *недобросовестная*. Очевидно З.Н. за что-то сердита на Ив. Алекс. <...> и не удержалась от того, чтобы не выявить это в статье. Статья очень интересна, но явно несправедливая и обидная для Б[унина]. К тому же она не дала мне права прочесть её предварительно Ив. Алекс. и к тому же цитирует роман по рукописи, а между тем Ив. Ал. кое-что выбросил и как раз то, что она цитирует. Я сам решил, что печатать в таком виде её нельзя. Чтобы проверить себя, я *по секрету* дал её прочесть Ив. Алекс. Эффект был тот, к[о]т[о]р[ый] я ожидал. Он ужасно огорчился и взволновался. Потому я написал З.Н., что – по личному своему своему волею, за что буду нести ответственность перед редакцией – я решил отложить её печатание до следующего номера. Мотивы: 1. Неверный текст. 2. Некорректность печатать критику на печатаемое в том же номере произведение, не дав прочесть автору. 3. Недоброжелательность критики, что противоречит ее прежним печатным отзывам. Я надеюсь убедить здесь З.Н. кое-что обидное изменить и предварительно самой прочесть статью Ив. Алекс. Думаю всё дело уладить, так что в 25 номере можно будет её печатать» (Т. 1. С. 232⁴²⁸).

И в тот же день он писал самой Гиппиус: «Прочтя твою рукопись, я телеграфировал Вишняку, что твоя статья не может быть напечатана в выходящем номере. Сделал я это не из страха перед редакцией, а наоборот, сознавая, что я совершаю неконституционный акт, беря на себя одного решение отложить статью, что редакция напечатала бы статью, не изменив ни одного слова. Поступил я так по следующим основаниям:

1. Я считаю некорректным печатать в одном и том же номере произведение близкого сотрудника и критическую, и в общем недоброжелательную, статью об этом произведении, не ознакомив предварительно автора с критической статьей о нем. Ты же не дала мне права

⁴²⁷ Инициатором этого примирения выступил И. Фондаминский, написавший Гиппиус трогательное письмо (Т. 3. С. 269–270).

⁴²⁸ Сняты некоторые раскрытия сокращений, утяжеляющие текст.

прочитать предварительно твою статью Ивану Алексеевичу. Когда я сговаривался с тобой о статье для этого номера, где печатается и роман Ивана Алексеевича, я не сомневался, 1) что статья будет благожелательная; 2) что ты предварительно прочтешь ее Ив. Ал. <...>.

2. Ты писала статью по рукописи. Между тем, Ив. Алекс. кое-что в корректуре выбросил. Например, слово “проститутка”, которое ты упоминаешь, теперь выброшено. Что еще выброшено, я не знаю. Ты сама поймешь, что произошло бы, если бы твоя статья была напечатана в таком виде.

3–4. Главные мотивы:

Напечатание статьи в таком виде и в этом номере рассорило бы нас навсегда с Ив. Алекс. И он был бы прав: нельзя печатать одновременно художественное произведение и недоброжелательную критику на него.

Это рассорило бы и тебя с Ив. Алекс., что я считал бы большим злом и горем. Я знаю, как ты любовно относишься к нему и как любовно и теперь он относится к тебе. Большой грех рвать такие цельные отношения, особенно в наших условиях жизни.

По существу же статьи я могу сказать следующее: статья глубокая и интересная, а для нашего дела важная и нужная. Но по отношению к Ив. Алекс. она недоброжелательна и несправедлива. Сколько бы ты не отрицала это, я не поверю – я верю своему слуху в этих вопросах, и он меня до сих пор не обманывал. Одно из двух: или ты должна выбросить всю эстетическую критику Бунина или быть в ней полнее и справедливее, во всяком случае, не противоречить тому, что ты писала о нем. На этом я и буду настаивать, когда мы с тобой увидимся. И я убежден, что ты со мной согласишься. И когда ты исправишь или дополнишь статью, ты прочтешь ее Ивану Алексеевичу: и после этого мы напечатаем ее в следующей книжке.

Родная Зина, поверь мне, что мною больше всего руководит не боязнь обидеть Ивана Ал., а любовь к тебе, к делу и чувство справедливости. Убежден, что живи мы вместе, всего этого не случилось бы. Я и сам горюю, что по болезни и слабости не даю всего, что могу. Зато верю в Божью помощь и прошу его дать нам сил, чтоб поработать для нашего дела» (Т. 3. С. 302–303).

И еще через неделю, отвечая на ее не дошедшее до нас письмо: «Ты пытаешься подвести *принципиальный* фундамент под наше разногласие – ты “соловьевка”, а редакция идет по линии разрыва искусства с жизнью. Но я тебе уже дважды писал, что редакция тут не при чем. Это было мое личное своеволие, которым редакция вряд ли будет довольна. И т.к. редакция, прочтя статью, – не сомневаюсь в этом, – будет просить тебя обязательно печатать статью в следующем номере и не будет требовать никаких изменений, то ты сама убедишься, что твое *принципиальное* обоснование инцидента не *tient pas debout*⁴²⁹. Буду убеждать тебя сделать изменения я и еще больше буду настаивать на предварительном прочтении статьи И. А-у <Бунину> я.

Буду делать это не по *принципиальным* соображениям, а по *формальным и личным*. По формальным, ибо считаю, что не в литературных нравах печатать критическую статью на художественное произведение в одном и том же номере, не прочитав критическую статью критикуемому автору (ты не дала мне права прочитать статью И.А., ибо писала: “Очень просила бы тебя, когда статью получишь, не читать ее ни Степуну, ни Ив. Ал-чу (это, пожалуй, я бы могла сделать только сама)”); по *личным*: ибо считаю, что в твоей статье – в ее художественной оценке романа Ив. Ал. – сквозит некоторое недоброжелательство к Ив. Ал., чего *не почувствовать нельзя*. Ты недовольна Ив. Ал. как человеком и политическим деятелем (это я знаю из твоих писем ко мне) и ты отразила это в своей статье. От этого шага я и хочу удержать тебя» (Т. 3. С. 305–306; письмо от 12 мая 1925).

Эти письма заслуживают комментария с точки зрения текущего момента: действительно, приблизительно до этого времени отношения между Буниным и Мережковскими, хотя в какой-то степени глубинно неприязненные, внешне были более чем приятельскими. И та часть днев-

⁴²⁹ Здесь: не выдерживает критики (*франц.*).

ников Бунина, которая до сих пор опубликована, и письма Гиппиус к нему⁴³⁰ свидетельствуют не только о корректно-нейтральных отношениях, но и о внутренней дружественности, доходившей до желания проводить значительную часть года в ближайшем соседстве, предполагавшем постоянное общение и в общем дружеское расположение, насколько оно было возможно между двумя писателями, особенно писателями, принадлежащими к столь замкнутому и противоречивому кругу, как литература русской диаспоры. Но у нас нет особенных оснований не верить Гиппиус, утверждавшей, что в ее статье Бунин занимает место далеко не главное, а на самом деле речь идет о сугубо эстетических и философских проблемах. И вместе с тем ясно, что по складу ее характера и дарования такого рода проблемы никак не могли решаться внешнелично: она не могла обойтись ни без «Габи, любовь моя» и тогда неизвестного, а теперь и вовсе забытого Шарля Деренна, ни без «Митиной любви» Бунина. И в общем контексте размышлений «о любви», с точки зрения самой Гиппиус⁴³¹

⁴³⁰ В апреле 1925 г. Гиппиус написала четыре письма Бунину, а следующее (почти записочка) последовало лишь через год, в апреле 1926 г. (*Пахмусс Т.* Из архива Мережковских: I. Письма З.Н. Гиппиус к И.А. Бунину // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1981. Т. 22. № 4. Р. 438–439).

⁴³¹ Подробнее см.: *Павлова М.М.* Случайные неслучайные встречи: Зинаида Гиппиус о Шарле Деренне // *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920–1940*. М., 2007. С. 303–314.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.